

Руслан Линьков

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ

Книга о профессиональных непрофессионалах

НОРМА

**Санкт-Петербург
2008**

ББК67.
Л59

Линьков Р.
Л59 **Непрофессиональная Россия: книга о профессиональных непрофессионалах.** – СПб.: Норма, 2008. – 192 с.

ISBN 978-5-87857-146-3

В книге известного журналиста и правозащитника собраны статьи последних лет, являющиеся ответом на прогрессивный рост того, что можно назвать «бегством от Закона» в самых различных средах – от патриотов до демократов, от прокуроров до генералов.

Общим свойством героев статей при всей разности их политических убеждений является то, что они противопоставляют Закону некую политическую или социальную целесообразность. В то же время анализ идеологии и деятельности героев моих эссе показывает, что в основе их убеждений всегда стоят интересы их самоутверждения и/или карьеры.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК67.

ISBN 978-5-87857-146-3

© Линьков Р., 2008
© Норма, 2008

Законы и внезаконники

Эти эссе были написаны в последние годы как ответ на прогрессивный рост того, что можно назвать «бегством от Закона» в самых различных средах – от патриотов до демократов, от прокуроров до генералов.

За пределами книги остались наши героические органы внутренних дел. Но их «подвиги» во славу Закона (в их толковании) уже стали «притчей во языцех» для всех – от интернет-сообщества «Живого журнала» до ведущих отечественных и западных mass media.

Общим свойством героев статей при всей разности их политических убеждений является то, что они противопоставляют Закону некую политическую или социальную целесообразность. В то же время анализ идеологии и деятельности героев моих эссе показывает, что в основе их убеждений всегда стоят интересы их самоутверждения и/или карьеры.

Поскольку равенство всех перед Законом является главным базисом демократии, то любая попытка обойти Закон независимо от ее обоснований оказывается доказательством того, что за этим стоят личные корыстные (в широком смысле слова) цели.

При этом не играет роли, что герои этих эссе обозначают в качестве прикрытия собственных целей.

«Защитой Закона» часто оправдываются те, кто готов даже в нормах законодательства, не говоря уже о правоприменительной практике, нарушать Основной Закон страны – Конституцию.

«Защита целостности России» характерна для тех, кто делал карьеру и бизнес на продаже в долг вооружений фундаменталистам-экстремистам (лидеры новой «Черной сотни», среди которых есть генерал, руководивший всеми поставками вооружений за рубеж) или на сломанных военными судьбах подростков (руководство Вооруженных сил).

«Забота о национальной культуре и православной религии» – отличительная черта тех, кто самозабвенно и со вкусом уничтожал в СССР веру и попирали национальные традиции и культуру.

В то же время в роли главных носителей демократии сегодня выступают главным образом не правозащитники, заплатившие сломанной жизнью и лагерями за право граждан жить свободно, и не серьезные современные интеллектуалы, а вчерашние благополучные представители советского среднего класса и их ученики и последователи. Сегодня они пытаются из своего

вчерашнего советского «кухонного диссидентства» и случайных обрывков знаний извлечь основания для роли современных властителей умов. Это выглядит крайне наивно (если не сказать нелепо), поскольку сейчас любой желающий может без всякого риска спокойно прочесть все их источники и многое другое в полном объеме — в том числе в Интернете. Специфика их интеллектуальной деятельности такова: все неординарное в ее основе принадлежит не им, все их выводы — неоригинальны вплоть до банальности или очень сомнительны. Все они фактически «интеллектуалы общих мест». Надо учесть и то, что в советской биографии большинства из них есть взаимовыгодное сотрудничество с советской властью, вплоть до КГБ. Я не призываю к их осуждению, но лишь предлагаю задуматься — не пора ли интеллектуалам России и Запада перестать принимать их всерьез.

В этой традиционной для России ситуации интеллектуального сумбура и разброда мои эссе — в отличие от трудов моих героев — отнюдь не претендуют на роль особых идеологических и интеллектуальных путеводителей. Это лишь заметки на тему о сложной интеллектуальной ситуации в современной России.

Они защищают свою роль профессиональных маргиналов

Российские фашисты и национал-патриоты: кто они и кому они нужны

В последние годы в России все более растет число избиений и даже убийств, которые совершают группы молодых людей под лозунгом «борьбы с врагами русского народа». Для этого они, вооружившись (ножами, битами, стальными прутьями и даже огнестрельным оружием), нападают на небооруженных людей (в том числе стариков и детей). Целый ряд статей уголовного кодекса РФ позволяет вполне однозначно классифицировать эти действия. В зависимости от обстоятельств и последствий эти преступления классифицируются как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), умышленное убийство (ст. 105), разбой (ст. 162) и даже бандитизм (ст. 209) и подлежат серьезному наказанию (вплоть до пожизненного лишения свободы). При этом они, как правило (в отличие от обычного разбоя с сугубо материальной мотивацией), совершаются при таких отягчающих обстоятельствах, как групповые действия и нападение на беспомощных детей и стариков. А то, что эти преступления совершаются по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, согласно статье 63 УК РФ и соответствующим подразделам выше указанных статей УК прямо отягчает наказание за них.

Неизбежно возникают два вопроса. Во-первых, почему, как правило, сроки за столь серьезные преступления в противоречие к нормам законодательства РФ занижаются, а некоторые их участники даже освобождаются от уголовной ответственности? Во-вторых, почему, с одной стороны, сами молодые люди, которые нападают на представителей меньшинств или иностранцев и правозащитников, считают себя не преступниками, а патриотами, а с другой — их преступления систематически оправдывают многие отнюдь не склонные сами к совершению уголовных преступлений россияне — в том числе присяжные заседатели? Ведь очевидно, что практически все сторонники и защитники криминальных патриотов, встретив группу возбужденных и нетрезвых молодых людей, предпочтут обойти их стороной. В то же время, как правило, эти же присяжные заседатели не проявляют такой снисходительности по отношению к преступлениям молодежной тусовки, если

они не совершены на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Более того, и присяжные заседатели, и государственные обвинители (сотрудники прокуратуры), и федеральные судьи во многих случаях вопреки очевидности не рассматривают эти преступления строго в соответствии с УК РФ как отягощенные мотивами национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Чем же объясняется эта странная и фактически противозаконная снисходительность?

Предметом данной статьи не могут быть проблемы идеологии и идеологов фашизма и национал-патриотизма в России во всем их разнообразии, так как это крайне сложные и слабо исследованные научные и политические проблемы. Достаточно показательно, что к этой проблеме и общество (за исключением отдельных правозащитников – в том числе и убитых национал-патриотами этнографов Г. Старовойтовой и Н. Гиренко), и власть стали относиться серьезно лишь недавно. Даже после того, как в последние два года задачи борьбы с этими явлениями и их профилактики поставил президент, во власти и около власти серьезное отношение к этим проблемам проявили фактически только В. Лукин – по должности и Общественная палата при президенте – по принадлежности к президенту. Прокуратура за немногими исключениями упорно уходила и продолжает уходить от проведения процессов по пропаганде ксенофобий. И это несмотря на то, что это государственные преступления – не случайно классифицирующая их статья 282 УК РФ входит в раздел «Преступления против конституционного строя и безопасности государства».

Национал-патриотизм и фашизм как одна из его форм – это сложные явления, социальные и психологические корни которых неочевидны. Сегодня их идеологи во многом ушли от прямой противозаконной пропаганды ксенофобий и научились маскироваться под ученых, государственников, истинно верующих, настоящих патриотов и т.п. Правоохранительным органам явно не хватает компетентности и опыта (а нередко и желания), чтобы с ними бороться. А большая часть того наивного патриотизма, который находится на поверхности, может вызвать лишь смех. Это, например, попытка запрета употребления названий валюты без запрещения ее хождения. Или весьма распространенное утверждение о вредоносном влиянии Голливуда на молодежь – притом, что по моральным нормам именно кино США большинство популярных российских бандитских сериалов (а также большая часть российской рекламы) были бы запрещены для показа без спецограничений. Но, видимо, у российской молодежи особая психология: побежденный в амери-

канском фильме бандит ее развращает, а победивший в российском фильме – облагораживает. И еще смешнее утверждения о великом и могучем русском народе (составляющем в России 80-процентное большинство), которому мешают какие-то ничтожные нацменьшинства, большинство из которых не составляют и одного процента населения. Они где-то и как-то его спаивают (видимо, за счет ЦРУ), развращают и унижают (очевидно, в качестве жертв преступлений против них) и т.д., и т.п. Видимо, до сих пор дают ростки корни глубоко внедренной советской политической пропаганды о врагах народа. Как ни странно, даже, казалось бы, вполне на вид образованные люди серьезно относятся к этим утверждениям наивного патриотизма. И, что еще более удивительно, при всем своем патриотизме они предпочитают покупать не отечественные, а импортные товары массового потребления, учат своих детей иностранным языкам, по мере возможности отдыхают за рубежом и т.д. и т.п. Но последствия массового распространения этого во многом анекдотического российского патриотизма отнюдь не так невинны. Он является той почвой, которая, будучи удобрена идеологией профессиональных национал-патриотов, формирует и политическое мировоззрение большинства населения, и криминальное поведение молодых людей, которые называют себя фашистами и/или национал-патриотами. И пропаганда ксенофобий, и насильственные преступления на их почве – это только верхушка айсберга массового российского менталитета, в котором для большого числа людей личную ответственность и систематическую работу традиционно заменяют поиски врага (в национальной традиции осуществляемые преимущественно «под градусом»).

Казалось бы, нет ничего страшного в том, что национал-патриотизмом тешат себя как разные многочисленные «бывшие» успешные советские деятели идеологии и культуры – вчерашние «великие писатели земли русской», которых сегодня никто не читает и уж тем более не издает миллионными тиражами за счет государства; превратившиеся в политологов патриотической направленности бывшие преподаватели марксистско-ленинской философии и политэкономии и, наконец, просто большинство немолодых людей, для которых уже навсегда их главным интеллектуальным багажом останется советская пропаганда, намертво «врезанная» в их подсознание. Но сегодня для России крайне остро стоит проблема выбора пути молодежью, двумя полюсами которой являются личная ответственность за свою собственную судьбу или поиск «врага великой страны», который упорно мешает ей быть великой. И этот выбор задает отнюдь не Голливуд и ЦРУ, идеология ООН

или Евросоюза, а общий российский мировоззренческий фон. А потому важно проследить, кто же идет по этому тупиковому для России пути до конца вплоть до тяжких уголовных преступлений и кто толкает их на это.

Первый и очевидный вопрос: кто же такие совершающие сегодня насильственные действия уголовного характера по отношению к так называемым «врагам русского народа» молодые национал-патриоты, в том числе фашисты: каков их социальный, профессиональный, культурный статус. Оказывается, что большинство из них или так называемые «временно не работающие» (в том числе отчисленные из вузов), или разнорабочие, или охранники, или бывшие рядовые сотрудники силовых структур и иногда — довольно редко — студенты (чаще ПТУ и техникумов, чем вузов). В этих группах, как правило, отсутствуют благополучные и профессионально успешные представители среднего класса — менеджеры, квалифицированные рабочие, инженеры и ученые. Таким образом, оказывается, что молодые люди, позиционирующие себя как идейные национал-патриоты и реализующие свой патриотизм в криминале на почве ксенофобий, — это типичные маргиналы современного высокопрофессионального общества. Более того, все они, как правило, активные участники уличных молодежных тусовок, для которых характерны систематическое употребление спиртных напитков и одновременно высокий уровень криминальной готовности. Традиционная прелюдия к их преступлениям выглядит так — «хорошо выпили и пошли кого-нибудь бить». Этот традиционный фон ксенофобных уголовных преступлений во многом напоминает первые годы установления национал-социализма в Германии. Вот, например, описанная в обвинительном заключении прелюдия к нападению восьми молодых людей на таджикскую семью (невооруженный мужчина и двое детей младшего школьного возраста), завершившемуся убийством таджикской девочки, *«бесцельно распивали спиртные напитки в Юсуновском саду... подошли трое молодых людей и позвали...»* А вот взятая из обвинительного заключения прелюдия к убийству вьетнамского студента «нападение на Ву Ань Туана было совершено 13 октября 2004 года около 22 часов на улице Льва Толстого. По версии обвинения, в тот вечер четырнадцать молодых людей, выпив спиртного, решили избить продавца арбузов, однако по пути встретили идущего навстречу Ву Ань Туана. Ему нанесли 37 колото-резаных ранений. Он умер от потери крови». Именно этим выпадением из современной профессиональной культуры и правовых норм сегодняшние национал-патриоты отличаются от российских эсеров и меньшевиков (в основном людей интеллигентных профессий) и приближаются к революционерам-большевикам

(которые в большинстве не имели не только высшего, но и среднего образования) и лидерам национал-социалистов в Германии. Последние — в отличие от уничтоженных ими бывших союзников, национал-большевиков, главным образом, представителей среднего и высшего офицерства — и сами были амбициозными маргиналами в немецком обществе и опирались на так называемую «демократию асфальта», т.е. штурмовиков из безработных.

Но если базисом победы национал-социализма был страшный мировой кризис (он же привел во многом к взрыву национализма и в других странах), то современная российская ситуация значительно отличается от той. В России криминальная деятельность патриотов-ксенофобов развивается в первую очередь в больших городах, где какая-то вполне прилично оплачиваемая работа есть для всех молодых людей. Сегодня проблема хорошо оплачиваемой работы скорее существует для большинства людей старшего возраста, в том числе с дипломами и научными степенями. Но если экономические претензии людей среднего и старшего возраста относительно невелики, то существует все более возрастающий разрыв между социально-экономическими претензиями большей части молодежи и ее реальным профессионализмом. Алкогольная наследственность, плохая экология, плохое образование (они аутсайдеры даже для современной российской системы образования, большинство носителей которого сами аутсайдеры в современном российском обществе демонстративного потребления) делают все большее число молодых людей аутсайдерами современного высокопрофессионального мира. Полученное образование, в том числе даже высшее, — как правило, не готовит молодых людей к хорошо оплачиваемым и востребованным сегодня профессиям. А если это образование является заочным или коммерческим (прямо или фактически), то это большей частью лишь пустая бумажка. Сегодня все серьезные коммерческие фирмы одновременно ужесточают свои требования к профессионализму и трудовой дисциплине сотрудников и испытывают острый дефицит серьезных профессионалов. В результате большей части молодежи предлагается тяжелая и неинтересная работа на стройках, в торговле, в охране, которая не соответствует социальным амбициям и материальным претензиям большинства из них (особенно юношей). А хорошо оплачиваемая рабочая профессия на иностранных и совместных предприятиях предъявляет настолько серьезные требования к профессионализму и дисциплине труда, что она для одних недоступна, а для других неприемлема.

Сегодня в России возникла парадоксальная ситуация с молодежью. Позитивная социальная и профессиональная молодежная политика фактически

ки отсутствует. Старшее поколение — родители, бабушки и дедушки, как правило, слабо ориентируются в новых для них реалиях российского общества и ничем не могут помочь своим детям и внукам в их социализации и профессионализации. Достаточно показательна их вера в магическую силу диплома, как бы и где бы он ни был приобретен. Они как будто даже не заметили всех тех изменений последних десятилетий на рынке труда, которые означают, что диплом, за которым не стоят серьезные знания и навыки, не гарантирует хорошей работы. В результате социальное сознание и поведение большинства молодых людей формируют сегодня четыре главные силы: мощная индустрия рекламы как пропаганда непрерывного «достойного» потребления; пронизывающая всю массовую культуру идеология нового патриотизма, фактически национал-патриотизма; криминальные фильмы и игры, где нет отчетливой грани между плохим и хорошим, а есть лишь победитель и побежденный; и, наконец, молодежные тусовки с пивом и другими алкогольными напитками для времяпровождения и развлечения. Таким образом, все большее число молодых людей неизбежно оказываются в положении маргиналов по отношению к современному высокопрофессиональному обществу. После получения ими аттестата зрелости или диплома общество выталкивает их на рынок труда, на котором мало чего стоят их «корочки», ничего не стоят их претензии и ожидания. В результате те молодые люди, которые не могут реализовать свои социально-экономические претензии через систематическую учебу и работу, нередко реализуют их через криминал разного рода, в том числе и через ксенофобный. Не случайно около половины совершающих преступления людей — лица без постоянного заработка. И, соответственно, более половины преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Сложилась парадоксальная ситуация. Общество, с одной стороны, выталкивает молодежь из общества, с другой — призывает ее к великодержавному патриотизму с подкладкой из ксенофобии. У большинства молодых людей их ксенофобия реализуется в слабо осмысленном политическом трепе (в том числе по Интернету) и в компьютерных играх. Но иначе обстоит дело тогда, когда в молодежных тусовках собираются молодые люди, у которых нет социального барьера против криминала — как принято говорить, «безбашенные». У них накопленная негативная энергия нереализованных социально-экономических ожиданий при встрече с патриотической идеологией может привести — и нередко приводит — к взрыву криминальной ксенофобии. Из-за нежелания милиции фиксировать нападения на «лиц кавказской националь-

ности» и других «врагов русского народа» и страха пострадавших перед милицией мы не знаем истинного масштаба уголовных преступлений на почве ксенофобий. Но мы знаем, что для тех, кто их совершает, это или вершина их криминального поведения, или даже своего рода «одобряемый обществом криминальный героизм». А потому они чувствуют себя не преступниками, а национальными героями. Но как бы эти группы себя ни называли, они все равно лишь современная шпана, т.е. молодежные банды. При этом именно их высокая готовность к групповому насилию над слабыми прямо говорит о том, насколько далеко они зашли в своей социальной, а во многом и в психологической деградации. Более того, нередко может идти речь и о психической патологии, которая во многом сопряжена с наследственным алкоголизмом. А потому нелепо утверждать (как это делают многие идеологи ксенофобий), что молодые криминальные ксенофобы — это чистые душой идеалисты и патриоты. Они, как и их зарубежные коллеги по криминалу — бунтующие мусульманские подростки во Франции — всего лишь озлобленные маргиналы с нереализованными и нереальными социально-экономическими ожиданиями. Если бы мы не были страной с немолодым населением, то они могли бы стать базисом нового тоталитаризма. Но сегодня они лишь самое прямое и открытое из многочисленных проявлений дефицита современного позитивного менталитета, в который россияне загнала традиционная национальная триада: великодержавность, криминальность и технологическая отсталость. Криминальные российские ксенофобы — это сегодня фактически дно российского общества, которое парадоксальным образом пытается выдать себя за его вершину.

Что же заставляет все большее число россиян в той или иной мере оправдывать уголовные преступления пьяной шпаны по отношению к беззащитным людям и воспринимать их как носителей патриотизма, «защищающих русский народ от русскоязычных захватчиков.» Есть целый ряд оснований для этого — как прямых и явных, так и скрытых под маской патриотизма. Прежде всего, идея великой державы, окруженной врагами, прямо вшита в идею массовой национальной культуры, которая является базисом мировоззрения большинства россиян. В то же время главные сторонники нового российского фундаментализма — во многом такие же маргиналы в современном высокопрофессиональном мире, как и эти криминальные подростки. А идеологическая смазка нового русского патриотизма — паранойяльные демагоги — за немногими исключениями — маргиналы и по отношению к той самой русской культуре, которую они защищают. Достаточно показатель-

что большинство из них плохо владеет русским языком (особенно путаются в сложносочиненных предложениях), и все без исключения (даже вчерашние диссиденты) более чем произвольно обращаются с фактами. В то же время сегодня большое число не позиционирующих себя прямо как национал-патриоты россиян тоже чувствуют себя в той или иной степени маргиналами в современном обществе, что формирует у них определенный полный или частичный резонанс с ксенофобной идеологией. И, наконец, большую роль играет специфика российского общества: в обществе традиций массового насилия над человеком — от семьи до государственных структур и роли криминала как квазипозитивного способа реализации своих претензий и даже выживания нет ни безусловного морального барьера против насилия, ни уважения к Закону.

Но и это еще не все основания защиты и даже поддержки частью российского общества криминальных ксенофобов. Для многих взрослых людей оправдание преступлений на почве ксенофобий — это еще во многом уход от чувства вины перед этими брошенными обществом молодыми людьми. Это не только их родители, которые приучили их к насилию (а нередко и к алкоголю) и не научили учиться и работать. Это и те учителя и преподаватели вузов, которые (во многом через взятки) способствуют их формированию как социальных и профессиональных аутсайдеров. Это и правоприменительные органы, которые не только задают эталоны насилия молодежи, но и прямо активно участвуют в процессе ее криминализации, когда дают маленькие или даже условные сроки наказания бизнесменам и чиновникам за серьезные преступления и серьезные реальные сроки наказания молодежи за мелкий криминал. Свой вклад в усугубление проблем молодежи вносят чиновники, и политики, которые готовы тратить государственные деньги на все что угодно — от фестивалей до покупок дорогой живописи для кабинетов, но только не на решение реальных проблем молодежи. В результате сегодня даже в больших городах для большей части подростков и молодежи практически недоступны не только хорошее общее и специальное образование и профессиональное обучение, но и спорт и даже самодеятельность. Россия сегодня как никогда упорно пытается заменить все нормальные средства социализации и профессионализации молодежи правильной идеологией — как светской, так и религиозной. А потому криминальные молодежные тусовки — это во многом прямой ответ молодежи на отношение к ней взрослого общества. Это общество делает их маргиналами по отношению к современному высокопрофессиональному миру. И они защищают это свое единственное сегодня

законное право «быть маргиналами» любыми способами вплоть до криминала. Они всегда готовы к тому, чтобы, так сказать, «плюнуть в лицо» этому обществу и его нормам. Более того, самые, можно сказать, никчемные из них делают из своей маргинальности криминальную профессию. В то же время бросившие их взрослые люди, оправдывая их поведение, тем самым оправдывают и свое бездействие по отношению к ним.

Очевидно, что выход (или выходы) из этого порочного круга не лежат на поверхности, как кажется многим озабоченным этой проблемой людям. Диагноз болезни поставлен, но без исследования ее этиологии и механизмов вылечить ее невозможно. Необходимо исследовать глубинные механизмы формирования в российском обществе традиций ненависти и нетерпимости (в том числе и ксенофобий), которые ведут к насилию, доходящему до криминала. И только тогда появится возможность осмысленной социальной политики как системной деятельности по изменению социальных ценностей и норм поведения в российском обществе.

Проблемы российской политической элиты

Когда я слышу слово «элита», моя рука тянется к валидолу.

Виктор Шендерович

В России принято считать, что патриотизм и демократия — принципиальные антагонисты в политике. Но такое разделение отнюдь не универсально. Его задает лишь исторически обусловленная специфика российского политического менталитета. Лейтмотив всей истории России: главное — это интересы государства (вспомним популярную советскую песню «Жила бы страна родная, и нету других забот...»). Реализацию этого принципа афористически резюмировал великий русский историк Василий Ключевский «Государство пухло, а народ хирел». Сто с лишним лет спустя английский историк Джефри Хоскинг выдвинул тезис, что в России «строительство государства мешало строительству нации».

Поскольку Россия пытается излечиться от своей тысячелетней великодержавной тоталитарности лишь около двадцати лет, то результаты этого лечения пока ничтожны. Глухой забор между интересами власти и граждан по-прежнему сохраняется, а российскую демократию никак нельзя назвать конституционной. Ведь значительная часть отечественного законодательства находится в непримиримом противоречии с Конституцией РФ, а большая часть правоприменительной практики антиконституционна.

В то же время сохраняется традиционная двойственность стиля политической деятельности в России — одно дело идеология как пропаганда и агитация, другое — реальная политика. Во многом это диктуется тем, что для большинства россиян (в том числе и ученых, и учителей, и особенно для политической элиты) характерно традиционно произвольное обращение с фактами — истории, культуры, и особенно статистики, а для коммунистов и патриотов за немногими исключениями — и с русским языком, и с элементарной логикой. Все это определяет специфику российской политической деятельности, непонятную для наблюдателя из стран с вековыми традициями демократии. Для него сильное государство — это государство, базисом которого является взаимность личной ответственности граждан перед собой и обществом и ответственности власти перед гражданами. Поэтому на Западе не могут понять традиционную российскую логику взаимной безответственности по отношению к населению тоталитарной государственной власти и россиян к себе са-

мом и обществу в целом. В связи с этим очевидно, что падение тоталитарных режимов вовсе не приводит к прямому и быстрому переходу к демократии, так как общество выбирает и принимает лишь ту власть, которая состоит из его наиболее типичных представителей. Поскольку изменение принципов деятельности политической власти означает и изменение мировоззрения большинства населения, постольку это долгий последовательный процесс смены национальных приоритетов.

По мнению великого психолога Курта Левина, «авторитаризм сам навязывается индивиду, а демократии же он должен научиться... научиться демократии — это значит развить у себя определенные валентности, ценности и идеологии... овладеть определенными техниками...». Сегодня мы все, и наша политическая элита в том числе, находимся в самом начале этого пути. А потому хотелось бы, чтобы ожидаемый в апреле 2005 года двадцатилетний юбилей перестройки совпал с окончанием идеологического введения в демократию. Сегодня одна из главных проблем современной России — несоответствие уровня дееспособности ее политической элиты масштабам и сложности стоящих перед ней проблем. Это неизбежно означает необходимость ухода с большой политической арены российской политической элиты эпохи постперестроечных реформ. Для нее пришло время стать персонажами политической истории СССР и России, а не действующими фигурами реальной политики.

Российский патриотизм как способ компенсации комплекса неполноценности патриотов

Самая дешевая гордость — это гордость национальная. Она обнаруживает в зараженном ею субъекте недостаток индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться... убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит;
А. Шопенгауэр

Для мировоззрения русских патриотов всегда была и остается характерной антагонистическая внутренняя противоречивость. Чтобы это обнаружить, достаточно сопоставить их базисные тезисы (аксиомы) и практическое развитие патриотической идеологии. Главные аксиомы: «Россия для русских», поскольку русские составляют абсолютное большинство населения (этот лозунг, по свидетельству генерального директора Центра этнополитических исследований (ЦЭПРИ) Эмиля Паина, поддерживают свыше 60% представителей этнического большинства и отстаивают свыше 200 общественных

организаций). «Русский народ — великий (самый великий в мире) народ», что развивается через ряд других аксиом: «российская культура — самая великая мировая культура»; «православие — самая великая и правильная христианская религия», «русские — самый добрый и терпимый народ на свете». Казалось бы, процессы колонизации (и сохранения территории колоний) прямо противоречат идее «Россия для русских». Но нет, вся российская история свидетельствует, что патриоты, ратуя за «сохранение и развитие национальных границ» (т. е. за захват территорий других народов), одновременно обвиняли и обвиняют эти колонизированные, как правило, против их воли, народы в нанесении вреда русским.

Есть и другое вопиющее противоречие. Хотя основной идеей русского патриотизма являются утверждения о величии русского народа и его доминировании, патриоты во всех бедах и проблемах своего народа традиционно обвиняют евреев и неких «жидомасонов» — теоретически трудноопределимую категорию. Но сложно вообразить, что могло и может подчинять элиту великого и могучего русского народа власти незначительного и ничтожного (с точки зрения патриотов) национального меньшинства — евреев, число которых в стране никогда не составляло и трех процентов от численности русских. К тому же права евреев и в Российской империи всегда, и большую часть времени существования СССР были значительно меньше, чем у русских. В империи — черта оседлости, процентная норма и т.д., в Союзе — знаменитая «пятая группа инвалидности».

В СССР, согласно опубликованным в Известиях ЦК КПСС данным, в структуре высшей партийной власти (члены и кандидаты в члены Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК КПСС) за период 1919–1990 гг. из 193 человек было 12 евреев (10 до 1929 года, 2 с 1930 по 1939, ни одного за следующие 40 лет). Притом что русских было 131,5 (Фрунзе — наполовину). А сегодня большинство евреев и большая часть евреев наполовину и даже на четверть эмигрировали из России. Оставшиеся в стране две с лишним сотни тысяч евреев — это, главным образом, пожилые люди, как правило, не говорящие по-еврейски и отнюдь не просионистски настроенные, т.е. фактически русские интеллигенты. Потому невозможно представить, что евреи могли и могут иметь такое влияние в стране, в которой самый великий и могучий народ в мире составляет абсолютное большинство. И наконец, если русские патриоты констатируют величие русского народа и одновременно его особую доброту и терпимость, то почему они так упорно призывают россиян к непримиримой борьбе с «русскоязычными» вплоть до их физического уничтожения?

Эту синкретическую систему мышления русского патриота, которая строится на противоречащих друг другу вплоть до конфликта основных постулатов, можно назвать постмодерном «а ля рюс» или аграрным постмодерном. С одной стороны, в русском патриотизме доминирует система ценностей аграрного общества, с другой — в его идеологии присутствует плюрализм взаимоисключающих мнений, характерный для традиционного общества. Понять эту странную логику патриотической идеологии (которую в России традиционно называют женской) можно, лишь нарисовав культурно-психологический портрет типичного русского патриота и одновременно рассмотрев исторические корни русского патриотизма.

Сегодня главные задачи типичного русского патриота: доказывание величия России и борьба с ее врагами — «жидомасонами», американцами, кавказцами и многими другими. Патриот уверен, что весь западный мир ополчился на Россию и на него лично, а евреи — это главные эмиссары этого мира. А поскольку он, как правило, усердно поддерживает национальную традицию «на Руси есть веселие пити, нельзя без того жити», то его поведение подозрительно напоминает известный комплекс мании величия и мании преследования, который, как известно наркологам, присущ сильно пьющим. В то же время патриот как бы доказывает правоту знаменитого афоризма Шопенгауэра, поскольку парадоксальным образом все, чем он так гордится как выдающимися свойствами русской нации, не принадлежит к его личным достоинствам.

Прежде всего, русский патриот при всей его гордости «великим и могучим» русским языком, как правило, и говорит, и пишет на упрощенном, грамматически и логически дефектном пиджин-языке. Язык заикленных на патриотизме россиян сегодня развивается как совокупность слабо связанных с литературным языком сленгов различных профессиональных, социальных, возрастных групп, которые объединяет злоупотребление матом. В России роль мата особенно велика благодаря его крайне высокой экспрессивности, универсальности и удобности употребления при недостатке слов и мыслей, в том числе в состоянии глубокого опьянения. Величие мата в том, писал Достоевский, что «можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием... существительного, до крайности к тому же немногосложного». Эта доминантная роль мата как универсального суррогата литературного языка прямо демонстрирует реальное, а не декларируемое отношение патриотов к русскому языку. В результате употребление профессиональным патриотом вместо русского литературного язы-

ка разнообразных сленгов (в том числе просторечия, советского канцелярита и квазинаучного академита, набора религиозных и интеллигентских штампов и даже калек с английского языка) и обязательно мата делает для него принципиально невозможным выстраивание строгой логики доказательств. Но, учитывая принципиальную внятность патриотической идеологии, эта доказательность ему и не нужна. Ее прекрасно заменяет синкретическая мозаика патетических восклицаний, псевдоисторических фантазий, агрессивных обвинений, нереальных программ, и т.д. и т.п. В результате главный вклад в русский политический язык всех представителей современного русского патриотизма (в широком смысле слова) — это формирование политических жаргонов как конструкторов из примитивных тезисов. Фактически это лозунги и призывы — глобально ксенофобные у национал-патриотов, державно-патриотические у державников, народнические у коммунистов и социалистов.

Идеологов патриотизма отличают длинные патетические рассуждения с крайне сомнительной логикой. Так, С. Белковский, державник с претензиями на глубокий интеллектуализм, пишет на жаргоне патриотических подворотен и не может протянуть логическую связь и на пару абзацев. Даже блестящий стилист Э. Лимонов безнадежно теряет литературный язык в своих политических эссе, превращая их в нудную смесь лозунгов и путаных рассуждений неизвестно о чем. Такое развитие патриотической идеологии в виде грубо-комплиментарной и ксенофобно-разоблачительной противоречивой риторики сделало ее традиционным российским сугубо идеологическим способом самовыражения, доступным для всех и особенно популярным у людей малообразованных. Все это, возвышая патриотов в область больших идей, одновременно позволяет им уйти от проблем реальности — как страны, так и своих собственных.

Сегодня фактически все патриоты, независимо от уровня образованности и интеллекта, претендуют на роль глобальных идеологов, а все глобальные идеологи — на роль подлинных патриотов. При этом безмерный глобализм их идеологии не мешает патриотам быть противниками международной технологической глобализации. В мировом технологическом и политическом прогрессе российским патриотам нет достойного места, так как их протест против глобализации — это фактически протест люмпенов против профессионалов. По сути российский «патриотизм» (националистического или коммунистического толка) смыкается с идеологией международного терроризма. Это реакция традиционалистского сознания на модернизацию по западному

типу, крайним проявлением которой и является фундаментализм, причем вовсе не обязательно исламский — он может быть и православным, и коммунистическим.

При этом отечественный патриотизм наряду с алкоголем стал национальным наркотическим средством. Вышеописанная специфика идеологии патриотической элиты во всех ее ипостасях — державники, коммунисты, прочие партии и движения с лейблом «патриотические» — и ее электората позволяет многим политикам легко скользить из одной структуры в другую. Достаточно слегка обновить жаргон и предложить новую популистскую идею — и вот он уже идеолог новой патриотической партии. Как только ставший великим патриотом Сергей Глазьев предложил взять природную ренту у олигархов и раздать народу, его электорат тут же забыл, как он был рьяным демократом и несколько лет трудился чиновником демократического правительства, даже экономическим министром побывал.

В то же время, хотя русский патриот показательно гордится русской культурой, но, увы, не слишком значительны и ее влияние на него, и его личный вклад в эту культуру. Как он ни гордится Пушкиным и Лермонтовым («русскоязычными», а не русскими в его терминологии), Гоголем и Достоевским, Толстым и Чеховым, Соловьевым и Бердяевым — но и идеи патриота, и его речь весьма далеки от классиков. Источники мировоззрения даже образованного русского патриота — это черносотенная идеология «русскоязычных» руководителей и покровителей Союза русского народа (Плеве и наиболее одиозные представители царской семьи с ее многочисленными женами-немками), это расистские идеи совсем не русских идеологов национал-социализма, это людоедские принципы тоже отнюдь не русского происхождения Иосифа Джугашвили, это длинные, логически слабо артикулированные тирады отцов церкви и т.д. и т.п. Все это разбавляется случайными и сомнительными знаниями из истории и объединяется множеством патриотических аксиом, которые для истинного патриота по определению не нуждаются в обосновании. Создается впечатление, что русские патриоты просто не способны не только создавать, но даже усваивать русскую культуру — она для них слишком сложна и, употребляя их собственный жаргон, — слишком «духовна». В результате в доступной для заядлых патриотов «культурной сокровищнице» — только однодневки («шедевры» соцреализма, нудные патриотические романы, примитивные боевики и детективы).

Трудно обнаружить следы вклада заядлых патриотов и в отечественные научно-технические достижения. Видимо, существует некая закономер-

ность: выдающимся россиянам некогда, незачем, да и неинтересно бороться с «врагами русского народа» и вынюхивать следы «жидомасонов». А активным русским патриотам некогда, незачем, да и никак не получается оставить свой след в том, чем они так гордятся в соответствии с известным русским народным принципом «мы пахали». Зато в людоедской политике советской власти и в маразматических антинаучных достижениях роль патриотов крайне велика. Так, среди предшественников современных русских патриотов – советских русофилов-ксенофобов – преобладали крайне успешные совковые карьеристы – высокопоставленные советские чиновники и партийные деятели, психологию которых хорошо описывает известная песня: «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем». В советские времена писатели-патриоты (по их мнению, «великие писатели земли русской») очень хорошо оплачивались властью и не брезговали доносами в партийные органы на более популярных, чем они, писателей, не говоря уже о «разоблачительных» выступлениях. Вряд ли кто-то может сегодня вспомнить научные достижения тех, кто разоблачал «врагов народа» в науке и занимал их лаборатории.

Вот один из парадоксов культурных предпочтений патриотов – немалая часть того, чем они гордятся как великим русским кино, создана «русскоязычными» Эйзенштейном, Роммом, Параджановым. То же самое относится и ко многим из тех реально патриотических песен, которые патриоты так любят петь во время застолья – увы, они тоже написаны «русскоязычными» композиторами и поэтами. И даже самый патриотический из всех великих русских композиторов – А. П. Бородин – сын грузина. И по сей день среди известных на весь мир россиян отсутствуют профессиональные русские патриоты, зато по-прежнему много русскоговорящих. Видимо, сохраняется главный принцип – одним некогда быть профессиональным патриотом, другим некогда делать что-то серьезное в профессиональном отношении.

Современный русский патриотизм – это развитие традиционного для России способа компенсации комплекса неполноценности большинства жителей, сложившегося как результат их нереализуемых личных претензий. Поскольку в экономически и политически отсталых государствах с традициями тоталитарной власти невозможно удовлетворение даже части естественных и законных претензий большинства населения, то результатом становится массовая фрустрация, которая, как правило, переходит в агрессию. В то же время традиционным способом канализации этой агрессии и соответственно компенсации фрустрации становится ксенофобный ура-патриотизм.

Источники современного русского патриотизма следует искать в национальной истории, когда столетиями именно ксенофобный ура-патриотизм (великодержавность, народность и борьба с врагами народа) в самых различных формах, вместе с массой нереальных обещаний, предлагался русскому народу как своего рода панацея от всех его бед. Именно этот патриотизм традиционно играл и играет роль специфического идеологического занавеса над реальной деятельностью власти в собственных интересах. Создается впечатление, что современные русские патриоты – это задержавшиеся в своем интеллектуальном развитии люди, наивно принимающие за реальность все те сказки, которые им рассказывают их вожди и идеологи, в том числе и детские ксенофобные страшилки.

Специфику российской власти отметил Василий Ключевский, упомянув, что когда в XVI–XVII веках государства Западной Европы расставались с феодалным образом жизнедеятельности, Россия «не участвовала во всех этих успехах, тратя свои силы и средства на внешнюю оборону и кормление двора, правительства, привилегированных классов с духовенством включительно, ничего не делавших и неспособных что-то сделать для экономического и духовного развития народа» (Курс русской истории, Ч. III, М., 1988, с. 243). Такого же рода стиль деятельности власти сохранялся и в дальнейшем. Так, в конце XIX века российская государственная власть в результате неограниченного вывоза закупленного по крайне низким ценам зерна фактически организовывала повторявшийся примерно каждые десять лет голод, уносивший сотни тысяч жизней. Вспомним циничное выражение тогдашнего министра финансов России И. А. Вышнеградского, известного своей выдающейся корыстностью, – «не доедим, да вывезем». Затем эту античеловеческую практику продолжили и развили большевики – организовав голод на Украине. Лозунг, правда, был уже другой – «затянем пояс» и проведем индустриализацию. Конечно, нельзя сказать, что российские патриоты-идеологи «недоедали», а советские коммунистические лидеры «затягивали пояс». Все это лишь иллюстрирует афоризм Ключевского «Государство пухло, а народ хирел».

Не случайно главным базисом российского патриотического сознания была и остается борьба не «за», а «против». Вера патриотов в великодержавность России обосновывается главным образом ее достижениями в расширении своей территории и силового влияния. А потому в сознании патриотов агрессия и ксенофобия приобретают квазипозитивный смысл. В то же время патриоты упорно уходят от проблемы перманентного критического отстава-

ния России во всех направлениях политического, технологического, социального и культурного развития, что противоречит интересам всего населения. Если перечислить главные достижения в политическом прогрессе и научно-технологическом развитии мира, то окажется, что и Россия, и СССР далеко отставали от мировых лидеров – Великобритании, США, Франции. Разве что Советскому Союзу удалось ненадолго опередить конкурентов на некоторых направлениях в освоении космоса. Даже атомную бомбу СССР не смог создать сам. В сущности, для мышления российских (а в свое время и советских) патриотов всегда были характерны внетехнологичность (в широком смысле слова) и одновременно пренебрежение к цене для собственных граждан любого решения. Это позволяло им строить нереальные стратегические планы, принимать нерациональные решения, гордиться несуществующими достижениями. Символом советского «патриотизма» стала авария в Чернобыле, которую власть попыталась представить как трагический подвиг сотен тысяч людей.

Результат такого развития русского патриотизма: главным фундаментом государства было и остается стремление и народа, и власти отстоять свои особые права. Для народа – это право не отвечать за свою судьбу самим, а требовать достойного уровня жизни от власти. Для власти это означает бесконтрольность, дающую фактическую возможность сохранять всю технологическую и правовую отсталость России, не развивая страну по общим нормам демократического мира в интересах всего населения. Оказалось, достаточно придать отсталости статус ценного национального достояния – «особого пути России», и сразу можно гордиться неполноценностью страны в сфере экономического и технологического развития и низким уровнем благосостояния большинства граждан. Державность, соответственно, понимается как использование производительных сил страны преимущественно для непроизводительных сфер – содержания армии и власти, расширения влияния России в мире через страх перед ее оружием и т.д. и т.п.

При этом ни патриотизм, ни державность, ни даже коммунистические и социалистические убеждения не мешают политической и чиновничьей элите и церковным иерархам использовать технологические достижения «врагов» России (лучшую бытовую технику и шикарные иномарки), покупать квартиры и особняки, а чиновникам – непрерывно повышать себе оклады, красть бюджетные деньги, брать взятки. Наши главные патриоты сегодня – коррумпированные политики и чиновники, наживающиеся на криминале силовиков и даже непосредственные представители криминала. Именно они

предлагают рядовому человеку, как всегда, потерпеть и подождать «с верой в особый путь России». Может, и простым людям достанется то, что патриоты уже имеют сегодня. Народ, как и всегда, продолжает верить, терпеть и ждать, утешаясь водкой и патриотической риторикой.

Конечно, взрослые люди имеют право на свой выбор – и должны сами нести ответственность за него. Поэтому главная трагедия, которую сегодня несет России русский патриотизм, относится уже не только к настоящему страны, но к ее будущему. В его ксенофобную идеологию, а нередко и в квазипатриотическую криминальную деятельность все более вовлекается молодежь. Лидеры патриотов в своих интересах используют неизбежные в переходный для России период проблемы подрастающего поколения. У многих молодых людей их нереальные амбиции разогреты рекламой и патриотической идеологией, профессионализм низок, будущее неопределенно, а роль старшего поколения как определителя позитивного выбора в их жизни крайне невелика. Патриоты предлагают этим, фактически уже деклассированным членам общества реализовать их фрустрацию в ксенофобную агрессию, придав ей красивую оболочку защиты русского национального достоинства. В результате они готовят молодых людей к роли асоциальных хулиганов-люмпенов и даже прямо превращают их в преступных исполнителей злой воли идеологов. Тем самым эти молодые люди переходят ту границу преступного поведения, когда из маргиналов они превращаются в преступников и одновременно, учитывая незащищенность молодого организма, в алкоголиков и наркоманов. Падает средний возраст преступников и растет число уголовных преступлений (в том числе и насилия над женщинами). Катастрофически растет количество одиноких матерей, неполноценных благодаря пьяному зачатию и брошенных детей, больных венерическими болезнями и СПИДом. В конечном итоге зараженные ксенофобным патриотизмом молодые люди не только теряют возможность играть самостоятельную и позитивную роль в обществе, т.е. быть полноценными профессионалами и законопослушными гражданами, но несут этому обществу прямую угрозу. В то же время для большинства лидеров патриотизма их идеология стала высокооплачиваемым и безопасным бизнесом.

Сегодня прогрессивный рост числа молодых хулиганствующих патриотов, которых поддерживают, обучают, вдохновляют профессиональные ксенофобы, в том числе и представители силовых структур, – одна из самых важных политических проблем России. Большинство молодых людей, попавших в сети патриотов-ксенофобов, фактически уже никогда не смогут

стать полноценными гражданами России. Такое воспитание лишает позитивного будущего и все большее число молодежи, а во многом и саму Россию, поскольку с нею прямо связаны ее перспективы.

Элитарные демократы

Возникает сакраментальный вопрос — почему же наши видные политические деятели, приватизировавшие название «демократы», не могут противостоять этому грязному потоку ксенофобного и во многом криминального патриотизма? Увы, они не умеют это делать нормальным образом — путем создания эффективного законодательства. Они готовы только говорить, говорить и говорить. И это одно из главных доказательств того, что их политическое время кончилось. Они пришли в политику как дилетанты и не сумели стать профессионалами. Попробую обосновать свою столь возмутительную с точки зрения людей, которые считают себя нынешними «главными демократами», позицию.

Когда по воле идеалиста Михаила Горбачева и его сподвижников на СССР обрушилась перестройка, для всех нас демократия стала очень ценным, но экзотическим подарком. Мы не знали, что с нею делать, но твердо верили, что демократия — это всемогущий джинн, который в ответ на наши «сезамы» сам принесет нам все свои сладкие плоды. Но оказалось, что демократия — это, прежде всего и главным образом, особая и новая для нас работа. Советский стиль деятельности кардинально отличался от норм в государствах конституционной демократии: низкая технологическая дисциплина и непрофессиональные способы делания карьеры, завышенные социально-экономические ожидания и низкая личная ответственность. А в результате — крайний дефицит рационального технологического подхода к труду, фактически антитехнологичность.

Максимального развития отечественная специфика достигла в сфере политики. Закрытость реальных интересов и принципов деятельности структур власти (в большинстве случаев и от самих представителей власти) и одновременно декларация во многом взаимоисключающих установок путем назойливой пропаганды и агитации — всему этому сопутствовала система сакральных тотемов и табу советской власти. Она сформировала такую властную психологию, которую большинство ее противников рассматривали как глубокую паранойю. А поскольку главным достижением социализма была принципиальная возможность участия во власти всех, кроме врагов народа, то этой

паранойей, в той или иной степени, был болен весь советский народ, в том числе и будущая российская «демократическая элита».

Дефицит позитивного рационального мышления неизбежно был характерен и для интеллигенции, поскольку реальная практика легальной демократии была ей знакома только понаслышке. Еще более далеки от нее оказались благополучные итээры, у которых весь опыт их деятельности был сугубо советским, а связь с демократией сводилась лишь к «кухонному диссидентству». Советская интеллигенция оценивала свои обрывочные и случайные знания о демократии как крайне важные и полноценные. Вместе с тем они опирались на довольно шаткие основания: принцип «запретный плод сладок»; манию приобретения популярных знаний, породившую воинствующий дилетантизм, всходы которого мы пожинаем до сих пор; комплекс интеллигентского превосходства; наконец, почти полная неспособность к конструктивному сотрудничеству — следствие воспитания в административно-командной системе.

Наши вчерашние «кухонные демократы» принесли с собой в постсоветскую Россию собственный советский деловой менталитет и присущее ему несовместимое противоречие между теорией и практикой. Вполне закономерно, что главной миссией нашей «демократической политической элиты» оказалось использование общедемократической патетики, а отнюдь не целеустремленная профессиональная деятельность по развитию реальной демократии. Благодаря такому, сугубо пропагандистскому направлению своей деятельности российская «демократическая политическая элита» сформировалась как страта политических демагогов, а не реальных политиков. Все больше росли ее амбиции, в том числе и материальные, но отнюдь не профессионализм. Деятельность и творчество представителей данной «элиты» вызывает опасения, что они не только плохо знакомы с законодательством стран конституционной демократии, но даже не читали тех законов РФ, которые сами принимали.

Нельзя, конечно, отрицать главные заслуги российских демократов — освобождение России от власти партократии, разрушение идеологического базиса административно-командной экономики, уничтожение железного занавеса и тем самым создание для страны возможности войти в общемировое пространство. Они же добились и свободы слова. Но, увы, свобода слова без развития всех остальных демократических свобод и институтов не смогла стать действенной технологией демократического общества. Сегодня уже смело можно констатировать факт ее скоропостижного ухода из нашей

жизни. Весомый вклад в сие печальное событие внесли и лидеры «правых». На словах они защищали трудовой коллектив НТВ, а на деле координировали первую расправу власти с независимой прессой. Делалось это под вывеской «спора хозяйствующих субъектов». Тогдашний глава думской фракции СПС Борис Немцов с гордостью уверял, что на первом месте для его партии стоит право частной собственности и только следом идут все остальные свободы. Напоминания же о наличии крепкой частной собственности в нацистской Германии и об отсутствии там всех прочих прав человека «правые» старались не слушать и не слышать. Создается такое ощущение, что «правая элита» рассчитывала управлять свободой слова с помощью рубильника – включать на период избирательных кампаний и только в своих интересах. Захотели – врубил. Надоело – вырубил.

В то же время освобожденная от власти партократии экономика не превратилась в эффективную рыночную систему, построенную на честной конкуренции. Все это во многом прямой результат того, что «элитные демократы», получив гигантскую политическую власть (а большинство у них было в двух созывах Государственной Думы), потратили драгоценное для России время на персональный пиар, неоправданно затянувшиеся дилетантские споры о должностях и процедурных мелочах, вместо того чтобы эффективно законодательствовать и привлекать к управлению специалистов.

За 13 лет своей работы в высшем законодательном органе страны «демократическая элита» фактически не справилась с формированием главного базиса демократического развития России – правового пространства. Годами рассуждая о необходимости освобождения бизнеса, они не сняли с него ни непомерное бремя налогов, ни безграничную власть чиновников, чем всячески способствовали формированию институционализированной коррупции. Они не сумели создать однозначную правовую базу системы льгот для уплаты налогов (о чем свидетельствует, например, дело ЮКОСа). Они придумали и приняли законодательство о банкротстве, ставшее основанием криминального передела собственности. В недрах СПС родилась и была реализована в парламенте партийная реформа, расчистившая для «элиты» политическое пространство от мелких партий-конкурентов и лишившая многих граждан права самостоятельно объединяться по политическим убеждениям, в том числе и на региональном уровне. В тех же «элитарных» мозгах родилась идея повышения барьера для прохождения партий в Думу с 5 до 7%, которая сегодня успешно реализуется властью и против чего сейчас протестуют ее ав-

торы. Но в период властвования и «Союзу правых сил» и «Яблоку» не нужны были новые соперники на демократическом фланге.

«Демократическая элита» не справилась с правовой реформой, сохранив в законодательстве многие десятки антиконституционных норм и не сформировав основу для обеспечения исполнения положений принятых ими же законов. Более того, перед своим вынужденным уходом из власти они во многом начали движение назад от демократического права, приняв ряд антиконституционных поправок к УПК РФ, благодаря чему судебный процесс почти лишился принципа состязательности сторон. В то же время из-за процессуальной неполноценности и во многом антиконституционности всего законодательства о правоприменительной практике в стране сохраняются противоправная закрытость предварительного следствия даже от его участников. Все это позволяет правоприменительным органам легко фабриковать дела, о чем и свидетельствует гигантское количество приговоров, отмененных Верховным Судом РФ. Голосование по этим антиконституционным поправкам оказалось крайне показательным и выпукло продемонстрировало уровень правового профессионализма депутатов Государственной Думы РФ третьего созыва – ни один из них не выступил против расправы с правосудием и Конституцией России. Для незащищенного властью человека, как истца, так и ответчика, в уголовном деле эти поправки являются трагедией.

Находясь на ключевых постах в правительстве, Думе и администрации президента и имея все возможные рычаги влияния на высшую власть, «элитарные демократы» не приложили ни малейших усилий для прекращения кровопролития в Чечне и мирного разрешения конфликта. Они не воспрепятствовали экспансии силовиков, которая привела к милитаризации государства и общественного сознания. Именно их руками возводилась «вертикаль власти», раздавившая горизонталь гражданского общества. Поэтому сегодняшние их выступления против «назначаемости» губернаторов, на фоне постоянной поддержки «элитой» прокремлевских кандидатов в губернаторы (достаточно вспомнить, как СПС и «Яблоко» агитировали за Валентину Матвиенко), выглядят крайне фальшиво.

Показательно, что вне интересов большинства представителей «демократической элиты» находится правозащита как конкретный вид политической деятельности. Элита не слишком озабочена сегодня и тем, что от уголовной ответственности освобождаются многие тысячи представителей власти, вина которых доказана. Это во многом обуславливается множеством дыр, сохранных профессионально некомпетентными законодателями. Вопиющий

пример – освобождение от уголовной ответственности 150 генералов и адмиралов (10 % от всего высшего командного состава ВС РФ), о чем были публикации в открытой прессе. Есть и другие неподсудные правонарушители – губернаторы, менеджеры крупных компаний, силовики и прочие чиновники.

Расхождение предвыборных обещаний с дальнейшей парламентской деятельностью «элитарных демократов» – скорее не умышленный обман избирателей, а еще одна иллюстрация их неспособности к повседневной, системной работе по реализации декларированных лозунгов. В 1999 году СПС прошел в Думу, гарантируя своим избирателям (молодежи) отмену призыва в вооруженные силы, переход армии на профессиональную основу и серьезную реформу силового блока. В рамках предвыборной кампании производился сбор миллионов подписей россиян за проведение всероссийского референдума с вопросом об отношении граждан к отмене призыва в вооруженные силы и к переходу на контракт (правда, и здесь формулировка вопросов была несколько размыто-аморфной). Как только «правые» попали в парламент, автографы миллионов сторонников демократии стали ненужными. Центризбирком под надуманным предлогом отказал инициативной группе СПС в проведении такого плебисцита. Но ни лидеры «Союза правых сил», ни его депутаты Государственной Думы не обратились в Верховный Суд, не оспорили незаконное решение избиркомовских чиновников. Не захотели они организовывать и повторный сбор подписей под требованием референдума по той же проблеме. Предвыборное обещание оказалось вульгарной пиар-технологией. Брошенная на произвол судьбы реорганизация армии привела к формированию вместо контрактных частей и подразделений преступных карательных бригад, притягивающих к себе благодаря безнаказанности криминал.

Одним из основных элементов демократического государства должно быть местное самоуправление. Его роль четко прописана и в Конституции Российской Федерации. На местное самоуправление должны были опираться и демократические организации, ведь эта ветвь власти находится в непосредственной близости к избирателям и должна эффективно с ними взаимодействовать, реализуя свои полномочия и пользуясь целым рядом прав и прерогатив. Каким же было разочарование общественности, когда Государственная Дума приняла с подачи депутата-яблочника Александра Шишлова и мэра Москвы Юрия Лужкова поправки к Закону «О местном самоуправлении», которые фактически ликвидировали МСУ в Москве и Петербурге (городах с наибольшей концентрацией демократических избирате-

лей). Муниципалитеты двух столиц превратились в декоративную мишуру, которой власти субъектов федерации посыпают внутриведомственные дорожки. Права и полномочия МСУ захвачены государственными чиновниками разного уровня. Так что же такое «поправки Шишлова – Лужкова» – злой умысел или еще одно свидетельство в пользу законодательной профнепригодности «элитарных политиков»? А ведь на организацию настоящего местного самоуправления в России «околояблочные» и «правые» структуры получили многомиллионные гранты в твердоконвертируемой валюте.

Низкий уровень правовой компетентности и эффективности законотворчества представителей российской «демократической элиты» – прямое следствие того, что все их программы, как правило, лишь общие рассуждения о том, что «в принципе» надо сделать по неким образцам. Но это сугубо идеологическое введение в демократию не может заменить программ реального развития российского правового пространства. В них следовало бы прописать конкретные политические и законотворческие цели и задачи с учетом российских реалий. Не удивительно, что подобная «элита» проиграла последние выборы в Госдуму. Сокращение ее электората – прямой результат низкого уровня ее профессиональной компетентности. Образованные и более или менее благополучные сторонники демократии хотят видеть в программах политиков конкретные технологии развития демократического общества, а в их деятельности – реализацию этих технологий, а потому, как правило, не голосуют вообще. Всем остальным в ситуации дефолта личных ожиданий от демократии ближе привычная коммунистическая или патриотическая и/или державная идеология, компенсирующая их чувство собственной и национальной ущербности.

Что же помешало современной российской «демократической элите» усвоить реальные технологии демократии? Для них это было сложно (они уже зафиксировали на уровне подсознания командно-административные принципы деятельности власти – в том числе и нормы права), некогда (они укрепляли свой социально-экономический статус), да и незачем.

В конечном итоге, поскольку сегодня практически вся российская политическая элита – и демократы, и патриоты, и коммунисты, и представители последовательно сменяющихся партий власти – это вчерашний советский средний класс, вся она, за немногими исключениями, равно недееспособна в практике демократии. Ее деятельность подтверждает пророческое утверждение историка-диссидента А. Амальрика в знаменитой книге «Просуществовать ли СССР до 1984 года», сделанное еще в 1969 году: «В нашей стране, поскольку все мы работаем на государство, у всех психология чиновников...

Так называемый средний класс не только не представляет исключения в этом отношении, но для него... эта психология в силу его социальной срединности наиболее типична. Таким образом... хотя в нашей стране уже есть социальная среда, которой могли бы стать понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления... эта среда столь посредственна, ее мышление столь «очиновлено», что успехи демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются мне весьма проблематичными».

Поскольку самые известные нынешние представители «демократической элиты» были вполне успешными советскими карьеристами, постольку главным стимулом их политической деятельности оказалось (за редкими изъятиями) стремление к достижению высокого социально-экономического статуса, а отнюдь не декларируемый большинством из них идеализм. В то же время они, как и вся советская интеллигенция, больны неким универсальным дилетантизмом и одновременно глубоко поражены комплексом превосходства. Таков характер политической деятельности элиты, которую можно назвать демонстративной.

В этой специфике деятельности российской «демократической элиты» можно найти ответ на два сакраментальных вопроса к ней, которые имеются у большинства российских интеллектуалов. Первый вопрос — почему (в отличие от западных демократов) команды лидеров «демократической элиты» сегодня составляют отнюдь не серьезные профессионалы в сфере реальной политики, а главным образом имиджмейкеры, специалисты по выборным технологиям, пиарщики и помощники — технические исполнители? Ответ очевиден: для «выдачи на поток» демагогии, серьезные профессионалы не нужны, зато они могут составить реальную конкуренцию лидерам. Не случайно за пределами СПС и (до недавнего времени) «Яблока» оказались главные действенные правозащитники страны Сергей Ковалев, Юлий Рыбаков, Людмила Алексеева. Нет там и современных молодых интеллектуалов. Хотя сами «элитарные демократы» смеются над «Идущими вместе», их молодые активисты обладают тем же комсомольским менталитетом: «Партия сказала «Надо!», комсомол ответил «Есть!»». Стагнационные процессы охватили все демократические организации, на всех уровнях.

Второй вопрос — почему даже в условиях явной угрозы проигрыша на выборах главные демократы страны — СПС и «Яблоко» — не смогли объединиться и с блеском вместе проиграли. Ответ на этот вопрос тоже очевиден: в отсутствии программ реальной политики им незачем консолидироваться, но зато при

объединении возникает угроза сокращения числа постов для лидеров. Именно поэтому магическое слово западной демократии «коалиция» не работает в России: у нас партии и фракции не объединяются, а, напротив, размножаются вплоть до того размера, когда происходит полная аннигиляция смысла существования этих партий. Сегодня мы видим именно такую аннигиляцию демократических партий. Можно сказать, что современная «демократическая элита» практически уже умерла, а ее лидеры оказались абсолютно недееспособными, но они по-прежнему из всех сил сопротивляются своим политическим похоронам. Одним из популярных способов борьбы со своей политической смертью для «элиты» стало провозглашение своего рода политического апокалипсиса, когда как катастрофу для российской демократии она трактует свое состояние тревоги в результате потери привычных власти и влияния.

Очевидная недееспособность российских демократов имеет три крайне серьезных негативных последствия. Во-первых, их вялотекущая и слабая профессиональная законотворческая деятельность стала одним из главных препятствий в формировании полноценного правового пространства. Дефектность законодательства является базой для коррупции и произвола власти и ее силовых структур, от которых не защищены все граждане. Во-вторых, сохранение в существующем виде сегодняшней «демократической элиты» и, соответственно, демократических партий исключает участие в политике современных молодых интеллектуалов и, соответственно, позитивное развитие политической жизни в России. И, наконец, надоевшая большинству россиян высокопарная политическая демагогия «элитных демократов» на фоне их демонстративного благополучия прямо работает на патриотов, умело использующих неполноценность «демократической политической элиты» для компрометации самой идеи демократии.

Что делать?

Предоставим муссирование самого популярного русского вопроса «кто виноват?» политической элите, которая в системе всеобщих взаимных обвинений дошла уже до совершенства, т.е. до полного маразма. Очевидно, что «каждый народ сам выбирает своих политиков». Обратимся к более актуальному и важному сегодня вопросу «что делать?».

Бессмысленность и опасность для России русского ксенофобного урапатриотизма уже очевидна всем разумным людям в стране, независимо от их политических взглядов. Современная демократия — это не только власть большинства. Это еще и развитие страны в интересах всего населения,

развитие, определяющееся и интересами меньшинств. Именно такой подход в странах конституционной демократии стал основой роста толерантности в обществе. Благодаря ей постоянно совершенствуется законодательство, защищающее права этих меньшинств.

Сегодня в России возник политический вакуум в сфере реальной позитивной политики. Завершилось время демагогической риторики «демократической элиты». А потому, в соответствии с известным правилом арифметики, ничего не меняют и перестановки в демократических партиях. Соответственно, России остро необходимы новые политическая элита и средний класс, стоящие на демократических позициях и способные активно участвовать в реформах. Чтобы понять, откуда и как они могут возникнуть, необходимо ответить на кардинальный вопрос — чем отличаются патриотизм и демократия в русском исполнении от цивилизованных норм?

Даже беглый взгляд на политическую историю наиболее развитых демократических государств позволяет увидеть их принципиальное отличие от России. Так как эти государства сотни лет были лидерами мирового политического и экономического развития, для них невозможно появление традиционных для России дилемм политической идеологии: патриоты — демократы, державники — либералы. С конца девятнадцатого века их политические лидеры, независимо от партийной принадлежности, решали реальные проблемы развития своих государств — экономические, демократические и правовые, что обеспечивало интересы большинства граждан. Все отступления от этой линии были кратковременными. А потому политическую идеологию лидеров этих стран можно в самом общем виде назвать демократическим патриотизмом, а их самих — лидерами реального политического, экономического, социального прогресса государства.

Очевидно, что в этом прогрессе не меньшую роль, чем деятельность политиков, играет вклад политических институтов страны — как формальных (государственных структур), так и неформальных — т.е. гражданского общества, которое создается и совершенствуется одновременно с развитием демократии и для этого развития. Для всех этих стран характерен политический коллективизм, когда в интересах развития нации тем или иным способом объединяются все ее лучшие политические силы. Именно такое развитие государственной политики, в принципе, можно назвать демократическим патриотизмом.

И демократы, и патриоты в России верят, что можно успешно идти по пути догоняющего (или даже обгоняющего — по версии патриотов) развития. Демократы считают, что надо просто поменять все институты, инфра-

структуры, производственные и прочие технологии и, наконец, менталитет россиян на их аналоги, успешно себя зарекомендовавшие в индустриально развитых странах. Логичное завершение такого подхода — замена всего населения. В то же время патриоты говорят, что надо лишь убрать демократов из власти, а права остальных граждан ограничить — и все наладится само собой. Коммунисты, в свою очередь, мечтают повторить чудо Христа — но уже в сфере индустриального развития — поднять до современного уровня тысячи промышленных и десятки тысяч сельскохозяйственных предприятий средствами бюджета, который мизернее расходов крупной промышленной компании в США. И демократы, и патриоты, и коммунисты, создавая свои теоретические конструкции, как правило, возлагают обязанность реализовать их на других и, соответственно, обвиняют этих других во всех проблемах России.

Если все-таки принять за аксиому, что благом для России должна стать модернизация всех ее традиционалистских структур с целью преодоления отставания во всех сферах жизни, то в этом случае необходимо выполнить две задачи. Первая — оказать противодействие дальнейшей эскалации в обществе патриотического фундаментализма. А для этого должны появиться и заработать демократические Закон, Школа и Пресса. И вторая — добиться, чтобы большинство в политической и управленческой элите страны заняли профессионалы, которых поддержат своим авторитетом представители настоящей элиты. Пожалуй, наиболее подходящим образцом для России может стать комплекс мер по денацификации в послевоенной Западной Германии.

Что касается юридического обеспечения этого процесса, то можно привести в пример, как в ФРГ были приняты специальные законодательные акты, направленные на пресечение не только самих насильственных действий ксенофобного характера, но и идеологической подготовки к ним. По данным Министерства внутренних дел Германии, в этой стране только в 1999 году за экстремистские выходки — ксенофобию, антисемитизм, насилие на национальной почве — были осуждены 10037 человек, из них лишь 746 преступлений были связаны с применением насилия, остальные относились к преступлениям идеологического характера. К сожалению, в России, несмотря на существование соответствующей статьи УК «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды», определение «идеологического» характера преступления наталкивается на отсутствие правоприменительной практики и нежелание властей поддерживать подобные приговоры. В результате действия скинхедов квалифицируются как хулиганство, процес-

сы против издателей антисемитской литературы длятся годами, а экспертов, играющих ключевую роль в определении идеологического характера подобных преступлений, безнаказанно убивают.

Даже самые лучшие законы никогда не заработают, если граждане не получат соответствующего современным общественным запросам образования и не достигнут необходимого уровня культуры, причем не только правовой. К сожалению, качество не только образования, но и, прежде всего, воспитания в российской школе определяется сегодня той массой педагогов, которая, во многом благодаря государственной политике, представляет собой, по сути, маргинальный класс. Низкий уровень материального достатка и социального статуса, практически полное отсутствие чувства ответственности за свою работу — неплохая питательная среда для мировоззрения, которое у российских учителей гораздо ближе к ксенофобно-патриотическому, нежели к демократически-либеральному. Кардинальная реформа образования необходима, причем провести ее можно в нынешних российских условиях лишь за счет резкого сокращения расходов на силовые структуры. Изменение пропорционального деления бюджета должно привлечь более квалифицированные преподавательские кадры, сократить число «дутых» вузов, куда молодежь стремится, скрываясь от армии. Во всяком случае, идея введения полностью платного образования или даже сокращения объемов бесплатного — для России сегодня самоубийственна. Число люмпенизированной молодежи возрастет на порядок, чему порадуются лишь профессиональные руководители фундаменталистских организаций.

В Соединенных Штатах в 60-х годах прошлого века также весьма остро стоял вопрос противодействия ксенофобии — расовой нетерпимости и проблема преодоления сегрегации. Ключевую роль в сломе негативных стереотипов массового сознания, как считает эксперты, сыграли либеральные интеллектуалы — лидеры общественного мнения и стоявшие за ними финансовые магнаты, владеющие средствами массовой информации. Нарастание угрозы беспорядков, вызванных проявлениями ксенофобной агрессии, заставили активизироваться бизнес, который по своей природе наиболее быстро реагирует на любые перемены обстановки и более склонен к гибкости мировоззрения. Пресса, воздействуя на массовое сознание граждан, привлекла к сотрудничеству интеллектуалов, общественных деятелей, звезд шоу-бизнеса — тех, кому общество готово доверять. Резко увеличилось число положительных чернокожих героев в фильмах, выпускаемых Голливудом. В результате всего

за 15—20 лет общественное настроение в Америке в отношении чернокожих резко изменилось.

И опять же приходится с сожалением констатировать: в России время для применения подобного способа упущено. И дело даже не в том, что практически уничтожены «свободные», то есть независимые от государства СМИ. Весь крупный бизнес, который мог бы финансировать такую прессу, попал в зависимость от силовых и властных структур.

В связи с этим вновь возникает «кадровый» вопрос. Предположим, что пусть чудом, пусть жесткими силовыми методами «борьбы с терроризмом и неправильным переходом улицы» удастся остановить наплыв на страну разгула ксенофобии и державного фундаментализма. Но какова альтернатива? «Демократы», дискредитировавшие себя и практически ушедшие с политической сцены? Ответ уже ясен: за последние пару лет количество людей с научными степенями в высшем руководстве страны уменьшилось в два с половиной раза, а количество погон соответственно увеличилось в пять. Что же говорить о региональной власти и непосредственных чиновниках-исполнителях? Вместо демократических свобод государство предоставило полную свободу бюрократии в обмен на ее лояльность. Притом что профессиональный уровень этой бюрократии, возможно, даже ниже, чем советской.

И все же какая-то перспектива существует. Все больше молодых россиян получают образование в престижных вузах развитых демократических стран. Да и те, кто получает приличное образование на родине, уже лишены тех отличительных черт, которые были характерны для «демократов», воспитанных советским образом жизни. Новое поколение уже не говорит, а делает, не потрясает идеологическими знаменами «Свободы-Равенства-Братства», а просто руководствуется в своей деятельности принципами «Свобода-Собственность-Закон». Тот самый рациональный технологический подход к бизнесу, к политической деятельности, которого были лишены их предшественники и которым они обладают уже в большей мере, настраивает на оптимистический лад.

Тогда возникает закономерный вопрос: как привлечь на место чиновников-троечников этих российских «гарвардских мальчиков»? Сами они не политики, не борцы, а лишь эффективные наемные менеджеры. Их класс еще слишком непрочен и немногочислен, чтобы он мог стать основой для создания новой демократической партии. Некоторыми политологами давно рассматривается вариант, согласно которому нынешняя власть может сыграть для России роль Пиночета в более мягком варианте, а именно — про-

вести в стране авторитарную модернизацию. В этом случае при ограничении демократических свобод (что мы уже имеем) и отсутствии сколь-нибудь ярких оппозиционных политических деятелей именно молодые профессиональные эффективные управленцы проведут необходимые экономические реформы и сформируют новую политическую элиту, которая в нужное время займется и реформами политическими. Однако, судя по нынешней кадровой политике правительства, такой вариант выглядит несколько утопично.

Другой (и наиболее приемлемый) вариант, когда профессионалов-управленцев поведут за собой в процессе политической борьбы оппозиционные лидеры. Но представим, что в России произошла «оранжевая революция». Кто бы мог сегодня возглавить ее, кто придал бы харизматичности общенациональному протесту? Вот еще одна цитата одного из бывших видных сотрудников администрации президента Бориса Ельцина: «У нас практически нет элиты. Потому что элита — это слой людей: а) на которых равняются и б) которые добиваются успеха не за счет использования административного ресурса или кресла, в котором сидят, а за счет своей нравственной позиции и своего веса в обществе. Пушкин — элита. Сахаров был — элита. Даже выдающиеся артисты — элита, потому что они добиваются успеха благодаря собственным талантам и достоинствам. А те, кто сидит у власти, — нет. Власть имущие — это всего-навсего получившие власть, а не властители дум».

Попытки модернизировать Русское государство проводились неоднократно. Способов такой модернизации мировая история знает всего два: реформы «сверху» и революция «снизу». Классические примеры — Великая французская революция и реформы Мэйдзи в Японии привели к вполне известным результатам. В России последствия попытки модернизировать страну «снизу» в 1917-м ощущаются до сих пор. Относительно удачными, хотя и не до конца, были реформы «сверху» — авторитарные петровские и довольно либеральные Александра II. Впрочем, ни те ни другие так и не решили проблему отставания России от ведущих мировых держав. Получается, что, возможно, единственным способом решить эту задачу будет модернизация «сбоку». Речь идет о схеме, по которой поверженная нацистская Германия (западная ее часть) денацифицировалась и была вынуждена провести реформы под контролем оккупационных властей союзников по антигитлеровской коалиции, что, в конечном итоге, пошло стране и ее народу только на благо. Катарсис избавления от иллюзий великодержавности в сочетании с грамотными и последовательными изменениями политической, экономической и социальной системы необходим и России, причем чем скорее, тем лучше.

Почему РПЦ не хочет (не может, не готова) приобрести социальный капитал

Большинство заявлений и действий лидеров РПЦ наводят на мысль, что их главное желание — обогнать католическую церковь в ее деяниях (вполне в национальной традиции «догонять и перегонять»).

Конечно, современная деятельность католической церкви заслуживает глубокого уважения, прежде всего за социальное служение, символом которого стали слова Иоанна XXIII: «*Мы здесь на земле не сотрудники музея, но призваны культивировать сад, полный цветов и жизни. Он должен вырасти в чудесный сад*». Поразительны масштабы социальной деятельности католической церкви (как и протестантской). Многие монахи, монахини, миряне стали профессиональными социальными работниками различных католических благотворительных организаций, нередко действующих совместно с аналогичными организациями других христианских церквей и с неправительственными организациями. Они посещают больных и заключенных, участвуют в реабилитации молодых преступников, работают с инвалидами, престарелыми и безработной молодежью, помогают беженцам и эмигрантам адаптироваться в стране пребывания. Широко распространены католические ночлежки, приюты, столовые, больницы, диспансеры, школы всех уровней, включая университеты и множество курсов начальной профессиональной подготовки, а также спортивные площадки.

Сегодня Католическая Церковь считает особенно важной работу среди бедных и безработных. Известно, что именно там находит питательную почву преступность — наркомания, проституция, торговля оружием, там больше всего нуждающихся в помощи жертв преступников. Иоанн Павел II выступал за привлечение общественного мнения к распространению в этой среде моральных ценностей и законности. Весной 1996 года он объявил о начале новой политики социальной солидарности, основанной на стимулировании инициативы и ответственности объектов помощи, на использовании субсидий для предоставления самым слабым возможности конкретного проявления своего потенциала на базе имеющихся ресурсов. Так, сегодня, если католические волонтеры-добровольцы строят школы, больницы, жилые дома, копают колодцы и проводят электричество, то они стараются как можно больше привлекать к этим работам местное население, попутно занимаясь его профессиональным обучением.

В результате такого развития католической церкви ее деятельность стала важным инструментом организации работы местных общин (community) для социализации и профессионализации социально слабой части населения, т.е. компонентом развития гражданского общества.

А потому в подражании католической церкви со стороны РПЦ не было бы ничего плохого, если объектом этого подражания было современное социальное служение последней, а не взятые фактически из средних веков образцы ее идеологии и деятельности.

ИДЕОЛОГИЯ РПЦ

Главный идеологический базис РПЦ сегодня – идея единственной, даже главной правильности православия, которое должно стать фундаментом национального возрождения, развития и т.д. и т.п. Поскольку сегодня развитием и пропагандой этой идеологии из российских патриотов не занимается разве лишь очень ленивый, то приведу только одну, но поразительную цитату.

Председатель Московского Общества православных врачей, профессор, д. м. н. Недоступ А. В. в своем докладе на Рождественских чтениях 1998 г.: «Состояние медицины в России сегодняшнего дня с точки зрения православного врача» сказал следующее: *«Для нас, православных людей, истинное понимание сути всего происходящего с Россией в XX веке заложено в осознании религиозного его смысла. Этот смысл – лютая ярость, схватка на уничтожение, борьба всех сил мирового зла с Россией как последним могучим оплотом Православия на Земле. ... Мистический смысл происходящего один – разрушение России как Божьего престола на земле перед приходом антихриста, предтечей которого явится мировое правительство, возникшее на основе транснациональных финансово-экономических корпораций. С этих позиций и следует рассматривать положение дел в любой сфере русской жизни, в том числе и в современной русской медицине. ...Сегодня Россия – последний бастион Православия в океане мирового зла, силы которого огромны. Но я не могу не привести слов одного из духовных светочей современной России, которой, будучи спрошен: "А стоит ли при таком раскладе сил пытаться активно бороться с врагом?", ответил: "А как же! Иначе мы своими руками станем открывать ворота антихристу!" Это и должно определять нашу жизнь сегодня. Образно говоря, мы в окружении, но приказа на отход не было, и мы должны сражаться до последнего вздоха. В этом сегодня наша цель и наше послушание».*

/Состояние медицины в России сегодняшнего дня с точки зрения православного врача – http://oroik.netda.ru/chten_98/nedostup.htm/

Такого рода выступление легко представить в средние века в устах главы испанской инквизиции, но отнюдь не в наше время у представителя самой гуманной в мире профессии.

И строго в соответствии с этой и другими подобными ей идеями главной задачей РПЦ объявляется возвращение к национальной культуре и вере, которые, по определению, были и остаются самыми лучшими. Время и место этой культуры и веры каждый православный идеолог определяет, можно сказать, в меру своих знаний. Но всегда остается главная идея фикс: мы лучше всех, потому что в главном мы всех превосходим – согласно мнению абсолютного большинства православных идеологов. А все остальное, в чем мы не лучше, а, может быть, даже хуже других, не играет роли – согласно мнению этих же идеологов. И большая часть паствы послушно принимает эту отнюдь не христианскую позицию. Поскольку любая установка на превосходство осуждается христианством как грех гордыни, то оказывается, что в современной России большая часть и паствы, и пастырей гордится грехом.

И вот что интересно. У абсолютного большинства российских ура-патриотов объекты национальной гордости и субъекты личного вождения строго разведены. Объекты национальной гордости: идеология, культура, история, имперские завоевания России и военные победы; экспорт зерна и природных ресурсов; и, наконец, российское оружие (главным образом, давно устаревшее) – автомат Калашникова, танки (которые, опять же в национальной традиции, отличаются низкой надежностью), атомная бомба, преимущественно бывшие космические достижения и, наконец, лучшие в мире самолеты (которые почему-то все время бьются, а покупаются только странами третьего мира). В то же время субъектами вождения оказываются почему-то всякие разные иностранные штучки-дрючки – от накрученных мобильников до шикарных автомобилей. И, конечно, верх вождения большинства российских патриотов – путешествия, причем преимущественно не по русской глубинке, а по европейским и азиатским курортам.

Таким образом, модное сейчас среди идеологов патриотизма понятие цивилизации в их жизни реализуется с неразрешимым противоречием. Вот классическое определение цивилизации – уровень, ступень развития материальной и духовной культуры общества, общественных отношений. Легко увидеть, что национал-патриоты живут одновременно в двух цивилизациях. Для них русская цивилизация – это исключительно идеология русского национализма и национальные достижения в сферах, далеких от их реальной жизни. А технический базис их жизнедеятельности – это технологические

достижения ущербной, по их мнению, цивилизации индустриально развитых стран. Обнаруживается неразрешимое противоречие. Превосходство русской цивилизации национал-патриоты доказывают в идеологии, т.е. на словах. А достоинства другой цивилизации они же подтверждают в своей реальной жизни, т.е. на деле. Так же ведут себя и практически все их сторонники — конечно, в меру своих материальных возможностей.

Очевидно, чтобы быть последовательными, русским националистам необходимо в принципе перестать использовать все плоды «дьявольской западной цивилизации» — особенно мобильники и Интернет. И уж, конечно, неэтично ездить на иномарках. Им следует переехать жить в пещеры и в крытые соломой избы, ездить на телегах или на худой конец на российских автомобилях и призывать к этому своих сторонников и последователей. Но почему-то этого не происходит. Оказывается, что даже самые рьяные сторонники русской цивилизации, как правило, мечтают не о пещерах отшельников и столпах столпников, а о плодах той самой ущербной цивилизации стран золотого миллиарда.

Такая идеология подозрительно напоминает мышление младших школьников. Они постоянно доказывают, что их родители, друзья, игрушки, книги самые лучшие, но при этом очень сильно вожделяют к тому, чего у них нет, и к тем, кто для них недоступен. А поскольку в современном мире россияне (особенно те, кто «сильно уважает» крепкие напитки) отнюдь не могут рассматриваться как взрослые люди, любая идеология превосходства имеет очень большой спрос в посттоталитарной России, а разделение ценностей идеологии и жизни является нормой мировоззрения.

В то же время распространение идеологии превосходства России, россиян и особенно православия, которая согласно христианской традиции является тяжким грехом, прямо ведет к множеству печальных последствий для России и ее жителей.

Во-первых, для многих продвинутых в православии россиян эта идеология становится фундаментом идеи крестового похода против западного мира, его «реакционной идеологии и растлевающей культуры». Есть странная особенность этого крестового похода: все его идеологи прямо используют технологии этой растленной культуры — даже занимаются пропагандой в Интернете. А технологическим базисом последнего (т.е. интернета) являются: разработанные в США и других странах зла железо и софт (компьютерные программы и протоколы связи). Таким образом, сегодня Интернет-пропаганда идей национал-православия возможна только благодаря тому, что в индустриально

развитых странах равнодушно-снисходительно относятся к националистской (в том числе российской) идеологии, пока ее носители живут за пределами США. Правда, в созданном в США и весьма популярном в мире Live Journal активных пропагандистов национал-патриотизма просто «забаннивают», т.е. лишают права выставлять в нем свои идеи. А большинство российских национал-патриотических Интернет-ресурсов по самым разным причинам (от непонятного языка до примитивности содержания) мало популярны за пределами России. Обнаруживается, что единственный серьезный канал выхода национал-патриотов в большой мир для них фактически закрыт.

Как пример типичного национал-патриота можно привести декана печально известного социологического факультета МГУ В. Добренькова. Уже в околопенсионном возрасте он переквалифицировался из научного атеиста (издавшего 4 (!) книги с критикой религии с позиций марксизма-ленинизма) в активного деятеля и защитника православия — но при этом почему-то не покаялся в своем грехе борьбы с религией. Осуждая «мировую закулису» и предлагая вернуться исключительно к национальным корням, Добреньков одновременно гордо ездит на хорошей иномарке, постоянно использует мобильную связь, Интернет и другие многочисленные плоды деятельности государств, названных им и его коллегами-патриотами врагами России. При этом, несмотря на безудержный русский патриотизм Добренькова, у него почему-то серьезные проблемы в употреблении литературного русского языка <http://od-group.org/node/497>. Как правило, и другие ура-патриоты, в том числе и большинство пропагандистов православия как единственной истинной религии, не отстают от Добренькова и в очень активном потреблении технологической культуры уже не гниющего, а, по их мнению, «окончательно разложившегося Западного мира», и в проблемах с русским языком.

Во-вторых, сегодня крайне нелепо выглядит идеология прогресса России исключительно как движения назад — к истинной культуре и вере (даже изложенная современным языком) в то самое время, когда быстро развивающийся мир движется вперед. В результате рост веры россиян в призывы многих идеологов православия якобы «ради прогресса России» вернуться назад (к вере отцов, к дореволюционной культуре, к обязательному изучению церковнославянского языка и Закона Божьего и, наконец, к борьбе с врагами России) все более препятствует полноправному вхождению россиян в современный мир. Как более двух тысячелетий назад сказал китайский император Цинь Ши Хуан, начавший строительство Великой Китайской стены: *«Тому, кто сегодня хвалится вчерашними успехами, нечем будет похвалиться завтра».*

В-третьих, все больше становится таких россиян, которые, оказавшись маргиналами в современном высокопрофессиональном мире, находят для себя компенсацию этого в борьбе с врагами русского народа и даже России и одновременно объявляют себя истинно верующими.

Этот тип людей точно описал Протоиерей Владимир Федоров: «Главные наши враги — мы сами — <http://spb.aif.ru/issues/638/04?print>

Безусловно, проблема ксенофобии универсальна, она не является характерной для какой-либо одной — или даже нескольких конфессий или религий. И вот что любопытно. В каждой христианской конфессии и в каждой религии есть верующие, которые принадлежат к определенному и специфическому психологическому типу. Их называют экстремистами, фундаменталистами, ревнителями не по разуму, иногда (не совсем точно) — фарисеями. Некоторые считают себя единственно правоверными и потому борются прежде всего с теми единоверцами, которые не разделяют их радикализма. Этот феномен заслуживает особого внимания. Для такого типа буква закона отрицает дух, толкование текста (экзегетика) не нужно. Идеология у них сильнее веры. Воспитывать благочестие они готовы насилем. Часто именно неохрестомы подпадают под влияние такого радикализма. Их могут называть в исламе ваххабитами или талибанами, в православии им нет имени, и чаще говорят о фундаменталистах. Фундаментализм — это не столько особое учение, сколько особый род духовности, суровой и порой жестокой и немилосердной. Именно фундаменталисты склонны повсюду искать врагов и бороться с ними, вместо того чтобы что-то созидать, строить себя как образец благочестия и свидетельствовать Истину личным примером.

Комплекс советского идеолога, для которого во всем были виноваты империалисты, а потому среди своих сограждан нужно разыскивать агентов империализма, при обращении этого идеолога в православие сохраняется как комплекс поиска среди православных недостаточно православных. Поэтому, если ты не разделяешь махровых убеждений, ты — независимо от этнической принадлежности или исповедания — будешь ими квалифицирован как враг (экуменист, еврей, либерал, певец толерантности, неомодернист и т. п.).

Не случайно в России все больше становится ученых, и не очень, мужей и дам с разными советскими идеологическими и сомнительными современными дипломами (в том числе и вчерашних научных атеистов), которые под сенью православия призывают к борьбе с врагами русского народа, к регрессу конституционных норм в сторону разных прав для русских и всех остальных вплоть до введения черты оседлости для русскоязычных и даже их выселения. Не буду перечислять всех идеологов использования религии для пропа-

ганды — достаточно посмотреть сайты А. Верховского <http://sova-center.ru/> и <http://religion.sova-center.ru/>.

Среди обвиняемых в преступлении против государственной власти (статья 282 УК РФ. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) есть и печально известный Константин Душенов, ранее пойманный на даче заведомо не соответствующих действительности показаний (ст. 307 УК РФ) в пользу организатора убийства депутата Государственной Думы Галины Старовойтовой бывшего офицера ГРУ Юрия Колчина (осужденного на 20 лет колонии строгого режима) — и почему-то «прощенный» прокуратурой. Интересна биография Душенова — <http://www.anticomproamat.ru/dushenov/dushenbio.html>. С 1992 года он был пресс-секретарем митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, руководителем его информационно-аналитической группы. Его считают настоящим автором статей и книг, выходящих от имени митрополита Иоанна («совершенно беспомощного человека», который «не мог связать толком двух слов и уж тем более — написать тех книг и статей, которые вышли под его именем» — Новая газета Г, № 31-32, 27.04—04.05.2006). Был председателем Союза православных братств Санкт-Петербурга. С 1997 года — редактор газеты «Русь православная». Никакого осуждения его противозаконной пропагандистской деятельности со стороны РПЦ не последовало. Более того, на его защиту как редактора в качестве эксперта выступила Бороздкина Ольга Яковлевна, председатель Санкт-Петербургского Философско-богословского общества. Ольга Яковлевна тоже принадлежала к числу сотрудников митрополита Иоанна. Это то, что РПЦ делает не прямо, а через своих адептов.

Нередко такого рода блюстители «чистоты» православной России (а вчера советской власти в СССР), ее защиты от врагов становятся идеологами и вдохновителями для тех, кто совершает уже уголовные преступления на почве национализма — как правило, против беззащитных и невооруженных людей, в том числе женщин и детей.

Так, не случайно среди друзей Душенова оказался лидер террористов из компании молодых людей из якобы православной охранной фирмы ЧОП «Благодарный князь Александр Невский», организовавших и осуществивших убийство невооруженной женщины — депутата Галины Старовойтовой.

Увы, это далеко не единственное уголовное преступление на почве замешанной на православном фундаментализме ксенофобии. Сегодня в результате бесчисленных открытых (и, как правило, не пресекаемых правоприменительными органами) призывов православных национал-патриотов

в mass-media и в Интернете бороться с врагами русского народа все чаще многочисленные банды молодых маргиналов, «набравшись под завязку», отправляются бить и убивать какого-нибудь «серьезного» врага русского народа — таджикскую девочку, грузинского, армянского, китайского, иранского и т. п. студента. Это даже уже «ударило» по бюджету вузов — иностранцы все меньше хотят учиться в России — дорого и опасно.

И вот что интересно:

Прежде всего, иерархи РПЦ за немногими исключениями не осуждают даже тех преступников, которые, совершая и государственные, и уголовные (вплоть до убийства) преступления по отношению к так называемым «врагам русского народа», активно прибегают к их обоснованию на основе православия. Это и те национал-патриоты, которые пропагандируют ненависть и уголовные преступления по отношению к «нерусским»; и те молодые люди, которые бьют и убивают безоружных инородцев и даже объявленных ими врагами русского народа русских людей. Изредко, если иерархи РПЦ выступают с осуждением насилия, то делают это весьма вообще. Более того, в качестве экспертов, защищающих этих преступников, часто выступают представители различных богословских обществ при РПЦ.

К сожалению, это не новая традиция для российского православия. Так, в дореволюционной России в пропаганде погромов участвовали многие представители власти и священники. Например, причисленный к лику святых Иоанн Кронштадтский, будучи почетным членом Союза русского народа, не только освятил его знамя, но даже в одной из своих проповедей 1906 г. заявил, что евреи сами навлекают на себя погромы, что погромы — рука Господня, наказывающая евреев за тяжкие прегрешения против правительства (Уолтер Лакер. Черная Сотня. Происхождение русского фашизма. С. 94). Справедливости ради следует отметить, что Иоанн Кронштадтский выступил с осуждением известного Кишиневского погрома — одной из страшных еврейских трагедий: убито 49 человек, искалечено 587, разорено 1500 домов и магазинов. Но до этого он уже сыграл свою не очень достойную роль в поддержке погромщиков и черносотенцев. Поэтому его канонизация сыграла немалую роль в развитии новой волны черносотенства в постсоветской России.

Не случайно сегодня с гордостью говорят о роли иерархов русской православной церкви в деятельности Черной Сотни идеологи нового Союза Русского народа: *«Достоин внимания и тот факт, что Черная сотня была единственным общественно-политическим движением, во главе которого сто-*

или святые. Известно, что святой праведный отец Иоанн Кронштадтский постоянно поддерживал Союз Русского Народа, лично освятил хоругви Союза, передал на нужды Союза громадную по тем временам сумму в 10 тысяч руб. Но о. Иоанн был не только жертвователем, но и формально состоял членом Союза, собственноручно написав заявление под номером 200787 (т. е. обычное рядовое заявление): “Желая вступить в число членов Союза, стремящегося к содействию всеми законными средствами правильному развитию начал Русской государственности и русского народного хозяйства на основах Православия, Неограниченного Самодержавия и Русской Народности, — прошу зачислить меня, как единомышленника”. А 15 октября 1907 г. постановлением Главного Совета он был избран пожизненным почетным членом Союза Русского Народа, что принял с благодарностью. Кончина кронштадтского “маяка Православия” стала тяжелой утратой для Союза, знаменательно, что раздоры и нестроения в Союзе Русского Народа начались после его кончины. Известно также, что в руководство многих отделов Союза Русского Народа и других патриотических организаций входили прославленные Церковью в сонме Новомучеников и Исповедников Российских Святейший Патриарх Тихон (Беллавин), митрополиты Серафим (Чичагов), Владимир (Богоявленский), Агафангел (Преображенский), Анатолий (Грисюк), архиепископ Андроник (Никольский), епископы Макарий (Гневушев), Гермоген (Долганов), Ефрем (Кузнецов), Иоасаф (князь Жевахов), Иоасаф (Удалов), Варсонофий (Лузин), протоиереи Иоанн Восторгов, Михаил Алабовский, Евграф Еварестов, священник Александр Вераксин и другие.

Вообще все выдающиеся русские архиереи начала XX века так или иначе были причастны к Черной сотне, не говоря уже о священниках. Достоин внимания, что к Союзу Русского Народа имели отношение все три Патриарха: свт. Тихон (Беллавин) был почетным председателем Ярославского отдела Союза, Патриарх Алексей (Симанский) был председателем Тульского отдела в бытность ректором тамошней семинарии, даже известный своими симпатиями к либерализму Патриарх Сергей (Страгородский) был причастен к Черной сотне — именно он освящал в присутствии св. прав. Иоанна Кронштадтского знамя и хоругвь Главного Совета Союза. Поэтому нужно признать правоту лютого ненавистника Православия Ленина, когда он называл русское духовенство черносотенным. Оно и вправду было таковым (Союз Русского Народа: история и уроки борьбы. Доклад на восстановительном съезде Союза Русского Народа, Москва, 21 ноября 2005 года <http://russk.ru/st.php?idar=103890>).

Прочитую снова протоиерея Владимира Федорова «Главные наши враги — мы сами» — <http://spb.aif.ru/issues/638/04?print>

Антисемитизм трудно определить однозначно. Это одна из древнейших, но периодически обостряющихся форм ксенофобии. Это болезнь застарелая, и ее проявления можно встретить как у атеистов, так и у верующих практически всех христианских конфессий. В основе антисемитизма — этнические и религиозные факторы, которые в ходе двухтысячелетней истории сплелись со всевозможными напластованиями историко-политических, экономических и культурных влияний. И не зная их, наивное сознание привычно ищет и находит врагов, виноватых во всех бедах. Главная причина здесь — нравственные пороки и психологические механизмы не исцеленной от греха личности: поиск врагов, неспособность анализировать свои недостатки, нежелание начинать решение проблем с себя, готовность перенести вину с подлинного виновника на всех, кого легко идентифицировать с ним (например, по национальности) и т. п. Мне вспоминается в связи с этим, как 30 лет назад, когда я учился в Духовной академии, один наш студент в беседе с профессором-священником спросил: «А кто сегодня главный враг христианства?», на что мудрый преподаватель незамедлительно ответил: «Мы сами».

Антисемитизм — это еще и своего рода одержимость. Не просто антиобщественное поведение, несправедливость, но и что-то вроде эпидемии ненависти, распространение бациллы вражды, агрессии.

В большинстве случаев это результат воспитания, навязывание подрастающему поколению, да и наивным взрослым, некоего «знания» о врагах. Особенно эффективно действует такое «знание» на неподготовленного и малообразованного человека, и прежде всего необразованного в религиозном отношении. Русскому православию особенно не повезло, поскольку в 1905 году известный православный автор С. А. Нилус во втором издании своей книги «Великое в малом» опубликовал так называемые «Протоколы сионских мудрецов», подброшенные ему царской охранкой. Почитание православным народом памяти преподобного Серафима Саровского, знаменитую беседу которого с Мотовиловым Нилус опубликовал вместе с «Протоколами», придавало и до сих пор придает в глазах читателей Нилуса авторитет этой всемирно известной фальшивке. Печально, что идея мирового заговора до сих пор будоражит сознание самых разных людей и периодически используется для манипулирования политическим сознанием граждан России.

Все вышеизложенное говорит о том, что в направлении деятельности РПЦ явно доминирует средневековая католическая идея единственно правильной религии, а в деятельности многих ее адептов — современный вариант охоты за ведьмами. Только в качестве ведьм выступают разного рода «русскоязыч-

ные» россияне, иностранцы и, наконец, мифические жидомасоны. И вот что интересно — чем меньше в России остается евреев (по последней переписи, в стране живет 230 тысяч евреев), тем больше их боятся правоверные патриоты. Очевидно, что для них единственный способ доказать свою значимость — вера во всемогущество евреев и противостояние ему. Действительно, их другая, не патриотическая деятельность не может дать им того признания, которого они так жаждут. У одних, как, например, многочисленных отставных советских военных, деятелей культуры и ученых, вся профессиональная деятельность осталась в прошлом (а у многих — особенно у деятелей культуры и ученых-гуманитариев девальвировались и их профессиональные достижения), у других цена их профессиональной деятельности гораздо меньше претензий.

Чтобы меня не обвинили в голословном осуждении национал-патриотов, которые сегодня искренне считают себя оплотом русского патриотизма (как вчера многие из них считали себя оплотом советского патриотизма), приведу мнение широко известных и уважаемых верующими служителей церкви.

Протоиерей Владимир Федоров:

«И религиозная толерантность, и толерантность в этнических, политических и прочих аспектах актуальна как никогда прежде. В период, когда нарастают проблемы, связанные с глобализацией, когда ядерные технологии грозят выйти из-под контроля, когда вновь мы видим вспышки расизма и антисемитизма, когда демагогически православием прикрывается агрессивная ксенофобия отдельных псевдопатриотов, этот аспект нравственного богословия и социальной этики требует обсуждения и осмысления. Еще один мотив участия в деле воспитания толерантности — это наша гражданская ответственность за нравственное здоровье общества — Никто от нас и не требует поступаться нашими догматами»

— /Межконфессиональный диалог и проблемы толерантности — http://anthropology.ru/ru/texts/fedorov_v/tolerant_05.html/

«Толерантность — привилегия сильных и умных, не сомневающихся в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиций.

<http://news.aquaviva.ru/news.php?readmore=168>».

Игумен Петр (Мещеринов):

«Патриотизм, вообще говоря, есть любовь к своему народу и желание ему блага. Но понимать это благо можно по-разному. Ложный патриотизм исходит из того, что наш “народ, как он есть, не только лучше всех других наро-

дов, но даже есть единственный хороший, единственный христианский народ». Эта популярная во времена В.Соловьева и пропагандируемая ныне точка зрения основывается на том, что русская нация, народность сама по себе есть само-достаточное благо в силу, во-первых, некоей избранности и метафизической особенности ее, а во-вторых, славного исторического прошлого в области государственного строительства. На практике этот взгляд приводит к языческому культу народа и преклонению перед государством как таковым. Подлинный же патриотизм исходит из совершенно других понятий. «Народность, — пишет В.Соловьев, — не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила природная и историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование» — Владимир Соловьев и национальный вопрос // Церковный вестник» <http://tserkov.info/numbers/diskus/?ID=1513>».

КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ

Во-первых, представители РПЦ легко и без особого разбора отпускают грехи — как и католические священнослужители в средние века. Право на отпущение грехов равно получают и какая-нибудь оскоромившаяся в пост старушка, и уголовный преступник — вор и бандит. Хотя стиль деятельности большей части российского криминала нередко заставляет вспомнить Повелителя мух Голдинга, это не мешает им считать себя истинно верующими. Поэтому они всегда готовы грешить и каяться, и снова грешить и каяться, а при этом делать щедрые пожертвования в пользу церкви. Таким образом, РПЦ по факту использует принцип индульгенции средневекового католицизма — только не в письменной, а в устной форме. Более того, она этого не стесняется. Так, патриарх Алексей II даже сфотографировался несколько раз с Владимиром Кумариным-Барсуковым — широко известным «авторитетным бизнесменом», имя которого во многих статьях и книгах по криминальному миру всегда ставится рядом с таким названием, как тамбовская ОПГ в Петербурге. Видимо, это делалось в благодарность за щедрые пожертвования на колокола. Недавно Кумарин (сменивший фамилию на Барсуков) арестован. Генпрокуратура РФ предъявила ему обвинения в целом ряде тяжких преступлений: организация убийства, убийство и покушение на убийство, организация преступного сообщества, мошенничество, а также отмывание денежных средств. Может ли кто-нибудь вообразить, чтобы папа римский в двадцать первом веке сфотографировался с каким-то MADE MAN. Очевидно, что православных россиян — как родственников убитых истинно верующими

бандитами, так и пострадавших от истинно верующих пьяных водителей или ограбленных истинно верующими ворами, бандитами и коррумпированными чиновниками, вряд ли утешит то, что все они покаются и получили отпущение грехов. В России только 12% разведенных отцов платят алименты и, конечно, большинство из них истинно верующие. Но их детям, очевидно, понятнее позиция приставов, которые не пускают жадных папаш за границу, чем священников, которые отпускают взрослым дядям грехи.

Во-вторых, священники освящают все, что попросят — иномарки и бутылки, больницы и пушки. И, конечно, тоже не бесплатно. Более того, священники из бедных деревенских приходов специально выезжают в город, чтобы заработать на освящении. А недавно на территории Храма Христа Спасителя были проведены торжественные мероприятия в связи с 60-летним юбилеем курирующего ядерный щит РФ 12-го Главного Управления Министерства обороны (<http://newsru.com/russia/04sep2007/baluevskiy.html>).

Скоро в России неосвященными, видимо, останутся только машины иностранных дипломатов и принадлежащие некоторым мусульманам торговые точки, машины и оружие. Понятно, что в результате освящения не растет качество товаров и услуг, не падает уровень криминальности бизнесменов и чиновников. Зато освящение мест их работы и отпущение грехов, однозначно, заменяет криминальным чиновникам и бизнесменам совесть.

В-третьих, РПЦ вело и ведет разнообразную коммерческую деятельность вплоть до экспорта крепких спиртных напитков (не церковного вина), сигарет, китайских товаров. Интернет переполнен примерами этой деятельности. Упомяну лишь некоторые наиболее впечатляющие факты.

Евг. Комаров: «Патриарх попросил и получил в правительства квоту на вылов красной рыбы, крабов и т. п., причем ловить будет судно американской компании, в которой 50% принадлежит патриархии. Доход лишь по крабам может составить 17 млн долларов (РПЦ хочет до половины общего улова квоты). Деньги должны пойти на реставрацию церквей «в рамках подготовки к празднованию 2000-летия Рождества» (Новые Известия, 16.2.2000)... квоты на вылов рыбы даются АО «Регион», с которым от РПЦ сотрудничает настоятель московской Никольской церкви на Преображенском кладбище о. Леонид Кузьмин (Новые известия, 29.2.2000). А были еще льготы на ввоз вина (не церковного), водки и сигарет.

О самом, наверное, удивительном интересном образце этой деятельности недавно рассказали «Новые известия»: <http://www.newizv.ru/news/2007-04-13/67861/> «В канун Пасхи екатеринбуржцы обнаружили в почтовых ящиках

«письмо счастья» с факсимиле архиепископа. Кроме поздравления, в послании содержался призыв сделать посильный вклад в дело возведения храма на территории наркодиспансера. Далее владыка извещает: «Если Ваше пожертвование составит более 500 рублей, все члены Вашей семьи будут застрахованы от заболевания клещевым энцефалитом или лайм-боррелиозом в случае укуса клеща на 10 тысяч рублей. Сделать жертву Вы можете в любом отделении Сбербанка. Для этого впишите в прилагаемую к письму квитанцию сумму. С обратной стороны разборчиво напишите имена своих близких (отдельно о здравии, отдельно об упокоении) для поминовения».

Когда журналисты заинтересовались, не подставил ли кто в данном случае архиерея, он объяснил: «Некая страховая организация предложила нам помочь в сборе средств. Я не то чтобы подписывал это письмо... Но главное – построить храм». Интересно, чем архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий (Морарь) отличается от знахарей и колдунов, которых так рьяно осуждает РПЦ, – не говоря уже о том, что такого рода страховка является прямой угрозой жизни и здоровью тех наивных верующих, которые, поверив иерарху, откажутся от помощи врачей, от прививок и т. п. А помимо сотрудничества с сомнительными страховщиками архиепископ Викентий перед Пасхой еще и сделал попытку помочь выехать из России как паломнику экс-депутату Екатеринбургской городской думы подследственному бизнесмену, давшему подписку о невыезде, который уже исчезал на 2 года, а потом сдался следствию. В июле состоявшемуся уголовному преступнику и несостоявшемуся паломнику вынесен приговор о лишении свободы и штрафе.

Из многочисленных скандальных публикаций о коммерческой деятельности церкви приведу только пару ссылок на несколько самых одиозных историй – на которые тем не менее не было опровержений. Во-первых, о печально знаменитом Российском благотворительном фонде примирения и согласия «PR-акции Московской патриархии: Имидж церковной благотворительности в сочетании с полукриминальной коммерческой деятельностью – Вадим Белых, Евгений Комаров «Новые Известия», 13.07.99 <http://www.compromat.ru/main/grp/sotnikova1.htm>. Во-вторых, о предприятии «Софрино» Российские вести», 03.12.2003, «Свечной олигарх».

На сайте священника Якова Кротова есть интересная работа Михаила Эдельштейна, «Церковная экономика Центральной России: приход, монастырь, епархия http://www.krotov.info/libr_min/e/edelst.html».

Способствует коммерциализации церкви и то, что, по словам Н. Митрохина, «наиболее серьезным послаблением церкви стало то, что государствен-

ные органы вообще де-факто выводят финансовые операции РПЦ за рамки действующего законодательства (Русская Православная Церковь: доходы и расходы <http://www.index.org.ru/journal/11/mitrohin.html>)».

Прочитав резюме самого известного российского исследователя деятельности РПЦ Николая Митрохина: «Современные масштабы экономической деятельности РПЦ, оцениваемые наблюдателями в сотни миллионов долларов, ее размах и относительная стабильность уже сейчас позволяют говорить о формировании особого сектора постсоветской экономики – церковного, развивающегося в соответствии с особой, только ему присущей логикой. Сегодняшнее состояние и тенденции развития этого сектора дают основания полагать, что в дальнейшем церковная экономика будет расти и шириться... РПЦ представляет собой гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных экономических агентов. Точное число этих агентов определить невозможно, но только по официальным данным, РПЦ имеет не менее 19 тысяч приходов (общин) и примерно такое же число священников. Кроме того, есть еще приблизительно 500 монастырей, около 130 епархиальных управлений, а также не поддающееся учету число коммерческих структур, действующих при храмах или контролируемых отдельными священниками. Годовой объем финансовых потоков, как легальных, так и «теневых», – проходящих через церковные кассы или карманы священников, по нашим расчетам – несколько десятков миллионов долларов, но вполне вероятно, что подконтрольные церкви структуры оперируют уже миллиардами долларов в год. – Русская Православная Церковь как субъект экономической деятельности. <http://corruption.rsuh.ru/books/5-7281-0453-3.shtml>, 1.2001».

А вот позиция главы РПЦ: Патриарх Алексей II в своем обращении к духовенству Москвы 15 декабря 2004 года сказал: «Тревожным признаком обмирщения православного сознания, умаления церковности, духовного ослепления является все усиливающаяся коммерциализация многих сторон приходской жизни. Материальная заинтересованность все чаще выходит на первое место, заслоняя и убивая все живое и духовное...»

Все люди, и особенно молодежь, удивительно чутки ко всякой фальши. Если священник говорит о Христе, а сам думает о деньгах, о комфорте, об удовольствиях, то эту ложь... сразу чувствуют, и это обесценивает все остальные труды, предпринятые ради Церкви – Цитируется по: «Игумен Петр (Мещеринов). Владимир Соловьев и национальный вопрос «Церковный вестник» <http://tserkov.info/numbers/diskus/?ID=1513>».

Судя по многочисленным публикациям, коммерческая деятельность РПЦ сегодня все более напоминает коммерческую деятельность католической церкви в средние века, только с использованием современных технических возможностей.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РПЦ

1. Что делает РПЦ на ниве благотворительности

Вот социальная деятельность Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата (ОЦБСС МП). Этот отдел был образован в соответствии с определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 31 января 1991 года и призван заниматься организацией, координированием и развитием социального служения на приходском, епархиальном и общецерковном уровнях на канонической территории Русской Православной Церкви.

«В числе программ и проектов, уже реализованных и реализуемых Отделом в настоящее время, следует указать следующие:

Медицинские программы:

1.1. Свято-Алексиевская Центральная клиническая больница Московской Патриархии на 226 койко-мест (1991–2005 гг.);

1.2. антиалкогольная программа, разработанная совместно с Трентийской епархией Римо-Католической Церкви;

1.3. патронажная служба по уходу на дому за престарелыми;

1.4. открытие больничных храмов в лечебных учреждениях.

Детские программы:

2.1. школа-интернат для 80 неблагополучных детей;

2.2. оказание помощи детям-сиротам и детям-инвалидам через Благотворительное общество святых мучеников Космы и Дамиана и Международный благотворительный центр преподобного Серафима Саровского;

2.3. ортопедическая мастерская по изготовлению протезов и коррекционной обуви для детей-инвалидов;

2.4. программа «Дети Чернобыля» по организации диагностического лечения 837 детей в Италии (1993–1998 гг.);

2.5. проект «Обувь – детям» (обувь для воспитанников детских домов) в 11 регионах России (2000–2002 гг.) – 24000\$;

2.6. проект «Руку помощи – детям» (2004 г.) по поддержке церковных приютов и государственных детских домов в Саранске, Костроме и Ярославле – 17350\$;

2.7. ежегодное проведение рождественских елок и пасхальных праздников в детских домах и приютах.

Реставрация храма, предназначенного для инвалидов-колясочников.

Оказание помощи беженцам и жертвам стихийных бедствий:

5.1. совместный с International Orthodox Christian Charities проект в Чечне, Ингушетии и Северной Осетии (1995–1997 гг.) на сумму 1974000\$;

5.2. оказание помощи пострадавшим от наводнения на о. Сахалин (1995 г.) – 5000\$;

5.3. оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Молдовы и Чечни;

5.4. оказание помощи жертвам террористического акта в Москве и Волго-донске (1998) – 3000\$;

5.5. распределение 60 тонн продуктов питания среди пострадавших от наводнения в Якутии (2001 г.) – 67000\$;

5.6. оказание помощи пострадавшим от наводнения в Краснодарском крае РФ при поддержке Renovabis (2002 г.) – 25000\$;

5.7. оказание материальной и медицинской помощи жертвам террористического акта в московском метро (2004) – 7000\$.

Распределение гуманитарной помощи в виде продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов и т.п. Совместно с International Orthodox Christian Charities было распределено:

6.1. 7500 тонн продуктов питания в 11 регионах России среди 1,5 млн. человек (1993–1994 гг.);

6.2. 90 тонн груза в Чечне (1995–1996 гг.);

6.3. 53000 тонн продуктов в 19 регионах России (1999–2002 гг.).

Общая стоимость проектов 6.1, 6.2 и 6.3 превышает 60 млн. \$.

6.4. Проект «Зима 2003–2004» по распределению одеял через государственные и церковные учреждения социальной сферы Барнаульской, Новосибирской, Томской, Вологодской, Саранской, Костромской, Московской, Читинской, Биробиджанской, Мурманской, Владивостокской, Петропавловской и Петровской епархий. Общая стоимость – 200 000\$.

Проекты развития:

7.1. поставка оборудования для минипекарен в Московскую и Костромскую епархии, республику Мордовия (2002–2003 гг.) – 25000\$.

В рамках долгосрочных программ, связанных с распределением гуманитарной помощи, более 90 человек в 30 епархиях Русской Православной Церкви были обеспечены работой и стабильной зарплатой в течение восьми лет (1993–1996; 1999–2002 гг.)

В реализации целого ряда проектов ОЦБСС МП опирается на помощь зарубежных церковных и экуменических организаций – Всемирного Совета Церквей, Renovabis, Kirche in Not, Всемирной Лютеранской Федерации, International Orthodox Christian Charities, Action Churches Together, Епископальной Церкви США и др. При распределении гуманитарной помощи Отдел придерживается внеконфессионального принципа – http://www.diaconia.ru/index.sema?a=articles&pid=1&no_design=1.

Интересно то, что во всех крупных проектах благотворительности РПЦ присутствует помощь «зарубежных церковных и экуменических организаций». Но даже с учетом этих проектов благотворительная деятельность несопоставима ни с доходами верхушки РПЦ, ни с масштабами церковного строительства. И, конечно, она никак не может считаться реальной помощью социально слабой части населения России, т. е. фактически большинству прихожан РПЦ. Кто сегодня составляет основную массу прихожан РПЦ? Это бедные и больные пожилые люди, это инвалиды, это большая часть населения деревень и маленьких городов, это пьяницы и наркоманы, наконец, это беспризорники и запущенные дети. Подавляющее большинство этих людей нуждается не в православном «духовном окормлении» и идеологическом руководстве, а в прямой материальной и социальной помощи. Но эту помощь РПЦ оказывает им крайне редко и в ничтожных размерах. А в сравнении с социальным служением католической и протестантской церкви социальное служение РПЦ выглядит совсем убого.

2. Чего практически не делает РПЦ на ниве благотворительности

Чтобы не выглядеть клеветником, приведу мнение самих представителей РПЦ, опубликованное в церковном вестнике.

Так, председатель Синодального Отдела по церковной благотворительности и социальному служению митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей в своем докладе сказал: «Созданный Отделом Экспериментально-методический центр “Патронажная служба” опекает ежегодно более 300 человек на дому и в стационарах социальной сферы. Аналогичная работа по попечению стариков проводится во многих епархиях. Однако надо отметить, что в целом число богаделен ничтожно мало... Говоря о проблемах в сфере социального служения, необходимо отметить, что до сих пор в ряде епархий нет общепархиальных структур, которые бы целенаправленно, ежедневно и планомерно занимались организацией благотворительной деятельности...Еще

одна проблема — это дефицит кадров. Служение милосердия невозможно без широкого, деятельного участия мирян». <http://www.tserkov.info/numbers/synodalinstitutions/?ID=1207&forprint>

Митрополит Сергей Солнечногорский отметил и «отсутствие системы профессиональной подготовки церковных социальных работников» <http://tserkov.info/numbers/past/?ID=316&forprint>

О проблемах социального служения РПЦ говорят и многие другие священнослужители.

Игумен Петр (Мещеринов): «Когда же от нас требуют прежде всего, чтобы мы верили в свой народ, служили своему народу, то такое требование может иметь очень фальшивый смысл, совершенно противный истинному патриотизму во всем этом нет Христа. Он и Его заповеди реально никому не нужны. Ни власти, которой нужна от Церкви лишь некая сдерживающая народ идеологическая узда, а вовсе не проповедь о Христе и христианском образе жизни и не равноправное сотрудничество в социальной, образовательной и культурной сфере. Ни обществу — ибо оно уже перестает ассоциировать Христа и христианство с православием. Ни многим церковным людям (в контексте национальной идеи) — им нужно руками государства выгнать протестантов, получить спонсорскую помощь и рассуждать о патриотизме и Великой России, ругая Запад и мировую закулису. Таким людям уже не интересно заниматься ни церковной благотворительностью, ни социальными программами, ни с молодежью, ни катехизацией, ни миссионерством... Кстати, об этом с иронией писал В.Соловьев: «Иностранцы организуют благотворительные учреждения, просветительные миссии и т. п.; мы вообще воздерживаемся от этого суетного подвижничества, предаваясь главным образом подвигам молитвенным, утешаясь обилием земных поклонов, продолжительностью и благолепием церковных служб. Не ясно ли наше превосходство: мы служим только Богу, а служение страждущему человечеству предоставляем ложным религиям гнилого Запада». Весьма современно звучат эти слова, написанные более ста лет назад... Владимир Соловьев и национальный вопрос //Церковный вестник <http://tserkov.info/numbers/diskus/?ID=1513>

И, наконец, мнение самого Патриарха Алексия II. «Социальное служение Московской епархии остается на количественно и качественно недостаточном, низком уровне... в большинстве приходов нет почти никакой социальной работы или она ведется неорганизованно, эпизодически, людьми пенсионного возраста. Молодежь к этой работе не привлекается... Очень мало священнослужителей, готовых участвовать в социальных проектах, возглавлять эту рабо-

ту, воодушевлять прихожан словом и своим собственным примером. Во многих анкетах говорится об окормлении больниц. Однако при проверке выяснилось, что зачастую имеется в виду лишь то, что священники не отказываются прийти в больницу по просьбе родственников или пациентов, чтобы причастить или окрестить тяжело больных. Подобное нерадение наблюдается и в тюрьмах, где в настоящее время лишь немногочисленные священники проводят пастырскую работу» http://pravoslavye.org.ua/index.php?r_type=article&action=fullinfo&id=6512.

КАК РПЦ ВИДИТ ПЕРСПЕКТИВЫ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Строго в соответствии со своей идеей двигаться исключительно назад РПЦ пытается вернуться к формам и масштабам своей деятельности до революции. А потому посмотрим, какой реально была эта деятельность.

Начнем со статистики.

«По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., численность православных составляла 87,3 млн человек, или 69,5% населения империи. Несомненно, что к началу XX века православная Церковь располагала самой массовой аудиторией в стране. В 1905 г. в России действовала 48 375 православных церквей. Численность белого духовенства составляла 103 437 человек. В том же году в России насчитывалось 267 мужских православных монастырей и пустынь, 208 женских монастырей и общин. Численность черного духовенства составляла 20 199 человек. В системе “ведомства православного вероисповедания” действовали 4 духовные академии (Петербургская, Московская, Киевская, Казанская), 57 семинарий (19 348 учащихся), 187 мужских духовных училищ. В ведомство Синода входила сеть массовых начальных школ, которая складывалась из школ грамоты, церковно-приходских и учительских школ» (Русское православие: веки истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. — М.: Политиздат, 1989).

В.В.Морозан.

Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX — начале XX в. <http://www.krotov.info/history/20/1900/morozan.htm>

«Вся площадь землевладений православной церкви превышала 4 млн десятин (десятина казенная = 2 400 кв. сажень = 1,09 га). К этим владениям относятся как принадлежащие собственно церкви земельные участки, так и площади, полученные причетами от казны, сельских и городских обществ или отдельных лиц на правах безвозмездного и бессрочного пользования. Как правило, после долгих лет эксплуатации подобные участки переходили в собственность отдельных приходов...

Православная церковь «ежегодно имела в своем распоряжении вместе с государственными субсидиями более 200 млн. руб. ...экономическое положение русской православной церкви в конце XIX — начале XX в. было весьма прочным, а источники дохода давно налажены и постоянно совершенствовались. Вместе с тем, следует отметить, что православная церковь, как и российское общество, не являлась однородным организмом. Мы наблюдаем и богатство отдельных церковных субъектов и духовных лиц и откровенную бедность большой группы священнослужителей».

Таким образом, обнаруживается, что последние десятилетия перед революцией:

- С одной стороны, Православная церковь:
- была одним из самых крупных землевладельцев в стране;
- имела весьма прочное экономическое положение и огромный штат сотрудников;
- имела самую массовую аудиторию в стране, к которой у нее был прямой доступ через обязательное преподавание Закона Божьего и официальную роль священнослужителей во всех видах деятельности, включая огромную российскую армию;

С другой стороны, Православная церковь:

- несмотря на свои огромные землевладения и экономические возможности, не смогла смягчить страшные последствия жуткого голода, который постоянно преследовал Россию в неурожайные годы. В последние десятилетия Российской империи причиной голода была в том числе позиция правительства, продававшего весь урожай зерна, не создавая запасов. Так, известный гигантскими личными накоплениями министр финансов И. А. Вышнеградский (1887—1892), руководствуясь принципом «недоедим, а вывезем», форсировал вывоз хлеба и кормов, что в годы плохого урожая (практически каждые 19 лет) привело к смерти от голода миллионов людей. Невозможность православной церкви реально помочь голодающим была результатом того, что деятельность церкви в сфере сельского хозяйства была неэффективной — *«необходимо отметить, что многие епархиальные дома, монастыри и причты очень неэффективно эксплуатировали свои владения... Что касается приходского духовенства, то умение профессионально использовать земельные или лесные угодья среди этой категории владельцев встречалось редко»* (Морозан <http://www.krotov.info/history/20/1900/morozan.htm>

- Не смогла серьезно повлиять на критическое отставание России от Европы и США в сфере народного образования как по количеству, так и по

качеству; не случайно в России церковно-приходская школа стала символом плохого образования, а в Европе католическое образование – символом хорошего.

Но руководство РПЦ всегда трактует деятельность Православной церкви до революции в своих интересах и, соответственно, никогда ничего не говорит и, видимо, и не думает об ее вчерашних проблемах. Она полностью сосредоточена на своих сегодняшних гигантских планах, коих действительно «планов громадьё».

– Во-первых, РПЦ очень хочет расширить свои владения во всех отношениях. Несмотря на то, что большинство восстановленных храмов почти не посещаемы, РПЦ хочет восстановить все храмы и построить как можно больше новых – в том числе и за рубежом.

Это означает, что:

– сотрудничество РПЦ с криминалом – бандитами и коррумпированными чиновниками, которые помогают строить храмы, будет только расти (строительный бизнес в России одна из самых непрозрачных, криминализованных и «откатных» сфер);

– в конечном итоге в России будет освящено все вплоть до последнего кирпича – поскольку уже сегодня посещаемость храмов недостаточна для содержания имеющихся слуг божиих.

– Во-вторых, РПЦ хочет вернуть себе как можно больше земельных угодий. Как пишут журналисты, у руководства РПЦ просматриваются планы строить, например, торговые центры в Москве (!).

В-третьих, РПЦ хочет преподавать Закон Божий во всех учебных заведениях – несмотря на прямо несовместимые с этим обстоятельства:

– Согласно опросу Левада-центра в июле 2007 года, *«только 56 % россиян считают себя православными, а не считают себя верующими – 33%; сегодня 59% россиян вообще не посещают церковь»* <http://www.levada.ru/press/2007081409.html>. Это означает, что почти половина россиян является или атеистами, или агностиками, или представителями других конфессий. Почему их дети должны изучать Закон Божий от РПЦ, а не другие религии или, например, научный атеизм?

– Согласно ст. 28 Конституции РФ *«каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»*, а согласно пункту 2 статьи 14 Кон-

ституции РФ *«религиозные организации отделены от государства и равны перед законом»*.

Это означает, что введение обучения Закону Божьему в учебных заведениях будет законным, только если одновременно:

– будет дано право на религиозное обучение и всем остальным религиозным объединениям;

– религиозное обучение будет строго факультативным, что позволит учащимся и их родителям самим выбирать, какое религиозное учение изучать и изучать ли вообще;

– наконец, религиозное обучение будет оплачивать не государство, а сами религиозные организации, так как в противном случае нарушаются конституционные права большого числа – если не большинства налогоплательщиков, которые никак не изъявляют своего желания учить своих детей «Закону Божьему».

И есть еще одна маленькая деталь, говорящая о том, что реально РПЦ отнюдь не стремится приблизиться к верующим. Когда состоялся переход богослужений в католической церкви с латыни на национальные языки, то это во многом способствовало как росту числа верующих, так и развитию социального служения церкви. В то же время против этого перехода протестовали главным образом далекие от миссионерской деятельности церкви и ее социального служения священнослужители и благополучные верующие. Для них главным оказался сакральный молитвенный характер богослужения, а не продвижение католичества «к сирым и убогим».

Та же линия просматривается сегодня и в РПЦ. Это означает, что РПЦ не нужны рядовые люди, которым «не до жиру, лишь бы выжить». Если богослужение будет осуществляться на современном русском языке, то это станет проблемой для священнослужителей. Во-первых, рядовые верующие – начнут предъявлять претензии к священнослужителям и власть имущим за несоответствие их жизни христианским нормам. Во-вторых, некоторые криминальные бандиты и чиновники – задумаются над своей жизнью, захотят исправиться – и перестанут быть для своих духовников овцами, с которых так легко стричь золотое руно. В-третьих, священнослужители будут вынуждены серьезно готовить свои проповеди и работать с верующими, а не просто с большей или меньшей выразительностью проводить богослужение на непонятном основной части паствы церковно-славянском языке и формально отпускать грехи.

ПОЧЕМУ РПЦ НЕ ХОЧЕТ (НЕ МОЖЕТ, НЕ ГОТОВА) ПРИБРЕСТИ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Страшно далеки вы от народа, батенька

Народный фольклор (по Ленину)

Строго в соответствии со своей идеей двигаться преимущественно назад РПЦ хочет всячески духовно «окормлять» свою паству в соответствии с традицией дореволюционной русской православной церкви как государственной религии.

Это означает, что РПЦ, прежде всего, хочет как можно чаще и как можно больше видеть в Церкви верующих.

Но эта сверхзадача уже оказалась нереализуемой. После небольшого взрыва конкретных проявлений религиозности посещаемость церкви резко упала. Большая часть россиян, формально признающих себя православными, или не ходит в церковь, или ходит в нее крайне редко.

Об этом с горечью сказал и сам патриарх Алексей II в своем выступлении на епархиальном собрании Москвы: *«Храмы пустеют. И пустеют не только из-за того, что увеличивается количество храмов. Это естественный процесс, он будет продолжаться. Но и из-за того, что плохо работают священнослужители и плохо поставлена работа с теми, кто приходит в храм».* — *Церковный вестник. 2003. № 1-2. с. 17*

<http://www.tserkov.info/numbers/greetings/?ID=811>

И тогда РПЦ поставила перед собой ряд других, более реализуемых (с ее точки зрения) задач.

Во-первых, принудительно (независимо от вероисповедания и желания родителей) и противозаконно (в секулярном государстве) за государственный счет в школе учить детей Закону Божьему, а заодно и правильной (по их мнению) национальной идеологии. Это для РПЦ дополнительная возможность получать от государства средства на свою жизнедеятельность.

Во-вторых, представители РПЦ готовы всячески «окормлять» верующих и за пределами Церкви:

- освящать все, что попросят, не особо разбираясь в характере деятельности заказчиков;
- соучаствовать — через «окормление» за определенную мзду — в чужой благотворительности.

В то же время государство никак не готово:

- вернуться к принципу церковной десятины или чему-либо подобному; в свое время митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев)

предложил ввести в России особый налог на содержание религиозных организаций. Представители власти вполне обоснованно отвергли его идею, поскольку в России церковь отделена от государства — <http://www.zavet.ru/news/news-s010324.htm#03>.

– разрешить пропаганду православия в школе через обязательное обучение Закону Божьему, так как это означает фактическое возвращение к роли православия как государственной религии.

Тем не менее РПЦ продолжает претендовать на роль — если не де-юре, то де-факто — государственной религии хотя бы в моральном и духовном воспитании россиян, ссылаясь на особую позитивную роль православной конфессии в России до революции.

Идеологи РПЦ упорно забывают, что и до революции, являясь государственной религией, имеющей власть, огромные финансовые возможности и гигантские земельные владения, православие не смогло:

- поднять народное образование до уровня европейских государств;
- противостоять нищете народа;
- справиться с массовым пьянством и прогрессивным ростом преступности во всех группах населения.

А о реальной борьбе церкви с коррупцией и nepотизмом — национальной российской традицией — и речи не шло.

И это притом, что до революции православная церковь была прямо вписана в жизнь общины, выполняя функции ЗАГСа, Дома культуры, школы, психиатрической клиники и даже отчасти органа правопорядка в одном лице.

В результате, хотя православие как официальная религия было неотъемлемым элементом государства, но, тем не менее, оно не смогло реализовать свои претензии на роль главного морального авторитета русского народа. Не случайно самый популярный русский писатель, глубоко верующий Лев Толстой выступил против церкви как института, за что был подвергнут ею анафеме.

Сегодня совершенно невозможно представить, как РПЦ, возродив стиль деятельности дореволюционной православной церкви, сможет обеспечить духовное и моральное возрождение россиян, которые:

- имеют (за исключением священнослужителей и очень маленькой прослойки активных верующих — преимущественно бедных и нередко одиноких пенсионеров) современное светское образование и культуру;
- живут, работают и отдыхают в мире современных технологий, в освоении которых (а от этого сегодня прямо зависит уровень жизни — а нередко и само существование — их и их семей) церковь ничем не может им помочь;

– и, наконец, в большинстве своем практически не ходят в церковь или ходят очень редко.

Оказалось, что сегодня быть верующим для большинства россиян почти то же самое, что в годы застоя быть членом партии – только со свободным доступом для всех и без обязанности платить взносы и ходить на партсобрания. В результате большинству верующих россиян вера в бога заменила веру большинства советских людей в коммунизм, а православие стало своего рода идеологической заменой марксизма.

Не случайно нынче главные светские идеологи православия – и они же главные идеологи борьбы с врагами русского народа – бывшие «убежденные» коммунисты из числа советской элиты и среднего класса, чей профессионализм в постсоветской России девальвировался: специалисты по марксизму-ленинизму, представители соцреалистической культуры и, наконец, отставные военные и бывшие «секретные» ученые и инженеры.

И, конечно, из советского среднего класса и, как правило, из людей с партбилетом вышло и большинство тех православных идеологов, кто сегодня осужден или находится под следствием за пропаганду экстремизма и ксенофобий.

Как вчера партийность и вера в коммунистическое будущее не делала гражданина СССР порядочным человеком, так и сегодня вера не мешает россиянину легко нарушать религиозные заповеди – а его духовнику отпустить ему грехи.

Возник своего рода заколдованный круг отношений с РПЦ считающего себя верующим и регулярно прибегающего к институту отпущения грехов россиянина. Священнослужитель, как правило, легко отпускает ему грехи за большую или меньшую мзду; он снова грешит и кается; снова получает отпущение грехов; и так до бесконечности.

Конечно, отпускающий грехи священнослужитель не виноват в том, что «отпущенный» им грешник грешит снова и снова. Но возникают два вопроса: во-первых, в чем сакральный смысл этого отпущения грехов; во-вторых, что делает священнослужитель для того, чтобы грешник перестал грешить.

Как известно, главные грешники (бандиты и коррупционеры) ходят в «солидные» церкви, в которых священнослужители слишком перегружены, чтобы работать с каждым грешником индивидуально – притом, что их этому практически не учат – в отличие от католической и протестантской церкви.

Таким образом, РПЦ сегодня не только не помогает главным грешникам исправиться, но фактически избавляет их от угрызений совести.

В то же время те россияне, кто не считает себя серьезным грешником и не нуждается в регулярном посещении церкви по другим причинам (потребность в самоутверждении, времяпровождение, самоутверждение, семейная традиция), посещают церковь лишь по большим праздникам или для совершения различных треб (крещение, венчание, отпевание).

Достаточно велико число россиян, считающих себя верующими православными, но (как в свое время Лев Толстой) в принципе не посещающих церковь.

Ответ на вопрос, почему сегодня де-факто к РПЦ за решением своих проблем не идет даже та часть россиян, которая де-юре признает себя православными, прост – сейчас у большинства россиян и у РПЦ разные жизненные проблемы.

А потому идти за помощью в решении своих проблем в православную церковь для большинства россиян так же нелепо, как было идти для этого в партком для советских людей времен застоя.

РПЦ сегодня (в отличие от других христианских конфессий, имеющих большой позитивный опыт в социальном служении) практически не может оказать реальную социальную помощь россиянам, т. е.:

- помочь им материально и/или в приобретении профессионализма;
- излечить их, их детей и внуков от алкоголизма и наркомании;
- защитить их от преступников (в том числе и от криминала в МВД, и от коррумпированных чиновников);
- и т. д. и т. п.

Именно поэтому после взрывного обозначения себя православными и даже некоторого роста посещения церкви россияне явно стали охладевать к ней как социальному институту, посещая ее только в некоторых особых случаях.

В то же время в секулярном западном обществе роль религии и, соответственно, церкви растет – при этом ее умеренных, а не экстремистских направлений. И причина этого очевидна. Церковь наряду с муниципальными образованияами стала частью жизни большинства community, а священнослужители являются во многом лидерами социальной работы в своих community и даже прямо социальными работниками.

Так, *более 40% американцев регулярно (т. е. не реже раза в неделю посещают церковь (мечеть, синагогу) и только 15% никогда не переступают порог храма* <http://www.washprofile.org/?q=ru/node/6184> Для сравнения – согласно недавнему опросу Левады-центра, *«не посещают религиозные службы 59% россиян,*

а посещают раз в неделю – 2% (раз в месяц – 4% , раз в год и реже – 16%)» <http://www.levada.ru/press/2007081409.html>

Приведу мнение из одного из историков церкви Сергея Филатова:

«Исторически церковная община была основным (или, по крайней мере, одним из основных) институтов гражданского общества и в Восточной, и в Западной Европе, и в Америке. Процесс секуляризации постепенно выводил из церковного прихода общественную жизнь, но и сейчас и в секуляризованной Европе, и тем более в менее секуляризованной Америке она остается одной из важнейших ячеек ГО. До 1917 г. это утверждение было в равной степени справедливо и в отношении России.

Полноценная церковная община одновременно выполняет широкий спектр социальных функций. В ней осуществляется психологическая и социальная солидарность ее членов, вырабатывается их позиция не только по узко религиозным, но и по широкому кругу общемировоззренческих проблем. В ней в разной степени вовлеченности (от церковных общеобразовательных учебных заведений до воскресных школ, курсов или кружков) обучаются дети и взрослые. Община может выступать как активный самостоятельный член социума за достижение определенных социальных и политических целей. Развитая церковная община занимается благотворительностью по отношению к людям, не являющимся ее членами. И в этой области и в прошлом, и ныне на Западе она продолжает играть очень существенную для общества роль.

Деятельность общины далеко не является прямым воплощением целей и задач, поставленных церковным руководством, намеченных им приоритетов. Она формируется в результате воплощения интересов, ценностей и убеждений членов общины, которые обладают определенной степенью самостоятельности от официальной позиции церкви. Эта позиция не является прямым отражением религиозности населения, и тем более авторитета, церковного руководства. В этом отношении достаточно привести два примера из современной жизни западноевропейских стран. При постоянном падении численности практикующих верующих в последние десятилетия в большинстве стран заметно растет церковная благотворительность (причем этот рост отмечается не только по объему осуществляемой работы, но и по числу вовлеченных в эту деятельность людей). В наибольшей степени это явление характерно для Италии и Франции. В этих странах в 80-е годы заметно выросло число добровольцев католических благотворительных организаций. Рекордсмены в этом отношении – итальянское "Милосердие" (рост за 10 лет с 7 тыс. до 3 млн участников) и французские "Католические общины за веру и развитие", превратившиеся за 10 лет из мало-

заметной церковной инициативы в крупнейшую в стране неправительственную организацию с бюджетом более 83 млн долларов». – На пути к свободе совести, М.: Прогресс, 1989. С. 278.

Другой европейский пример – рост популярности, в связи с кризисными явлениями в системе государственного образования, церковных учебных заведений во многих европейских странах. – Христианские религиозные сообщества России, как субъект Гражданского общества» <http://www.starlightsite.co.uk/keston/russia/articles/oct2006/04religion.html>

Как пишет историк Александр Полунов, «количественные показатели, характеризующие социальную работу РПЦ, являются значительными именно в абсолютном выражении. В плане относительном, при сопоставлении с численностью населения России и масштабом стоящих перед страной проблем, эти показатели говорят не столько о достижениях, сколько о недостатках... Социальные проекты Русской Православной Церкви: перспективы и противоречия http://www.spa.msu.ru/e-journal/7/75_1-4.php

Эти проблемы подробно рассматривает и Н. Митрохин в своей знаменитой книге «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы» (М., 2004).

Так, он говорит о том, что недостаточное внимание, уделяемое социальной работе, делает РПЦ уязвимой к конкуренции со стороны иноверцев. Особенно заметно это в медицинских учреждениях и в местах заключения. По словам Н.Митрохина, «деятельность РПЦ в местах заключения зачастую ограничивается возведением силами заключенных храмов или часовен, в то время как иные конфессии (прежде всего, протестанты) ведут активную благотворительную работу и пропаганду своей веры. Соперничество со стороны иноверцев побуждает представителей церковных структур (прежде всего, епархиального уровня) обращаться за помощью к государственным властям. И если в центре подобное случается нечасто (велика опасность негативной реакции со стороны мирового сообщества), то на местах такие явления происходят достаточно регулярно, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения в средствах массовой информации» – Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004.

Факты вытеснения неправославных религиозных организаций из медицинских учреждений были отмечены на круглом столе «Право на социальное служение», организованном Ассоциацией социальных инициатив и «Радио России» в декабре 2002 г. (<http://www.religare.ru/news1390.htm>). Так, в Чебоксарах суд едва не ликвидировал небольшую общину пятидесятников, мо-

лившуюся за исцеление больных: Управление юстиции обратило внимание на то, что община не имеет лицензии на медицинскую работу. В результате религиозные организации нередко лишаются возможности вести социальную деятельность. Достаточно часто они получают необоснованные отказы в аренде помещений, у многих возникают трудности с регистрацией.

Не случайно все ссылки иерархов РПЦ на церковную благотворительность указывают главным образом на одни и те же объекты.

В частности, доктор медицинских наук иеромонах Анатолий (Берестов) возглавляет Центр имени Святого Иоанна Кронштадтского, специализирующийся на антинаркотической деятельности.

При Свято-Алексиевской больнице функционирует Консультативно-диагностический центр, в который ежегодно обращается за медицинской помощью более 37 000 человек. В провинции социальное служение или незначительно, или вообще отсутствует.

В то же время иерархи РПЦ предпочитают такое развитие церковной благотворительности, при котором ее ведут светские организации, а представители РПЦ практически лишь «духовно окормляют» нуждающихся в помощи.

Об этом говорит и прямо отвечающий за социальное служение РПЦ председатель Синодального Отдела по церковной благотворительности и социальному служению митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей в своем докладе: *«Очевидно, что процесс становления социального служения Церкви — явление длительного характера. Чтобы сделать его эффективным, необходимо решить целый комплекс вопросов и, прежде всего, вопрос о преодолении разобщенности государственных и общественных организаций, занятых социальным служением. Координация деятельности, налаживание сотрудничества, особенно в регионах, между государственными, религиозными, светскими общественными организациями, наряду с финансовой помощью и созданием правовой базы благотворительности, — являются важнейшими условиями возрождения милосердного служения в России»* <http://www.tserkov.info/numbers/synodalinstitutions/?ID=1207&forprint>

В идеях упорного фундаменталиста митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергея просматривается давняя идея РПЦ, которая не желает, а фактически и не может — по стилю и профессиональному уровню своей деятельности — брать на себя тяжкую повседневную работу по социальной помощи. Она хочет предоставить ее государственным структурам и негосударственным организациям. Свою роль она видит в том, чтобы «духовно

окормлять» объекты помощи и одновременно участвовать в получении духовного и материального вознаграждения за чужую деятельность.

Я не предлагаю РПЦ брать пример с католиков или протестантов. Образцы для подражания можно найти и в России — как сегодня, так и в истории. Но число посвятивших себя социальному служению священнослужителей РПЦ ничтожно как в процентном отношении, так и по сравнению с потребностями россиян.

Главное для РПЦ сегодня — необходимость для ее священнослужителей повернуться лицом к рядовому верующему, что прямо прописано в Библии.

Вместо этого сегодня РПЦ ставит себе неразрешимые, нереальные и, главное, ненужные или несвоевременные задачи.

Во-первых, все время поднимается вопрос борьбы с тлетворным влиянием западной культуры.

Но это влияние давно кончилось — практически так и не начавшись толком. Как образцы для подражания россияне сегодня выбирают национальные кровавые сериалы, российские детективы, убогую и во многом противозаконную отечественную рекламу.

Приведу мнение священнослужителя.

«Настоящий церковный взгляд на вещи учитывает прежде всего нравственное состояние народа (ложный патриотизм, кстати, склонен о нравственности забывать). Каково же оно? Достаточно указать хотя бы на необыкновенное распространение супружеских измен и потребительское отношение друг к другу в семьях; в общественной жизни — крайний эгоизм, ложь, безответственность, взяточничество, холопство и отсутствие солидарности между людьми. Невостребованность культурных ценностей, традиционное пренебрежение к человеческой личности, какая-то нечувствительность к грязи — как в прямом, так и в переносном смысле этого слова — все это общие места, всем видимые. Не говоря уже об абортах, разгуле преступности, криминализации общества сверху донизу... Главное здесь даже не сами эти печальные вещи, а то, что все это становится нормой нашей жизни, тем, что люди воспринимают не как уродливую аномалию, с которой нужно что-то делать, а именно как данность, как вполне приемлемое явление. “Запад растлил нас”, — кричат ура-патриоты. Церковная точка зрения совершенно иная. Не с Запада, а “из сердца человеческого исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния”... В XX веке русский народ отрекся от веры и уничтожил свою лучшую часть; и сейчас, судя по всему, совершенно не собирается возвращаться к Богу. Возвращаться к Богу — это вовсе не значит заменить коммунистические демонстрации крестными ходами и освящать офисы

или воинское оружие, а значит делать жизнь, личную и общественную, более нравственной. Этого совершенно не происходит. Пастырей Церкви мы видим на официальных мероприятиях, а перелома продолжающегося нравственного неблагополучия нации, увы, нет. И вполне можно усмотреть руку Божию в том, что вместе с нравственным происходит и количественное вырождение русского народа — по миллиону человек в год... Сейчас и власть, и общество с тревогой заговорили об этом; но нужно отдавать себе отчет в том, что проблема здесь не столько демографическая, сколько религиозная. Тут бы всем патриотам вспомнить слова В.Соловьева, что истинный патриотизм невозможен без самоотречения, которое, наряду с созидательной деятельностью, подразумевает покаяние, то есть осознание того, что мешает подлинному благу общества. Оно должно выражаться не в декларациях о «вере отцов», а в осознании ошибок перед Христом и, главное, исправлении их. Но нет, мы, похоже, ничего такого делать не будем — да кто такой Христос, и зачем Он нам нужен!? Зато будем кричать: а мы все равно великая, великая, великая Россия, а кто в этом сомневается, тот враг...» Игумен Петр (Мещеринов) **Владимир Соловьев и национальный вопрос** // Церковный вестник <http://tserkov.info/numbers/diskus/?ID=1513>

Во-вторых, это борьба за масштабы деятельности церкви

РПЦ стремится «развивать» масштабы собственности. Более того, явно просматривается установка РПЦ на развитие разного рода бизнеса — от приема и кормления паломников до обучения Закону Божьему за государственный счет.

Но если у современной католической и протестантской церкви любой бизнес — во многом способ собирания средств для социального служения бедным и слабым, то для РПЦ он является средством выживания для одних и обогащения для других представителей РПЦ.

В-третьих, стремление играть политическую роль в стране.

Особенно это характерно для старчества и околоцерковных кругов.

В своем докладе 23.12.98 патриарх Алексий II сказал: «Самоизоляция часто имеет следствием недопустимую политизацию таких общин, когда “левая” или “правая” политическая ориентация объявляется единственно соответствующей православному миропониманию» — <http://www.people.nnov.ru/sva/DokladPA.htm>

Создается впечатление, что многие священнослужители и верующие видят свое призвание в том, чтобы играть роль своего рода православных политработников. Видимо, советские идеологические «накачки» остались навсегда «прошиты» в их мировоззрении.

В итоге такого развития жизнедеятельности РПЦ в отличие от «отсталого Запада» полноценные церковные православные общины, и даже протообщины (по выражению Сергея Филатова) в современной России редки. Более того, нельзя говорить о тенденции их серьезного развития.

И, соответственно, «социальная диаконическая работа православных приходов фактически до сих пор находится в зародышевом состоянии. Немногочисленные наиболее успешные православные инициативы в этой сфере осуществляются либо монастырями, либо общественными православными организациями, не являющимися непосредственно составной частью церковного прихода. Наиболее распространенные формы диаконической работы приходов — обеспечение питанием бомжей, посещение детских домов для раздачи собранной в приходе гуманитарной помощи и занятий с детьми, гуманитарная помощь в домах престарелых. Совсем малочисленны и редки сестричества, оказывающие помощь больным в госпиталях и на дому. Число приходов, реально осуществляющих диаконическую работу, не превышает десятка на епархию». — Сергей Филатов. *Христианские религиозные сообщества России, как субъект Гражданского общества.* <http://www.starlightsite.co.uk/keston/russia/articles/oct2006/04religion.html>

«Сложная ситуация в современной России требует перенесения акцента на развитие организованных, институционализированных форм социальной работы, заимствования опыта западных благотворительных организаций. Однако достичь этой цели, видимо, не удастся, пока не произошла смена поколений в православном клире. По словам Патриарха Алексия II, “сейчас от пастырей требуются не только такие качества, как сдержанность, осторожность, терпеливость, гибкость, мудрость, спокойствие, дисциплина, которые были столь необходимы в прошедшую эпоху, но инициативность, образованность, коммуникабельность, воспитанность”. Очевидно, что формирование нового поколения пастырей невозможно без преобразования системы подготовки кадров православного клира, разворачивания разветвленной сети церковных учебных заведений, что также является серьезной проблемой для РПЦ». — Александр Полунов. *Социальные проекты Русской Православной Церкви: перспективы и противоречия* http://www.spa.msu.ru/e-journal/7/75_1-4.php

О целом ряде причин нерешаемости проблем РПЦ в сфере социального служения прекрасно написал один из самых популярных сегодня священнослужителей Игумен Петр (Мещеринов). *Быть понятным. Церковный вестник № 24(325), декабрь, 2005.* <http://tserkov.info/numbers/churchsociety/?ID=1658>, позиция которого является скорее исключением сегодня в РПЦ: «идеология

может быть действенной только тогда, когда она подкреплена конкретными делами».

Так, он не без юмора говорит о том, как священник ставит себя над людьми: *«Рукоположение переносит человека в весьма специфическую сферу самооценки и отношений с миром. Мы привыкли быть “над” людьми, “сверху”: нам должны благоговейно внимать, целовать ручку; в сообществе людей мы всегда первые. Мы можем изрекать все, что нам придет в голову (“от ветра головы своя”, по словам Святейшего Патриарха Алексия II), и люди будут поддакивать нам и потом говорить с придыханием: “Так батюшка сказал!” Нередко мы думаем, что духовный сан делает нас компетентными абсолютно во всем, и считаем себя вправе с уверенностью судить даже о тех вещах, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мы начинаем злоупотреблять в разговорах особой лексикой: “благословляю”, “не благословляю”, “за послушание”, “смиряться” и проч. Мы говорим всем (кроме начальства, разумеется) “ты” — в том числе и людям, которые намного старше нас. Мы искренне считаем, что все обязаны почитать нас, и привыкаем к беспрекословному подчинению нашим словам и распоряжениям. От всего этого многие из нас распускаются, начинают манипулировать людьми, считать, что наша паства обязана нам — в немалой степени — и материально... Все это происходит в нашей весьма узкой церковной среде и становится возможным потому, что многие церковные люди переносят (а мы, бывает, их так и воспитываем) смирение перед достоинством Церкви и почтение к священническому сану лично на носителей сана, на нас — независимо от нашего нравственного состояния. Святитель Феофан Затворник писал, что пастырь должен много и долго трудиться над собою, чтобы приобрести уважение и вес, заслужить доверие к себе — оно не обеспечивается автоматически просто наличием сана. Но немало клириков, увы, забывают это. Часто мы вместо образца доброты, такта, деликатности, воспитанности, уважения к людям, понимания их проблем являем собою прямо противоположные качества... От всего этого мы нередко «выпадаем из реальности» и становимся просто неадекватными людьми. Я не раз обращал внимание на то, что многие священники могут общаться только с народом церковным, а с “внешними” не могут — последние, поговорив с таким батюшкой, лишь пожимают плечами и чешут в затылке...»*

Есть и вторая проблема, препятствующая плодотворному сотрудничеству Церкви и государства. Область этого сотрудничества по преимуществу социальная, и мы совершенно справедливо заявляем, что в определенных социальных сферах опыт Церкви незаменим. Но в данный момент у нас нет сколько-нибудь

значимых общецерковных системных разработок, которые позволили бы успешно приложить этот опыт к реалиям сегодняшнего дня. В силу этого все наши благие желания и порывы не идут дальше деклараций или, в лучшем случае, каких-то частных одномоментных акций...

Отсутствие четких социальных программ высвечивает, в свою очередь, еще более важный вопрос — отсутствие системной деятельности внутри самой Церкви».

Можно привести множество аналогичных высказываний о проблемах социального служения РПЦ тех священнослужителей, которые активно занимаются социальным служением. Именно вокруг них образуются полноценные церковные общины и развивается социальная деятельность. Но такие священнослужители в РПЦ находятся в абсолютном меньшинстве.

Представляется, что главные направления деятельности большинства представителей РПЦ сегодня — отпущение грехов и освящение имущества — имеет серьезную «духовную» ценность только для представителей криминала и коррумпированных чиновников. Это тоже подозрительно напоминает некоторые аспекты деятельности католической церкви в средние века.

А потому все более кажется, что сегодня РПЦ нужны не сирые и нищие верующие, а богатые и криминальные.

Не случайно лидер солнцевской группировки, известный как Михась, получил от РПЦ орден. «Во внимание к трудам по возрождению святынь и оказанию помощи храмам и монастырям председатель Совета попечителей благотворительного фонда “Участие” Сергей Анатольевич Михайлов награждается орденом Русской православной церкви Святого Благоверного князя Даниила Московского. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Май, 2001 г.» («Мир новостей», 29.05.01, «Сергею Михайлову дали орден»).

И если такая направленность ее деятельности сохранится, то сначала продолжится отторжение от нее верующих, а затем и угаснет интерес к ней власти.

Такого рода путь проходила в свое время в конце средних веков и в начале нового времени и католическая церковь. Но она сумела, поняв свои проблемы, решиться на обновление своей идеологии и, соответственно, на модернизацию своей деятельности. Сегодня, видя призвание прежде всего в социальном служении, она, как и протестантская церковь, стала важной, более того, необходимой частью современного гражданского общества.

В современной деятельности и идеологии большинства священнослужителей РПЦ просматривается целый ряд противоречий:

– Во-первых, сами они стремятся к благополучной жизни, но свою паству упорно призывают пренебрегать материальными ценностями (конечно, за исключением богатых, которых они благодарно и не без энтузиазма окормляют);

– Во-вторых, осуждая индустриально развитые страны, они с энтузиазмом используют их технику и технологии;

– В третьих, и это самое главное: они фактически не готовы (не умеют, не хотят) заниматься социальным служением — т.е. помочь тем сирым и нищим, со служения которым и началось христианство.

В чем же выход из этой печальной, более того, трагической для православия ситуации?

Мне кажется, есть только один единственный выход.

Если РПЦ не идет к гражданскому обществу, то гражданское общество (в лице православных) должно само пойти к РПЦ и призвать ее к социальному служению — пока еще не поздно.

Сегодня судьба и православия, и РПЦ зависит от тех священнослужителей и верующих, которые готовы если не посвятить себя социальному служению, то активно участвовать в лечении больного российского общества — с его алкоголизмом и наркоманией, преступностью и насилием в семье, в вооруженных силах, в милиции, наконец.

До сих пор в России развитие гражданского общества остается практически неразрешимой проблемой в силу как крайне низкой активности самих граждан, так и слабости и непрофессионализма большинства неправительственных организаций, которые предпочитают говорить и призывать, но не делать самим.

Но, может быть, социально ответственной части православных удастся наконец, если не решить, то хотя бы начать решать эту проблему.

Прежде всего, православным пастырям надо перейти от роли православных политработников к роли реальных пастырей социальной жизни своей общины. Это означает необходимость и для священнослужителей, и для воцерковленных спуститься с высоты своего благочестия до реальных потребностей своей общины.

Главной задачей и тех и других должно стать социальное служение общине. Тогда найдутся и помощники-волонтеры из числа верующих: как медработники и учителя, так и представители самых разных профессий. Роль волонтеров наверняка охотно сыграют и подростки — прежде всего из благополучных интеллигентных семей. А в обучении методам и техникам социального служения охотно помогут специалисты из других конфессий.

И тогда у РПЦ наконец начнет прибавляться социальный капитал, а в России будет развиваться гражданское общество.

Сейчас в России крайне остро стоят две проблемы:

– слабость гражданского общества,

– тяжелое социальное и материальное положение большинства россиян.

Развитие деятельности православных общин в направлении социального служения может стать одним из способов решения обеих проблем. Но пока в России (стране издревле тяготеющей к монархической форме правления) власти не объявят социальное служение РПЦ национальным проектом, серьезных позитивных изменений здесь не произойдет.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Армия должна быть не такой,
к какой мы привыкли,
а такой, какая нам нужна.

Шарль де Голь

По вполне объективным причинам новое российское руководство, пришедшее к власти в начале 90-х годов, совершенно не представляло себе, что такое современная армия и как она строит свои отношения с обществом, государством и экономикой. Армия же в течение 70 лет была отгорожена от остального мира настолько глухим “железным занавесом”, что не только в ее лексиконе зачастую не находится слов для обозначения понятий, элементарных для любого западного офицера, но и сами эти понятия совершенно неизвестны

Виталий Шлыков

Самый острый политический вопрос России минувшей восьмилетки — означало ли назначение министра обороны Сергея Иванова вице-премьером, что президент Путин прочил его в преемники. С позиции здравого политического смысла это должно было говорить как раз об обратном. Известно, что президент внешне недоволен ходом реформы ВС даже после целого ряда изменений в их руководстве. Известно и то, что С. Иванов — переводчик по образованию и разведчик по профессии — не имеет ни специального образования, ни опыта работы в новой для него сфере деятельности. Поэтому можно предположить, что возникла острая необходимость учить господина Иванова решению проблем ВС. Но тут появилась неразрешимая, на первый взгляд, проблема. Очевидно, что кризис ВС означает и кризис военного обучения на всех уровнях. Об этом прямо говорит и руководство ВС¹. А потому для нового министра ВС пройти обучение, например, в Академии Генштаба не только несolidно, но и бесполезно. В то же время, судя по высказываниям и политического руководства страны, и руководства Минобороны, главные проблемы ВС России находятся в сфере вооружения. Это означает, что для чекиста-переводчика Иванова наиболее проблемными оказались технологические и экономические вопросы реформы ВС. Железная логика президента подсказала ему выход из этого профессионального тупика. Ясно, что именно

четверка в правительстве России — Кудрин, Греф, Жуков и Христенко — самые лучшие преподаватели для зимней школы, в которую Путин отправил Иванова учиться решению главных (на его взгляд) проблем ВС. А то, что на посту министра обороны появился человек, практически лишенный специального профессионализма, так это уже неизбежные издержки нашего великодержавного прошлого. Видимо, взяв пример с Калигулы с его конем, в России и в СССР во все времена наши цезари кого хотели, того и назначали на высшие посты в государстве. Перечислять эти назначения я не буду — они прекрасно известны любому образованному человеку.

Но чтобы не быть голословным, проиллюстрирую уровень профессионализма Сергея Иванова его собственными высказываниями. Начнем с прогнозов. В сентябре 2000 года С. Иванов на посту секретаря Совета безопасности РФ, считая победу президента Слободана Милошевича на выборах в Югославии предрешенной, советовал президенту направить в Средиземное море российскую эскадру, чтобы предотвратить вмешательство Запада на стороне югославской оппозиции². Вот его прогноз войны США с Ираком 31 марта 2003 года: «...исход далеко не ясен. У Ирака довольно серьезная армия...»³. А вот его, можно сказать, эпохальное высказывание об изменении российского военного менталитета «Наконец, изменения в менталитете, о которых вы говорите. Они происходят. Могу это ответственно заявить, поскольку в этом году я принимал участие в нескольких учениях, в том числе крупнейших в новейшей истории России. Так вот: все командиры полков, батальонов прекрасно понимают, что слаженные действия взвода, роты, например, ночью на поле — это самое главное»⁴. Казалось бы, разведчик Иванов должен знать, что приборы ночного видения и переносные рации существуют уже несколько десятков лет. И маловероятно, что до назначения чекиста Иванова министром обороны РФ все армии мира (в том числе и российская) ориентировались исключительно на неслаженные действия ночью. Но это, конечно, упрек не С. Иванову, а его учителям из Института Андропова.

Министр обороны прямо подтвердил справедливость вынесенного в эпиграф высказывания блестящего специалиста в сфере военного строительства Виталия Шлыкова. Сегодняшние речи С. Иванова о состоянии ВС все

² Еженедельный журнал». № 1. 2002.

³ <http://briefing.kp.ru/print.php?id=115>

⁴ Переоценка угроз и вызовов // Отечественные записки. № 8. 2002.

¹ <http://www.mil.ru/print/articles/article3957.shtml>

более напоминают официальные декларации его советских предшественников. Так, 26 августа 2005 года С. Иванов сообщил, что «по величине военного бюджета мы находимся на уровне стран НАТО»⁵. Его советский коллега, министр обороны СССР генерал армии Д. Т. Язов, 27.07.1987 в газете «Правда» сообщил о наличии паритета стран НАТО и стран Варшавского договора⁶. Это сверхоптимистическое утверждение можно во многом объяснить тем, что в условиях неконвертируемости рубля его официальный курс к доллару был фикцией, а секретность у обеих сторон холодной войны дошла до маразма. Не случайно крайне далеко от реальности было большинство выводов о советском вооружении не только у советского ГРУ, но и у ЦРУ США⁷. — Но сегодня, когда рубль стал де-факто конвертируемым, а большинство сведений о военных расходах ведущих мировых держав есть и в Интернете, и в общедоступных публикациях, практически 100% слов С. Иванова рассчитаны, видимо, лишь на тех патриотов, которые верят во все выступления официоза в mass media — например, в то, что Интернет контролирует ЦРУ. Замечу, что здесь мною приведена только небольшая часть из многочисленных, более чем странных утверждений С. Иванова. Господин Иванов упорно пытается «протолкнуть» старый советский миф о военном паритете России и Запада. На самом деле по размеру военного бюджета Россия уступает большинству странам НАТО — США, Великобритании, Франции, Германии и Италии. Но зато Россия превосходит их всех по следующим параметрам: военный бюджет в процентах к ВВП и к доходам бюджета страны. В несколько раз больше и размер российских ВС по отношению к населению. А сообщать о том, что мы значительно уступаем этим странам и по ВВП на душу населения, и по доходам бюджета на душу населения, — просто банально. Большая часть нашей политической элиты, несмотря на свою сверхвооруженность дипломами вузов, степенями и званиями, не умеет считать в рамках четырех правил арифметики. Иначе почему никто из них не удосужился проверить утверждение С. Иванова о паритете со странами НАТО по величине военного бюджета? А говорить о наличии стратегического мышления у нашей политической элиты и вовсе неприлично — с чего бы вдруг ей нарушать национальную

⁵ <http://www.rosinvest.com/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=122427>

⁶ Военная доктрина Варшавского Договора — доктрина защиты мира и социализма // Правда. 27 июля 1987.

⁷ Шлык В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. http://mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik9_1.html

традицию, согласно которой главный политический капитал российской (и советской) элиты — правильная идеология (а фактически демагогия). Не случайно чуть ли не единственным человеком в России, способным к последовательной системной и конструктивной критике политики руководства ВС РФ, оказался скромный семидесятилетний кандидат экономических наук, полковник ГРУ в отставке Виталий Шлык. Даже с позиций элементарного здравого смысла как будто бы очевидно, что все претензии топ-менеджмента ВС и ОПК (оборонно-промышленного комплекса) — и поддерживать размер ВС, и бороться с отсрочками, и развивать ОПК, а главное — сохранять бесконтрольность своей деятельности — направлены на реализацию не национальной безопасности, а своей личной, на развитие своего персонального благополучия. Маршала Язова демонстрировать несуществующую мощь советских ВС заставляло впадшее в глубокую паранойю престарелое Политбюро ЦК КПСС. Но сегодня никто не заставляет министра обороны якобы демократической России непрерывно выдавать цифры, в которые не верят даже истово преданные сторонники власти, вроде коллеги г-на Иванова по КГБ Геннадия Гудкова. Сказалась школа С. Иванова в «выездной комиссии» Ленинградского университета, когда любое отклонение от официальной дезинформации было государственным преступлением. А если учесть, что и после университета профессионализму он учился лишь за стальными заборами спецслужб, то известны и источники его проблем с реальностью.

Чтобы понять, почему и чему сегодня необходимо учиться министру обороны РФ, рассмотрим нынешние проблемы российских ВС. Поскольку коренная реформа российских ВС еще не началась, постольку они до сих пор остаются прямым наследником советских ВС. Поэтому главные источники их проблем следует искать в СССР. Для российских ВС советское военное наследство стало своего рода троянским конем. И без его анализа невозможно ни понимать, ни решать современные военные проблемы России.

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО РОССИЙСКИХ ВС

Базисная и самая опасная часть советского наследства — сохранение и развитие геополитической паранойи. В СССР ее фундаментом и одновременно прямым следствием ее развития были гигантские размеры ВС (самые большие в мире даже в мирное время) и доминантная роль ВПК. Первопричиной глобальной военной мобилизации как основы системы национальной безопасности была не реальная военная угроза, а геополитическая паранойя. Стратегическая геополитическая некомпетентность советского руководства

очевидна, если исследовать его деятельность в сфере военной мобилизации до, во время и после Второй мировой войны. Так, несмотря на обоснования военной элиты (Жуков, Тимошенко) в течение двух (!) лет после начала Второй мировой войны не была проведена необходимая военная мобилизация. Следствием реализации сталинской идеи победоносной войны (а не реальной подготовки к нападению Германии, о котором неоднократно сообщали разведчики) была дислокация на западных границах большей части кадрового состава Советской Армии, огромного количества техники и запасов боеприпасов. Это привело к гигантским потерям в первые же дни войны. Только потери военнопленными составляли около 3,9 млн человек⁸. И далее, большинство стратегических ошибок и гигантских потерь в Великой отечественной войне определялось тем, что все решения в сфере обороны страны принимал сугубо некомпетентный Государственный Комитет обороны во главе со Сталиным, а сам Сталин был наркомом и министром обороны СССР с июля 1941 по март 1947 года. Для Сталина в его психопатическом стремлении расширять границы советской империи Гитлер был не врагом, а союзником. Эта стратегическая геополитическая ошибка Сталина крайне дорого стоила СССР: многие миллионы жизней военнослужащих; годы оккупации для миллионов мирных жителей; гигантские экономические утраты, в том числе потеря уже в первые дни войны большей части танков и самолетов. Но уроки Второй мировой войны ничему не научили паранойяльного советского деспота с незаконченным семинарским образованием. Индустриально развитые страны Запада во Второй мировой войне были надежным союзником Советского Союза, а после войны предложили ему мирное сотрудничество. Но тем не менее победила советская геостратегическая шизофрения. В концепцию послевоенного мобилизационного развития СССР были заложены две главные идеи: уверенность в постоянном росте военной угрозы со стороны Запада через НАТО и необходимость расширять зону своего влияния путем так называемой «помощи» предполагаемым союзникам. Обе эти идеи были равно нелепы с точки зрения даже элементарного здравого смысла, не говоря уже о военной стратегии. Во-первых, для существования военной угрозы со стороны НАТО не было ни политических оснований, ни веских доказательств. Во-вторых, принципиально абсурдной была сама советская стратегия противостояния мощной коалиции индустриально развитых стран НАТО через развитие сотрудничества в первую очередь с крайне отсталыми государствами третьего мира — такими, например, как Ки-

тай и Куба, Албания и Румыния, Северная Корея и Вьетнам, арабские страны. Союзничество с Советским Союзом индустриально развитых государств социалистического лагеря, как показали события в Польше, Венгрии, Чехословакии, Германии, держалось главным образом силой советского оружия.

Благодаря такого рода сверхмобилизационному развитию в последующие тридцать лет Советский Союз все более отставал в технологическом развитии — в том числе и в вооружении — от стран золотого миллиарда. Но советское военное и политическое руководство не смогло понять принципиальную ущербность такого рода военной стратегии даже тогда, когда армия вооруженного странами НАТО и обученного их специалистами маленького Израиля раз за разом побеждала превосходящие ее в десятки раз армии вооруженных и обученных главным образом Советским Союзом его арабских союзников. Одновременно сам Советский Союз пытался компенсировать свой дефицит производства современных средств обороны и нападения путем создания гигантских запасов доступного своей промышленности военного вооружения. Очевидно, что в СССР гонка вооружений служила не безопасности страны, а личной карьере как его политического и военного руководства, так и генералов ВС и ВПК. Не случайно инициатором войны в Афганистане стал семидесятидвухлетний маршал Д. Устинов, главный организатор и руководитель советской «бессмысленной и беспощадной» гонки вооружений. Вот биография Д. Устинова до того, как в апреле 1976 года в 68 лет (!) он стал министром обороны (и оставался им до своей смерти в 1984 году): выпускник ленинградского Военмеха, дважды Герой социалистического труда, он 17 лет возглавлял оборонную промышленность, 10 лет был одним из руководителей ВСНХ СССР. Но проблемы в военной стратегии были не только у гражданского политического руководства, но и у одного из главных советских военных стратегов, трехзвездочного генерала А. Данилевича. Сам господин Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из непосредственно отвечавших за военное планирование военачальников, так пишет о советской гонке вооружений: «...баланс нельзя так считать, как считают, говоря о зеркальных вооруженных силах. В одних видах вооружения мы превосходили потенциального противника, в других уступали: существенно в авиации, в противовоздушной обороне... Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их»⁹. Но, принимая без критики предписанную политическим руководством

⁸ Другая война. 1939 – 1945 /Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. РГГУ. 1996. С. 149.

⁹ Проблемы прогнозирования. № 2. 1996. С. 140.

СССР «идеологию НАТО» как перманентного агрессора, генерал явно не подзревает, что стран — участников НАТО сдерживали не советские танки, а принципиальное нежелание начинать Третью мировую войну. Иллюзорными были и надежды Данилевича на советские танки. Общеизвестно кардинальное отставание СССР не только — согласно свидетельству самого Данилевича — в авиации и противовоздушной обороне, но — как прямое следствие отставания в информационных технологиях — и в управляемых ракетах. НАТО в случае войны с СССР могло: во-первых, в результате нанесения точечных ракетных ударов полностью парализовать всю советскую систему управления обороной раньше, чем Советский Союз сможет нанести первый удар; во-вторых, с помощью авиации и ракет дальнего действия за несколько дней разбомбить все те советские танковые армады, которые «вырвутся» в Европу. И где тогда эти вождельные десять дней для прохода до Ла-Манша? Как аналог послевоенной советской стратегии развития вооружения (и, кстати, и постсоветской российской) можно привести, например, наращивание числа стрел и луков у неких туземцев для подготовки к войне с находящимся на недоступном расстоянии и вооруженным ружьями противником. А всю военную стратегию СССР следует назвать лишь военной истерией. Советские политические и военные стратеги времени холодной войны по нелепости своих фантазий ничем не отличались от Сталина, который искренне верил, что Гитлер, с которым они успешно поделили Восточную Европу, и дальше будет надежным союзником СССР. А после смерти Сталина идея сомнительного союзника фактически конвертировалась в идею несуществующего противника.

К распаду Советский Союз привела именно научно-стратегическая некомпетентность его руководства, доведенная до предела милитаристским безумием. Логика этого процесса такова: главным средством реализации глобальных послевоенных геополитических амбиций Советского Союза был ВПК. Вторая мировая война, став драмой для всего населения Советского Союза, в то же время благодаря мощной технологической подпитке через получение большого количества промышленного оборудования индустриально развитых стран предопределила рост военно-промышленных амбиций руководства СССР. Так, во время Второй мировой войны крайне важную роль в развитии ВПК сыграл ленд-лиз с его гигантским объемом современной военной и прочей техники, продовольствия и особенно технологического оборудования¹⁰. Поставки по ленд-лизу в начале войны во многом позволили

¹⁰ Хейфец Б. А. Кредитная история России: от Екатерины II до Путина. М.: Эдиториал УРСС. 2001. — 136 с.

возместить утраченные вооружение и технику, остановить движение немцев еще до развертывания промышленности на Урале и в Сибири. В дальнейшем большое значение имели и гигантские поставки станков и алюминия, вагонов и рельсов, равные или даже превосходящие собственное производство. После войны технологическое обновление советской промышленности, в том числе ВПК, обеспечили репарации (об этом пишет самый известный российский демограф Вишневский¹¹. Ведущая роль Советского Союза в победе (цена которой — жизнь и здоровье десятков миллионов советских людей), став основой карьеры советской номенклатуры постсталинского периода, сформировала у партийной элиты благодаря ее принципиальной экономико-технологической никчемности комплекс всемогущества. Его «точками роста» стали созданные ленд-лизом и репарациями технологические возможности вместе с так называемой «голландской болезнью», которую неизбежно рождают высокие доходы от продажи природных ресурсов. Отказавшись от помощи США в развитии гражданской экономики, советское руководство предпочло под вывеской защиты мира наращивать свои ВС и ВПК — вспомним популярный лозунг того времени «Хочешь мира, готовься к войне». Все это привело к мощному сдвигу советской экономики в сторону ВПК. В конечном итоге до половины (а скорее более половины) бюджета СССР стало тратиться на так называемую холодную войну, т. е. на вооружение своей гигантской армии и армий своих союзников, на техническую и военную помощь зарубежным вассалам и террористам, на разведку и контрразведку и, наконец, на идеологическую пропаганду в стране и за рубежом. Для мобилизационного развития была создана мощная, но главным образом низкоэффективная из-за применения устаревших технологий структура добычи и переработки природных ресурсов. Усугублял проблемы эффективного индустриального развития СССР постоянный рост числа глобальных проектов, что при недостатке ресурсов неизбежно вело к гигантской «незавершенке». Это, откинув далеко назад все остальные виды промышленности и сельское хозяйство, тем не менее не смогло остановить нарастающее отставание СССР в сфере вооружения от индустриально развитых стран. Большую роль в данном процессе сыграло и то, что Советский Союз был не в состоянии самостоятельно создать современную технологическую базу не только для гражданской промышленности, но и для ВПК. В дальнейшем введенные КОКОМ (международным комитетом по контролю за экспортом, в который входили страны

¹¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., ОГИ, 1998. 432 с.

НАТО, Япония и Австралия) ограничения на поставку современных технологий окончательно предопределили технологическое и, соответственно, военное отставание СССР. Так замкнулся порочный круг геополитической паранойи. Последнее перед перестройкой десятилетие советской внешней и внутренней политики характеризуют все большее стратегическое отставание СССР в сфере вооружения и технического оснащения ВС от стран НАТО и одновременно усиливающаяся военно-технологическая экспансия в третий мир. Прямое следствие геополитической экспансии — это превосходящие долги СССР невозвращенные советские кредиты, предоставленные странам третьего мира.

Очевидно, что все текущие проблемы оснащения российских ВС — прямое наследие проблем советского ВПК. Уже для СССР к началу перестройки крайне остро стояла проблема обновления устаревшего вооружения. Так, согласно оценкам западных экспертов, в 80-е годы СССР отставал от США по 17 видам вооружения, лидировал же только по пяти (среди них ядерные боеголовки, танки и тяжелое вооружение, химическое и бактериологическое оружие)¹². Вот данные из публикации зам. начальника Генштаба СССР А. Данилевича «Что мы имели к концу 80-х годов? У нас было 12 тысяч стратегических ядерных боеприпасов, примерно такое же количество боеприпасов было и у американцев. А вот что касается обычных вооружений, у нас был существенный перевес. В 1991 году имелось 63,9 тыс. танков (не считая танков у союзников), 66,9 тыс. артиллерийских орудий, 76,5 тыс. БМП и БТР, 12,2 тыс. самолетов и вертолетов, 437 больших боевых кораблей. У нас танков было в 6 раз больше, чем у НАТО»¹³. Благодаря такому развитию вооружения обнаружилось, что именно те виды оружия, в которых преуспел Советский Союз, в современной войне ограничены к применению или даже находятся под запретом. Так, состояние систем управления в советских ВС иллюстрирует история полковника С. Петрова. В 2006 году США наградили его за то, что в 1983 году он спас мир от ядерной войны, проигнорировав сигнал на системе слежения о запуске с американской территории пяти ракет с десятью ядерными боеголовками каждая. Сигнал оказался сбоем системы¹⁴.

Сегодня уничтожение запрещенного и ненужного вооружения стало гигантской проблемой для постсоветской России. Большинство из 1,2 мил-

¹² Фельцман В. Кризис Союза и будущее экономики России // Вопросы экономики. 1991. № 4–6. С. 24.

¹³ Проблемы прогнозирования. 1996. № 2. С. 140.

¹⁴ http://top.rbc.ru/index.shtml?news/society/2006/01/20/20144409_bod.shtml

лионов российских солдат и офицеров и около миллиона обслуживающего ВС персонала охраняет запасы устаревшего и ненужного оборудования, фактически утильсырья, которое принципиально непригодно ни для военных действий, ни для обучения личного состава ВС, ни для их технического обслуживания. Но зато это «закритическое» для современных ВС утиль-сырье, по утверждению главного оружейника России генерала А. Московского, крайне опасно для населения России и самих ВС, так как оно: создает высокую экологическую и радиационную опасность; регулярно взрывается как на складах, так и за их пределами; будучи незаконно проданным, прекрасно работает в твердых руках криминала. Даже экономическая помощь США в решении проблемы утилизации запасов вооружения привела к грандиозному международному скандалу с бывшим главой Минатома Евгением Адамовым. «Общий объем ущерба, причиненного действиями Евгения Адамова и других фигурантов этого дела, по версии Генпрокуратуры РФ, составляет почти 160 млн долларов»¹⁵.

Для советского государства оказались трагичны результаты военной истории. Понятно, что именно они привели к падению советского режима и распаду СССР. Советский Союз, в котором стратегии развития определяла профессионально некомпетентная партократия, не смог разработать свой собственный экономико-технологический вектор развития и наивно пытался бежать — все более безуспешно — за все более опережавшими его технологическими лидерами. (Перед перестройкой главный советский экономический лозунг, который висел повсюду, был «Догоним и перегоним США». Достаточно забавно, что на оборотной стороне гигантского плаката с этим лозунгом на трассе из Ленинграда в Финляндию было написано «Не уверен, не обгоняй!»). Сохранение гигантских ВС, гонка вооружения, техническая и военная помощь (как правило, в долг) так называемым союзникам (в том числе таким агрессорам, как Сирия и Ирак) вели к тому, что и технологическое, и экономическое отставание страны все более нарастало. Это отставание усугубляла и советская стратегия развития и использования технологий двойного назначения, принципиально отличавшаяся от той, которую использовали страны НАТО. В государствах — участниках Северо-Атлантического блока ВПК как сугубо государственная структура был минимизирован, поскольку для производства вооружения использовались главным образом научно-технологические возможности и достижения ведущих коммерческих фирм, в ко-

¹⁵ <http://www.izvestia.ru/politic/article2819579>

торых государство размещало (и размещает) военные заказы. Военные заказы были и остаются там фактором научно-технологического и экономического развития не только для различных фирм, но и для самих стран. В конечном итоге гонка вооружений для США стала одним из базисов научно-технологического и экономического прогресса, а для СССР – основой научно-технологического регресса, а соответственно, и экономического упадка. В Советском Союзе системная передача современных технологий из военной науки и промышленности в гражданскую была невозможна в принципе. Это даже в постсталинское время противоречило требованиям секретности (руководство Советского Союза по застарелой привычке видело потенциальных шпионов во всех своих работающих вне ВПК ученых и инженерах), и было невозможно из-за глобального технологического отставания гражданской промышленности. Вследствие этого технологический фундамент гражданской науки и промышленности был – за немногим исключением – устаревшим, а для ВПК в больших количествах закупалось экспортное оборудование третьей свежести. Парадоксальным результатом развития советского ВПК стала и все большая зависимость его технического уровня не только от советского технологического пространства, но и от введенных КОКОМом ограничений. Неизбежным было все большее отставание технического уровня советского вооружения. Частью советского мобилизационного развития являлись и производство в мирное время многими предприятиями ВПК продукции для гражданских нужд, и рассмотрение сугубо гражданских производств как резерва мобилизационного развития. Это отнюдь не означало ни реальной конверсии, ни эффективности концепции мобилизации. Во-первых, большинству гражданских предприятий были недоступны не только технологии ВПК, но и необходимые для их реализации качественные технологические ресурсы – оборудование, детали и материалы и даже кадры. Они и финансировались, и снабжались по остаточному принципу. Во-вторых, предприятиям ВПК никогда не ставилась задача создавать массовое высококорентабельное производство высококачественной гражданской продукции. Их гражданская продукция была или исходно спроектирована как военная техника (например, трактор «Кировец»), что предопределяло ее весьма условную пригодность для гражданских целей; или предназначена на экспорт для многочисленных союзников СССР из слаборазвитых стран; или производилась из непригодных для военной техники, т. е. отбракованных комплектующих (опять же по остаточному от ВПК принципу). При этом львиная доля экспорта и военной, и гражданской продукции шла в долг. Маскировалось фактическое отсутствие

конверсии приписыванием к ВПК производства гражданской продукции сугубо гражданскими предприятиями, которые были частью планов всеобщей мобилизации в случае войны. Уже в 1965 году, согласно конфиденциальному докладу А. Агангбеяна, на ВПК работало 30–40% трудоспособного населения СССР¹⁶. Крайне усиливал эту мобилизационную направленность развития советской экономики созданный советским ГРУ миф о мобилизационных планах США¹⁷. Доминирование мобилизационного развития Советского Союза в ущерб инновационному во многом определило фатальное отставание России в сфере технологического развития – как в стране в целом, так и в сфере вооружения и технического оснащения ВС.

Плодом развития советской идеологической и геополитической паранойи, многократно усиливавшей негативные последствия для российской экономики принципиально неэффективной административно-командной системы управления, стал так называемый застой, т. е. все большее научно-технологическое отставание СССР от индустриально развитых стран. Он, в свою очередь, прямо вел к следующему:

- уровень жизни большинства граждан страны (в том числе советского среднего класса) все более негативно отличался от норм потребления индустриально развитых стран, т. е. становился все ниже черты бедности в этих странах;
- постоянный рост числа представителей советской элиты и среднего класса означал и увеличение их потребительских претензий, которые все более опережали возможности их удовлетворения;
- все более росло недовольство населения, особенно элиты и среднего класса.

После ряда безуспешных попыток исправить экономику на перестройку решила именно советская элита. Потом последовало ослабление стягивавших державу политико-идеологических обручей и распад страны в результате реализации властных амбиций национальных элит.

Для России последствия советской геополитической паранойи оказались трагичны:

- мы получили в наследство огромную отсталую в научно-технологическом отношении страну с мифом ее великих достижений и гигантской нагрузкой бесполезных и даже прямо опасных для нее ВПК и ВС;

¹⁶ Цит. по: Дж. Хоскинг. История Советского Союза 1917–1991 гг. М.: Вагриус, 1994. С. 375.

¹⁷ Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. http://mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik9_1.html

— она вынуждена оплачивать долги СССР и те свои долги, которые взяла у стран золотого миллиарда во многом в надежде получить деньги от друзей по третьему миру. Хотя внешние долговые активы России превосходили все ее внешние долги, они оказались практически неликвидными. Россия отчасти добровольно, отчасти в результате разного рода договоренностей реструктурировала долговые обязательства стран третьего мира перед СССР, фактически простила их большую часть. Так, в последние годы были почти полностью списаны долги Монголии — более 11 млрд долларов, Сирии и Ирака — примерно по 10 млрд долларов, Алжира — более 4 млрд долларов. А самый крупный должник России, Куба (около 20 млрд долларов) упорно не желает платить. По мнению ее руководства, долг России должен быть списан из-за разрушительных последствий, которые имели для страны распад Советского Союза в 1991 году и прекращение советской помощи. Как сказал в одном из своих выступлений президент РФ В. Путин, «мы не самая богатая страна в мире, но, несомненно, самая расточительная»¹⁸.

Подведем некоторые итоги советского наследия для национальной военно-политической стратегии. Вопреки всем мифам патриотизма, развитие ВС как системной деятельности хорошо вооруженных и высоко управляемых современных профессионалов было принципиально невозможно ни для до-революционной России, ни для Советского Союза и по-прежнему нереально для постсоветской России. Главной национальной военной идеей был и остается расчет на перевес в военной силе — «не умением, но числом». Идея героизма как главной военной мощи стала прикрытием двух основных национальных военно-стратегических принципов: человеческие потери никто не берет в расчет («мы за ценой не постоим»); вооруженными силами может командовать кто угодно — от дяди царя до вчерашнего чекиста-сурдопереводчика. Известно, что человеческие и военные потери СССР в Великой Отечественной войне обеспечивались пренебрежением к человеческой жизни и непрофессионализмом тех, кто принимал решения. Самую большую роль в этой «людоедской» стратегии ведения военных действий и отношения к тем, кто воевал, сыграл маниакальный советский вождь, единственной профессией которого до прихода к власти была экспроприация, а главным достижением во власти — репрессии. Он задавал этот стиль благодаря своему тоталитарному руководству Государственным комитетом обороны и Ставкой верховного командования.

¹⁸ Интернет-сайт президента РФ В. В. Путина: Речи и выступления. <http://president.kremlin.ru/events>

Усугубляла последствия паранойи политической власти национальная традиция произвола и бесконтрольности военачальников при минимизации конкретных и определенных требований к их профессионализму. Она прямо вела (и ведет сегодня) к произволу и отсутствию порядка в ВС. Технологическое отставание страны при огромных размерах ВС неизбежно предопределяло и их техническое отставание. Это отставание увеличивал (и увеличивает сейчас) экспорт вооружений и техники сомнительным союзникам и партнерам в долг.

Владевшая столько столетий умами армейской и политической элиты нашей страны идея военного превосходства была выражением не только и не столько политической реальности, сколько, прежде всего и главным образом, глобальных притязаний тоталитарной высшей власти. При этом за военно-политический глобализм своей жизнью и благополучием платили не военные и гражданские руководители страны, а рядовые граждане.

Вывод из рассмотрения послевоенной военно-политической стратегии СССР таков: советскому верховному командованию геополитическая паранойя и военная истерия заменяли серьезную военную стратегию. Именно на этом стратегическом фундаменте формировался военный профессионализм современного российского генералитета — вчерашних советских офицеров. Национальная безопасность в их понимании зиждется на двух крайне слабо связанных с политической реальностью идеях: НАТО по-прежнему угрожает России; сокращение ВС угрожает национальной безопасности. Руководство ВС для обоснования своих главных претензий — сохранения гигантского размера и увеличения бюджета ВС и ВПК, секретности и бесконтрольности их деятельности — приводит как основные доводы, по сути дела, те же советские политические декларации.

А потому необходимо рассмотреть три главные проблемы: что представляет собой реформа ВС в исполнении руководства ВС и ОПК; что сегодня несут России ее вооруженные силы; кому нужна реформа ВС.

РЕФОРМА ВС ПО-ГЕНЕРАЛЬСКИ

Понадобилось почти пятнадцать лет после распада СССР, чтобы наконец была осознана необходимость стратегической реформы Вооруженных сил России. До этого принимались и не выполнялись разные отдельные решения. Политики-патриоты вместе с народом в основном гордились достижениями советской армии. Не случайно для большинства россиян до сих пор главный предмет национальной гордости — героическая победа в Великой

Отечественной войне¹⁹. А элитарные демократы упорно требовали и требуют создания профессиональной армии, не слишком задумываясь над тем, что следует делать для этого здесь и сейчас, а не вообще и где-то. Самые лучшие патриотические и демократические идеи никак не могут заменить реальное решение главных стратегических проблем российских ВС. Сегодня руководство ВС заявило, что у него есть обоснованная концепция реформы и оно готово ее наконец реализовать. Посему реальность военной реформы через идеи и планы высшего политического руководства и генералитета ВС подлежит скрупулезному анализу.

1. *Проблема российской военной доктрины*

Если из военной доктрины, подписанной в апреле 2000 года исполняющим обязанности президента В. Путиным (и не пересмотренной до сих пор), убрать ничего не значащие общие фразы, например о демократизации и гласности, то обнаружится следующее:

Современным Кремлем воспроизводится такой принцип формирования военных угроз, что их можно использовать как основания для любых действий вооруженных сил. Его краеугольным камнем является следующее утверждение: «сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников». Рассмотрим самые одиозные из угроз. Вот, например, глобальная внешняя военная угроза — «попытки игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира». Она явно стала хорошей причиной для военно-технической помощи Ираку и поддержки ядерных планов Ирана. Достаточно обозначить какие-то интересы России где-то там далеко за рубежами страны и в решении проблем международной безопасности, и мгновенно появляется обоснование такой политической и экономической деятельности России (как, скажем, поставка оружия тоталитарным агрессорам — преимущественно в долг), которая опасна уже не только для России, но и для мира. В доктрине есть еще целый ряд внешних угроз, так же легко могущих стать основаниями для начала военных действий: «создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложивше-

гося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях; расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации». И, наконец, кульминация этой крайне опасной для национальной безопасности России и мира военной доктрины — такая угроза, как «враждебные, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия» и расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации». При этом, формулируя актуальные задачи ВС РФ, к внешним угрозам официальной доктрины руководство ВС по своей инициативе (и явно в превышение своей компетенции) добавило еще несколько более одиозных внешних, трансграничных и внутренних угроз. А в свете всех этих военных угроз крайне зловещим выглядит важный тезис военной доктрины «Главные цели обеспечения военной безопасности — предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации». Так и представляется, что за ним стоит бьющий ботинком по столу в ООН провокатор Карибского кризиса и защитник мира Никита Хрущев. Высказывания нашего высшего военного командования позволяют предполагать, что именно лавры Хрущева не дают им покоя. Не случайно начальник генштаба Минобороны РФ Ю. Балуевский все время выступал скорее как военный атташе России (а точнее даже СССР) где-нибудь в Ираке, осуждая НАТО, Израиль и прочих «капиталистических агрессоров», но при этом замалчивая реальные проблемы ВС РФ. А вот слова из написанного главным военным патриотом генералом Леонидом Ивашевым гимна Совета министров обороны СНГ: «Нам бы сжечь паспорта и столбы пограничные и в едином строю встретить звездный свой час». Вспомним, что именно во время пребывания Л. Ивашева в должности начальника главного управления международного военного сотрудничества Россия в ущерб собственной национальной безопасности поставляла оружие в долг на миллиарды долларов наиболее агрессивным мусульманским странам — Сирии и Ираку.

Сегодня национальная военная доктрина такова, что на ее основании Россия в любой момент может объявить войну кому угодно и когда угодно, лишь заявив о наличии какой-нибудь из этих неопределенных, а потому легко трактуемых угроз. Поражает и то, что президент РФ В. Путин, подписавший эту доктрину в 2000 году еще в роли исполняющего обязанности президента, так и не удосужился ее осмыслить и пересмотреть в соответствии с

¹⁹ Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Л. Гудков. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». Серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». 2004. — 816 с.

современными отношениями России и внешнего мира. И еще более поразительно, что наши демократы (среди лидеров которых есть и генералы) уже многие годы не обнаруживали, что последние несколько лет главной угрозой демократии является военная доктрина. Все остальные проблемы страны: и зажим средств массовой информации, и криминал в ВС, и беспредел правоприменительных органов, и институализированная коррупция, и экспансия чекистов в государственную власть — угрожают демократии, и национальной безопасности в той же степени, как военная доктрина. Более того, именно изложенные в военной доктрине принципы деятельности являются во многом одним из главных столпов для всех остальных угроз демократическому устройству и одновременно идеологической завесой над ними. Изложенная на более или менее современном языке, эта доктрина прямо воспроизводит основания для военно-политической экспансии и, соответственно, мобилизационного развития Советского Союза, сформулированные в свое время советской постсталинской партноменклатурой.

Сейчас реализуется очередная попытка руководства страны повторить опыт военно-мобилизационного развития — притом, что процесс реинкарнации советских ВС и ОПК начался еще при Б. Ельцине, а отнюдь не инициирован В. Путиным. Во-первых, продолжается всяческая поддержка целого ряда тоталитарных режимов даже в ущерб собственной национальной безопасности (благодаря поставкам вооружения и технического оборудования в долг). Во-вторых, несмотря на многочисленные решения высшей власти, размер ВС не только не сокращают, а наоборот, пытаются увеличить за счет сокращения отсрочек. В третьих, хотя еще в 1996 году вышел указ президента Ельцина о завершении перехода ВС на контрактную систему в 2000 году, наблюдается массовое бегство контрактников из Вооруженных сил. В-четвертых, все более растет финансирование деятельности высшего руководства ВС и ОПК. Но очевидно, что любая попытка России всерьез и официально (а не слегка, более или менее «втихаря» и даже во многом нелегально) реализовать ответ на эти угрозы за пределами страны (например, чуть не состоявшаяся отправка эскадры на помощь Милошевичу) приведет или к третьей мировой войне, или к окончательному распаду России.

Остается надеяться, что сегодня для руководства Минобороны все эти военные угрозы — не более чем основания для сохранения и даже увеличения размера ВС, и прежде всего масштабов их финансирования. Но тем не менее сохраняется военная доктрина советского образца — бесполезная для оценки реальных военных угроз России и одновременно опасная для всех. А вопрос

о разработке и принятии современной военной доктрины, которая должна учитывать, с одной стороны, современные геополитические реалии, а с другой — настоящие экономико-технологические возможности России, даже не ставится. Необходимо наконец понять, для чего сегодня демократической России нужны ВС и какими они должны быть: их размер и состав, системы управления и контроля, системы вооружения и технического обеспечения. Скажем, США, как и все страны НАТО, прямо и открыто декларируют свои задачи и раскрывают военный бюджет. В строительстве вооруженных сил НАТО уже начало ориентироваться не столько на существующие угрозы, сколько на создание возможностей для отражения труднопредсказуемых будущих угроз. Например, министр обороны США Д. Рамсфельд еще в сентябре 2001 года в предисловии к «Четырехлетнему обзору по вопросам обороны» писал: «Центральная цель данного обзора — перевести оборонное планирование с «модели угроз», ориентирующейся на конкретные угрозы (threat-based model), доминировавшей в нашем мышлении в прошлом, на «модель возможностей», ориентирующуюся на создание возможностей отражения труднопредсказуемых будущих угроз (capabilities-based model). Эта модель возможностей уделяет больше внимания тому, как противник будет воевать, без уточнения, кто этот противник или где может вспыхнуть война... В «Дорожной карте трансформации Сухопутных сил» за 2002 год, в частности, подчеркивается, что XXI век требует трансформированных единых вооруженных сил. Мы не можем определенно указать тех, кто будут угрожать Соединенным Штатам и их жизненным интересам, или как наши противники будут реализовывать свои угрозы. Однако мы знаем наверняка, что если мы будем ждать появления этих угроз, чтобы создавать силы для их отражения, будет слишком поздно... Результатом трансформации должны стать новые сухопутные силы, построенные с такими возможностями, которые позволяют одерживать победу в любой ситуации»²⁰.

2. Планы технической модернизации ВС как главный политический анекдот постсоветской России

Рассмотрим выставленные на сайте Минобороны планы технической модернизации ВС²¹ Начнем с самооценки руководством Минобороны status

²⁰ Цит. по докладу СВОП http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=9719

²¹ Выполнение программы модернизации вооружения, военной и специальной техники и поддержание их в боеготовом состоянии <http://www.mil.ru/print/articles/article3955.shtm>

quo ВС. «На сегодняшний день Вооруженные Силы РФ основными видами вооружения, военной техники и другими материальными средствами обеспечены на должном уровне. Однако качественный анализ показывает, что доля современных образцов вооружения и военной техники составляет 20-30%, в то время как в современных армиях мира этот показатель – более 70%.» Но если констатируется кардинальное отставание ВС РФ в современном вооружении, то это означает, что с точки зрения стратегического руководства ВС РФ таким и должен быть этот пресловутый «должный уровень». Бездомность и уровень жизни ниже черты бедности большинства офицеров – это тоже «должный уровень» обеспечения материальными средствами. А если всерьез поверить в эти цифры, то напрашивается и прямой выход из проблемы технического отставания ВС России. Сегодня в пересчете на душу населения масштабы ВС РФ практически в два, а с гражданским персоналом – и в четыре раза больше, чем у ВС, например, США. А потому, если поверить в утверждение высшего руководства ВС, что «доля современных образцов вооружения и военной техники составляет 20–30%», достаточно сократить ВС РФ в 3 раза, и мы сможем начать формировать современную армию. Правда, это утверждение явно берет под сомнение генерал-полковник Алексей Московский – заместитель министра обороны РФ – начальник вооружения. Так, на том же сервере Минобороны в интервью обозревателю НВО И. Ю. Коротченко («Почему государство не инвестирует “оборонку”») он признается, что «современное состояние вооружений оценивается многими средствами массовой информации как критическое. Действительно, вся масса оружия, доставшаяся России от СССР, за истекшие годы не стала новее, практически средств на ремонт и обновление не выделялось. ... В результате требуемое замены вооружение практически не заменяется или заменяется очень медленно, что значительно ухудшает качественный уровень оснащенности Вооруженных Сил, требует все больших расходов на содержание и ремонт вооружений. Одновременно повышается аварийность его эксплуатации в войсках и связанная с ней угроза для жизни обслуживающего личного состава. Фактически, весь запас прочности, доставшийся России от СССР, в настоящее время практически исчерпан. Это уже не требует доказательств». Тем самым главный оружейник страны вносит еще одну характеристику «должного уровня» вооружения, говорит о его повышенной аварийности и угрозе для жизни обслуживающего личного состава. Теперь появляются сомнения в достоверности базисного утверждения, что «доля современных образцов вооружения и военной техники составляет 20-30%». Ведь если еще двадцать лет назад от-

ставание СССР в современном вооружении было критическим, а сегодня, согласно утверждению начальника вооружения является «критическим», то невозможно понять, откуда взялись эти оптимистические цифры. И депутаты почему-то не верят в них. Так, член Комитета по безопасности Госдумы Г. Гудков – коллега Иванова по работе в КГБ – утверждает, что «к 2010 году потребности в бронетехнике будут удовлетворены лишь на 20 процентов... запасов боеприпасов в настоящее время вооруженным силам хватает лишь на четыре дня полномасштабной войны с “крупным противником”». И, кстати, неясно, как Геннадий Гудков – подполковник из КГБ, а отнюдь не военный стратег – может оценить потребности России в бронетехнике через 5 лет.

Но пойдём дальше. Следующее утверждение в программе модернизации звучит так: «Результатом выполнения предлагаемых мер станет повышение уровня обеспеченности воинских формирований современным вооружением и военной техникой к 2010 году в целом до 35%, а к 2015 году – до 40-45%. Полная замена наличного вооружения Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации может произойти к 2020–2025 году». И тут, можно сказать, во весь рост встает главный кадровый вопрос: зачем надо не просто сохранять, а увеличивать (за счет роста призыва вследствие отказа от целого ряда отсрочек) размер ВС РФ, если даже через 10 лет они не могут быть обеспечены современным вооружением и военной техникой. Более того, и эти запланированные цифры перевооружения явно «от лукавого», поскольку у России нет таких средств, которых оно потребует. Даже запланированное увеличение ВВП в два раза не спасет положения, поскольку сегодня ВВП стран НАТО (без США) больше российского в 30 раз, а суммарные размеры ВС – больше всего в 2 раза. Но зато ВС РФ почти равны ВС США (1,2 млн человек против 1,4) при населении в 2 раза меньшем, а число офицеров в ВС РФ больше в 2 раза (400 тысяч). Снова приведем данные из доклада СВОП «Здравый смысл подсказывает: при уровне финансирования, который в 30 раз (если считать по обменному курсу) уступает военным расходам США, невозможно обеспечивать на современном уровне армию, примерно равную американской как по численности, так и по сложности и дороговизне вооружения». Вот яркий пример: в 2002 объем продаж только одной из военно-промышленных компаний США, который составил 7,1 млрд. долларов (http://www.forexpf.ru/_newses_/newsid.php?news=187505), был равен фактически всему военному бюджету России²².

²² http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=9719

Простой арифметический подсчет доказывает: даже если Россия сохранит гигантские размеры ВС и продолжит вновь начавшуюся гонку вооружений (а сегодня уже не идет речи о конверсии) в ущерб всему гражданскому сектору и социальной политике, ее технолого-экономический статус не позволит ей в обозримом будущем выйти на уровень вооружения и технического обеспечения стран НАТО. Более того, через несколько лет ВС России в стратегическом отношении будут уступать уже не только старым, но и новым странам НАТО – например Польше.

Чтобы понять, сколько реально стоит современное вооружение, посмотрим на планы перевооружения стран НАТО. Вот некоторые поражающие воображение цифры с сервера Международного информационного агентства Washington ProFile. «По сообщению министерства обороны США (Department of Defense), в США ныне разрабатываются более 80 принципиально новых систем вооружений. Совокупная стоимость этих программ составляет \$1,47 триллиона и продолжает расти. Пентагон концентрирует свои усилия на разработке более экономичных двигателей, лазерного и микроволнового оружия, «активных» систем защиты боевой техники (например, «электромагнитной брони»), боевых роботов, передовых систем связи и разведки, новых видов боевых кораблей и бомбардировщиков сверхдальнего радиуса действия. Большинство из 60 крупнейших (то есть наиболее дорогих) военных программ мира реализуются в США. Первое место занял международный проект по созданию, производству и закупке истребителей F-35 (данный проект обычно называют «Совместный ударный истребитель» (Joint Strike Fighter), который совместно реализуют США, Великобритания, Канада, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия и Турция. Начало проекту было положено в 2001 году, его стоимость составляет \$245 млрд, генеральный подрядчик – компания Lockheed Martin – должна поставить в общей сложности 3279 подобных машин. На втором месте – программа «Боевые Системы Будущего» (Future Combat System), реализуемая с 2003 года армией США. Цель гигантского проекта стоимостью \$177 млрд – соединить всех участников боевых действий в единую командную сеть, обеспечить солдат и офицеров новыми возможностями (например, беспилотными разведывательными машинами), повысить их эффективность, мобильность и пр. Проект реализуют компании Boeing и SAIC»²³. Очень хочется понять, каким образом Россия со своим годовым бюджетом в сотню миллиардов долларов и складами

военного утильсырья сможет перейти от поставки устаревшего вооружения странам третьего мира на несколько миллиардов в год к оснащению современным вооружением своих собственных гигантских ВС.

Таким образом, можно резюмировать: пока Россия не выберется из пропасти экономико-технологического отставания, куда ее во многом загнала советская гонка вооружений, ни о какой реальной серьезной модернизации вооружения и военной техники нельзя и мечтать. Тем более она невозможна при сохранении гигантских ВС. Обещанные руководствами ВС и ОПК темпы технической модернизации ВС нереализуемы. Генеральские заверения свидетельствуют: или они, мягко говоря, лукавят, чтобы получить максимум финансирования для ВС и ОПК; или их представления о стратегии, вооружении и техническом оснащении ВС надо назвать иллюзорными. О последнем явно говорят и прогнозы нашего генералитета относительно войны в Ираке. А уровень советского военного стратегического мышления, которое не отличается от российского, совсем недавно продемонстрировала информация о том, что Садама Хусейна консультировали два генерала из высшего командования СССР, ГКЧПисты заместитель министра обороны СССР, командующий ВДВ Владислав Ачалов и начальник Главного штаба ПВО СССР Игорь Мальцев²⁴.

Казалось бы, современные ВС должны быть, прежде всего, сформированы по принципу высоко организованного и хорошо оборудованного производства. Как и для любого предприятия, модернизация ВС должна начинаться с ревизии деятельности (технической инвентаризации и финансового аудита). Только после этого возможны постановка стратегических целей модернизации и оценка технических и экономических возможностей для ее реализации. Именно такой была стратегия США при переходе к добровольческой армии. В США сократили размеры ВС, перевели всех военнослужащих на контракт, на основе многолетних исследований и экономических расчетов создали концепцию модернизации – и все это под контролем Парламента и Сената²⁵. Постановка конкретных и реальных стратегических задач позволила Соединенным Штатам пересмотреть стратегию вооружения и перевооружения. США отказались от изготовления стратегически устаревшего вооружения, сократили число фирм – исполнителей военных заказов.

Как пишет В. Шлыков, «в течение 5 лет произошла полная трансформация американской военной промышленности, и в ней осталось вместо 40 только 10

²³ <http://www.washprofile.org/ru/node/3527>

²⁴ <http://www.gazeta.ru/2003/04/02/irakkvojnego.shtml>

²⁵ Шлыков В. Как это было в Америке // Отечественные записки. 2002. № 8.

крупных производителей оружия («системных интеграторов»)»²⁶. Другой автор, Владимир Иванов, пишет: «На рубеже 70-х и 80-х годов США полностью отказались от поддержания и финансирования мобилизационных мощностей в своей военной промышленности. Была создана новая система мобилизационной подготовки, которая привела к интеграции военной промышленности с гражданскими секторами и создания на этой основе базы мобилизационного развертывания на случай войны. В начале 90-х годов МО США издало директиву, в соответствии с которой военные при выдаче заказов промышленности должны были руководствоваться гражданскими стандартами. В результате этого образовалась система нормальных взаимоотношений заказчик-поставщик»²⁷. А сегодня министр обороны США Дональд Рамсфельд так формулирует главный принцип перевооружения ВС США: «“Low density / high demand” («низкая плотность / высокий спрос») — эвфемизм, попросту означающий: “наши приоритеты были ошибочными и мы приобрели недостаточно этих штук, которые, как мы видим сегодня, нам нужны”»²⁸. А вот конкретизация этих приоритетов «Министерство Обороны США\Department of Defense намеревается закупать новые образцы военной техники, основываясь на трех фундаментальных принципах: «скорость», «маневренность» и «точность». Четвертый и менее важный принцип — «легкость». Эти принципы были установлены после того, как стало понятно, что суть военных действий кардинально изменилась. Ранее американские военные готовились к широкомасштабным войнам, где предполагалось использовать крупные группировки живой силы и техники. Ныне упор делается на проведение краткосрочных военных операций, в которых должны принимать участие относительно небольшие подразделения»²⁹. Такие принципы и приоритеты военного строительства прямо способствовали и способствуют тому все более быстрому движению по пути научно-технологического прогресса, которое сделало США мировым лидером в сфере экономики, науки и технологий.

Посмотрим, что представляет собой сегодня российский оборонно-промышленный комплекс. Согласно утверждению главного оружейника стра-

ны — генерала Московского, «это 1500 предприятий, которые загружены на 20-30%»³⁰. Как говорит В. Иванов, «по оценкам экспертов, сегодня около 80% станочного парка оборонных предприятий выработали свой ресурс, а около половины не отвечает требованиям современных технологий. Была практически разрушена система профессионально-технической подготовки. Предприятия катастрофически теряли специалистов. На большинстве предприятий состав работающих сократился в 5-10 раз. Резко повысился возраст работающих и приблизился к планке в 60 лет»³¹.

Как пишет В. Шлыков, «представление о том, что в России существует оборонно-промышленный комплекс — это в значительной мере миф. Как уже говорилось выше, несколько сотен оборонных заводов, которые обычно именуются ОПК, по сути, представляют собой группу мало чем связанных друг с другом предприятий, пытающихся выжить поодиночке, при минимальном контроле или руководстве со стороны государства. Трудно представить себе, каким образом такой ОПК может обеспечить техническую модернизацию ВС РФ. Но зато аксиоматична огромная и непосильная для слабого российского бюджета нагрузка ВС и ОПК, поскольку результаты их деятельности для экономики страны несопоставимы с расходами на них. И экспорт вооружения (многие годы осуществлявшийся в долг и даже нелегально) никоим образом не покрывает эти затраты»³².

Такая одновременно глобальная и в принципе нереальная концепция вооружения и перевооружения российских ВС — прямое следствие сохранения советской геополитической паранойи в менталитете руководства ВС, ОПК и большей части политической элиты. До тех пор, пока в военной стратегии России реальные задачи ВС подменяет ответ на некие глобальные и всеобъемлющие угрозы, в принципе не могут быть даже поставлены необходимые и реализуемые задачи модернизации вооружения и военной техники. Сейчас всерьез не стоит даже вопрос о проблемах вооружения и технического обеспечения для решения самой острой современной проблемы — борьбы с терроризмом. Реальную техническую модернизацию ВС заменяет требование руководства Минобороны и ОПК постоянно наращивать финансирование их деятельности. Бюджет ВС и ОПК все более растет. Но тем не менее Началь-

²⁶ <http://www.izvestia.ru/comment/article3009968>

²⁷ http://nvo.ng.ru/notes/2004-03-19/8_opk.html

²⁸ В статье «Трансформирование вооруженных сил» (впервые опубликовано в Foreign Affairs (Number 3, Volume 81, May/June 2002, перевод по адресу <http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/www.foreignaffairs.org>).

²⁹ Три кита Пентагона. 30 декабря 2005. Washington ProFile, из бюллетеня Defense Week.

³⁰ Оборонно-промышленный комплекс не должен быть обузой для госбюджета http://www.izvestia.ru/armia2/article302758916:19_06.12.05

³¹ http://nvo.ng.ru/notes/2004-03-19/8_opk.html

³² Оборонная экономика в России и наследие структурной милитаризации (<http://www.ej.ru/experts/entry/10/>)

ник Вооружения – заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Московский уверен, что надо отдать для ВС и ОПК и золотовалютные резервы Центрального Банка, и Финансовый резерв Правительства. Более того, в интервью обозревателю НВО И.Ю. Коротченко он утверждает, что сегодня политика Правительства РФ означает «поддержание устойчивости доллара и американской экономики», а «государственный оборонный заказ является одной из важнейших инвестиционных программ России, которая во многом определяет уровень развития промышленных технологий и конкурентоспособность российской экономики»³³. Именно этот путь гонки вооружений во многом развалил «великий и могучий» Советский Союз. Несмотря на солидный возраст нашего верховного командования, уроки стратегических ошибок СССР наши многозвездочные генералы не усвоили. Они и сегодня предлагают России пройти по дороге геополитической психопатии на вечном российском двигателе военной истерии. В другом интервью «Тверской, 13» тот же генерал Московский признается: «Годы холодной войны прошли для нас под знаком изнуряющей советскую экономику гонки вооружений». Но это реалистическое признание не мешает ему быть одним из главных идеологов нового витка гонки вооружений. Позиция генерала Московского очень напоминает старый советский анекдот «Да, у меня есть свое мнение, но я с ним не согласен».

3. *Боеготовность как главная стратегическая характеристика ВС России*

Проблему формирования боеготовности любой армии можно разделить на три подпроблемы – военная стратегия, вооружение и техническое обеспечение ВС, собственно боеготовность как результат обучения и боевой подготовки. Взглянем, как обстоит в России дело с этими тремя составляющими боеготовности.

Военная стратегия любой армии и даже ее любого подразделения прямо зависит от состояния их вооружения и технического обеспечения. Сегодня с учетом новых военных угроз принципиально изменилась вся военная стратегия стран НАТО. Она строится на доминировании мобильных оснащенных новейшей техникой и высоко управляемых сравнительно небольших подразделений вместо крупных, неподвижных и малоподвижных воинских частей. Стратегический фундамент ВС стран НАТО – построенные на современном высокопроизводительном компьютеринге высокоточные дистанционные во-

оружения, авиация и флот и одновременно мощные глобальные ультрасовременные системы информации, координации и управления. Так, для всех военных операций в Ираке при абсолютном перевесе в вооружении армии союзников – и количественном, и качественном – стратегической основой всех военных операций были: доминирование дистанционных операций, минимум потерь личного состава; высокая управляемость как отдельными частями, так и всей операцией. Для России сегодня в принципе недоступно такое развитие вооружения и технического обеспечения ВС и, соответственно, военной стратегии. Не случайно ни советское вооружение, ни советские консультанты не могли помочь Ираку в войне против США, как в свое время не смогли помочь и арабским странам в их войнах с Израилем. Сейчас критическое – по современным нормам технической вооруженности – техническое отставание почти всех частей ВС России прямо задает и их отставание в сфере военного профессионализма – как технологического, так и тактико-стратегического. Это неизбежно предопределяет и принципиальную невозможность развития современной военной стратегии. А сохранение гигантских ВС и ОПК делает в принципе невозможной техническую модернизацию и ВС, и ОПК. Возник своего рода заколдованный круг. Но эта, казалось бы, с позиции элементарного здравого смысла очевидная проблема почему-то недоступна пониманию российской политической элиты. Сегодняшние отношения военного и политического руководства РФ все более напоминают известную детскую игру в «веришь – не веришь». Сергей Иванов говорит: «Нам нужна миллионная армия – без этого нет обороноспособности!» А Федеральное собрание отвечает: «Верим», – приняв на вооружение принцип Тертуллиана «Верую, потому что абсурдно».

Дефицит современного вооружения и технического оснащения ВС и отсутствие современной стратегии неизбежно предопределяют и принципиальную дефектность военного обучения. Виталий Шлыков показал, что наши принципы подготовки офицеров далеки от норм современных ВС³⁴. Поскольку вооружения существуют по обычным физическим законам и техническим идеям, то, очевидно, что при обучении офицеров в военных вузах ведущими предметами должны быть современная гражданская наука и техника. И только после их изучения и на их базе – и только тогда они смогут серьезно изучать специальные военные предметы. Но министр Иванов – человек без специального технического образования – наивно предлагает

³³ Почему государство не инвестирует «оборонку».

³⁴ Шлыков В. Мы пойдем своим путем. <http://www.izvestia.ru/columnist/article1519813>

минимизировать обучение специальным гражданским дисциплинам («...специалист по управлению оружием в ракетных войсках стратегического назначения до 65–70% своего учебного времени уделял гражданским дисциплинам. Это был перекокс».) Реализация его идей приведет к такой принципиальной дисквалификации подготовки офицеров, которая сделает невозможным квалифицированное использование ими всех возможностей современной техники и одновременно резко повысит ее аварийность. А нормальное информационное обеспечение и управление ВС, если принять идеи С. Иванова, станет уже невозможным окончательно, страшно даже представить себе в ВС компьютерщика, получившего сугубо военное обучение. Вспомним пример украинских ВС, которые с советской базы сбили гражданский самолет. К дисквалификации офицеров ведет и создание 10-месячных курсов для их подготовки из отслуживших солдат-призывников. И, конечно, равно негативны как стремление сохранить все военные вузы независимо от уровня подготовки, который они дают, так и попытки реформировать образование без формирования конструктивной стратегии модернизации ВС. Но зато благодаря такой реформе выпускники военных вузов уже не смогут «уйти на гражданку» в качестве, например, инженеров. А в рамках неизбежных последствий сегодняшней реформы ВС – сохранения большинства частей как складов военного утильсырья – все большая дисквалификация военного обучения, в общем, не играет роли. Если военнослужащие никогда не увидят современной техники, то какую роль играет уровень их подготовки?

В 1972 году советские патриоты-политработники из Политбюро ЦК КПСС вместо того, чтобы ввести в ВС профессиональных сержантов как основу военного обучения, утвердили звание прапорщика, а в 1981 году добавили звание старшего прапорщика. До сих пор невозможно понять, зачем они это сделали и чем реально занимается прапорщик. Вместо института профессиональных сержантов они создали систему подготовки сержантов из призывников, которая фактически стала одним из главных базисов дедовщины. Подготовленный кое-как и кое-где сержант не может ничему научить солдат. Единственное, в чем он достигает совершенства, – это в утверждении собственной власти, т.е. фактически в дедовщине. Таким образом, мы имеем ВС, в которых, как пишет В. Шлыков, нет принятого во всех современных ВС хребта для развития профессионализма солдат³⁵, но зато есть институциональные предпосылки «неуставного» воспитания.

Как логическое завершение все той же системы формирования небоеспособности российских ВС приведем оценку расходов РФ на обеспечение ее боеспособности. «Зарубежные специалисты по военным финансам считают самым надежным измерителем боевых возможностей армии именно расходы на обеспечение ее готовности. По этому критерию Российская армия находится на одном из последних мест среди современных армий мира. В 2006 году США планируют потратить на боевую подготовку 147,8 млрд долл. (треть военного бюджета), то есть в полтора раза больше, чем на содержание личного состава (108 млрд долл.), и столько же, сколько на закупки и НИОКР (147,4 млрд долл.). У нас же расходы на боевую подготовку, по словам главного военного финансиста Л. Куделиной, составили в 2004 году 7% военного бюджета, то есть менее 28 млрд руб. (1 млрд долл.). Таким образом, если мы уступаем США по военным расходам в 30 раз, то по расходам на боевую подготовку – в 150 раз»³⁶.

Для сравнения – средства, которые потеряли ВС от незаконной деятельности 150 генералов и адмиралов (из 1380 служащих в ВС), привлеченных к суду и освобожденных от ответственности, составляют 43 млрд рублей³⁷, т.е. в полтора раза больше средств на боевую подготовку. В этой же публикации идет речь и нескольких десятках «генеральских и адмиральских дач в Подмоскowie (стоимостью от \$300 тысяч до \$1,5 млн.), которые были построены на сомнительные денежные и материальные средства». Уже и самый «честный и беспристрастный» в мире Генеральный прокурор РФ Владимир Устинов констатировал рост преступности в ВС и сообщил, что в 2005 году в армии «наворовали столько, что можно было бы купить три десятка современных танков». Еще несколько лет назад «Комсомольская правда» сообщила, что «за последние десять лет военные разворовали имущества на 350 миллиардов рублей»³⁸. К этим потерям добавим еще десятки миллиардов долларов потерь от погашенных долгов за продажу вооружения уже Россией. И прямые убытки от совместной деятельности ВС и ОПК, которая стала постоянным предметом работы Счетной палаты, тоже исчисляются миллиардами долларов. В частности, то, что целый ряд лет процветала продажа вооружения в долг, во многом привело к разрушению предприятий ОПК. И вот напрашивается очевидный ответ на вопрос: кто же виноват в том, что у ВС

³⁶ Там же.

³⁷ Комсомольская правда. 8, 9, 10, 12, 15 и 31 июля 2003.

³⁸ <http://www.newsru.com/russia/16aug2002/army.html>

³⁵ Шлыков В. Бесхребетная армия. <http://www.izvestia.ru/comment/article1562837>

нет современного вооружения и техники; для учений у летчиков нет керосина и тренажеров, у танкистов — солярки и опять же тренажеров; у ВМФ нет спасательной техники, а у страны нет средств на подготовку и содержание контрактников?

ЧТО СЕГОДНЯ НЕСУТ РОССИИ ЕЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

В армии собираются все болячки общества

Сергей Иванов, министр обороны РФ

Современные ВС развитых стран — это высокотехнологичное оружие в руках высокопрофессиональных военных. Сегодня перевес в количестве участников может сыграть роль разве только в уличном бою — и то если обе стороны равно вооружены и обучены. Но наш генералитет вместе с патриотами упорно стоит на своей уникальной концепции реформы ВС. Они намерены не только сохранить, но и увеличить размер ВС независимо от того, как, когда и кем они будут вооружены и обучены. Последние пять лет военачальники упорно твердят: завтра, послезавтра и далее мы будем проводить реформу; но сегодня жизненно важно сохранить масштабы ВС. В переводе на российский менталитет это означает, что планы руководства Минобороны необходимо разделить на две части — ирреальное завтра и реальное сегодня. Завтра, т.е. через 5-10-15-20 лет (это цифры из планов Минобороны РФ), за результаты реформы ВС будут отвечать уже другие генералы — и перед другим президентом и другим Федеральным собранием. А сегодня — не нам, а им, генералам, просто очень нужно — фактически без всякого стратегического и экономического обоснования — сделать два первых шага к реформе. Один шаг традиционен — срочно увеличить финансирование. И главный текст, и контекст этого увеличения, который позитивно принимает большинство населения, очевиден, существует такая народная мудрость: «Если сегодня не кормить свою армию, то завтра будешь кормить чужую». Но, не возражая против этого принципа в общем, полезно взглянуть на то, какую и чью армию мы сегодня кормим. И уже вполне конкретно понять, наконец, кому хорошо и кому плохо от того, что мы сохраним такую армию. Второй шаг генералов к реформе — это их попытка перещеголять по принципам призыва даже Советский Союз, для которого ВС были «альфа и омега» его великодержавности. Генералы благодаря отмене отсрочек намерены забрать отцов у детей, единственных кормильцев у инвалидов и стариков, извлечь из вузов большинство студентов. Если это им удастся, то военные смогут увеличить

на двести тысяч число молодых людей, которые благодаря призыву с пользой проведут время на складе военного утильсырья (периодически отдыхая на офицерских дачах или на стройках купивших их бизнесменов). А уже отменив еще ряд отсрочек и сократив срок призыва — но отнюдь не размер, «реформа» даст возможность еще более увеличить число молодых людей, которые пройдут через ВС. Зачем это так необходимо, понятно. Если обойтись без данных мер, то каким образом удастся сохранить на службе весь высший и средний командный состав — также и прапорщиков, функции которых совершенно невняты? И тем более представить, куда после увольнения можно пристроить все эти десятки тысяч генералов и адмиралов, полковников, подполковников и майоров. И где смогут работать сотни тысяч гражданской obsługi ВС. В большей части российских ВС уровень техники и дисциплины настолько низок, что «гражданская» судьба большинства профессиональных военных после отставки проблематична.

Невозможно предположить, каким образом сохранение размера ВС и даже — в случае реализации планов генералов по борьбе с отсрочками — его увеличение сможет помочь развитию безопасности страны. Даже по оптимистическим утверждениям руководства Минобороны сегодня в ВС доля современных образцов вооружения и военной техники составляет 20–30 %, и только к 2010 году дойдет до 35 %, а обеспечить все ВС современным вооружением и техникой удастся только к 2020–2025 году. Но стоимость современного вооружения — даже в российских условиях — настолько велика, что невозможно поверить в то, что РФ сможет за 20 лет вооружить на уровне стран НАТО ВС, размер которых уступает странам НАТО примерно в 3 раза. Элементарная арифметика показывает, что сохранение таких гигантских ВС РФ означает и неизбежное уже не только сохранение, но и развитие их принципиального отставания в вооружении и техническом обеспечении. А потому ВС и ОПК России, несмотря на их гигантскую и все более нарастающую нагрузку на экономику, явно не способны обеспечить обороноспособность страны. Колоссальная (по меньшей мере, втрое больше необходимого) избыточность в ВС и военнослужащих (около 1,2 млн человек), и гражданского персонала (около 1 млн человек) приносит России невозвратный политический, экономический и социальный ущерб. За осуществляющейся сегодня реформой ВС стоит задача не сохранения и развития их обороноспособности, а что-то другое. Понять, что это, можно, только увидев две стороны вопроса — кто и что утрачивает или приобретает от этой реформы. Начнем с анализа потерь.

1. *Экономические, социальные, политические потери России*

Главные экономические потери – неоправданно гигантские (для слабой российской экономики) расходы на содержание ВС и ОПК, большая часть которых недееспособна. К ним необходимо добавить и альтернативные экономические издержки, находящиеся уже за пределами военного бюджета. Так, обеспечение деятельности огромной территории ВС с ее бесчисленными строениями (электроэнергия, газ и другие ресурсы) осуществляется главным образом в долг – а потом большая часть долгов погашается. Сохранение функционирующего на 20–30 % гигантского комплекса ОПК с его 1700 предприятий и организаций и двумя миллионами сотрудников со средним возрастом старше 60 лет, возможно только потому, что ОПК позволено почти даром использовать электроэнергию, газ, нефть, металлы и другие ресурсы, которые нашли бы более эффективное применение в других сферах.

В свое время в США основой для перехода на добровольческую армию стали многолетние серьезные исследования. Особую роль сыграло экономическое обоснование знаменитым экономистом – Нобелевским лауреатом Милтоном Фридманом – того, что обязательная воинская повинность, являющаяся по существу «скрытым налогом», приводит к неэффективному использованию человеческих ресурсов. Это означает, что помимо прямой экономической нагрузки ВС на страну существуют еще и так называемые скрытые издержки от призыва: потеря дохода за время пребывания в армии, отчуждение призывников от общества и нарушение их карьерных и личных планов. Все это неизбежно происходит и в России.

Наша национальная специфика такова, что помимо общих для всех государств, скрытых издержек возникают и другие социальные потери. Прежде всего это социальные потери в результате постоянного роста криминала в российских ВС. Прокомментируем многочисленные сообщения об этом в mass media – в первую очередь, выступления и интервью Главного военного прокурора А. Савенкова. Число преступлений, объектом и субъектом которых являются военнослужащие, постоянно растет. Согласно данным Минобороны, в ВС «в 2005 году погибло 1064 человека, а совершило правонарушения 20390». По данным А. Савенкова, «в 2005 году общее число зарегистрированных в российских войсках преступлений 139 тысяч, а осуждено более 15 тысяч военнослужащих.... В совокупности с неуставными взаимоотношениями рукоприкладство составляет сегодня 30 % от общего количества преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации... Только в 2004–2005 годах военными прокурорами возмещен

ущерб на сумму около 700 млн рублей, возвращено из незаконного владения 1100 квартир, восстановлены права свыше 200 тыс. ее военнослужащих и членов их семей, отменено свыше 12 тысяч незаконных приказов командования... Военные прокуроры отыскали 118 миллионов «боевых» рублей, которые скрывали от воевавших в Чечне»³⁹. И это помимо многомиллиардного криминала с использованием в ВС (и ОПК) финансовых средств и ресурсов, о котором постоянно пишут средства массовой информации. Еще есть военкоматы, которые систематически забирают в ВС больных (бесплатно) и освобождают по болезни здоровых.

Уже четвертый год А. Савенков публично говорил о росте преступлений в ВС. Тем самым он фактически предупреждал нас, что человек в погонах все более опасен. Можно уверенно утверждать, что ставший известным криминал в ВС – это только верхушка айсберга имеющегося в них беззакония. Во-первых, большинство правонарушений систематически и целенаправленно скрываются. Во-вторых, основная масса даже привлеченных к ответственности правонарушителей отделяются неоправданно легкими наказаниями. В-третьих, для ВС характерна специфическая иерархия ответственности за правонарушения: вероятность осуждения обратно пропорциональна статусу его совершившего. Генералы и адмиралы, за немногими исключениями, ненаказуемы. В-четвертых, ответственность за правонарушение тем меньше, чем больше людей в нем замешано, поскольку круговая порука – одна из опор российского военного менталитета. Это означает, что ответственность за совершаемые в ВС преступления тем ниже, чем выше их социальная опасность. Такой же парадоксальный подход к преступлениям и наказаниям в России действует и во всех остальных силовых структурах и распространяется на властный аппарат.

Следствием такого существования ВС стала специфика принципов социализации людей в погонах. Основой любых отношений в ВС являются не уставы, а именно то, что скромно называется неуставными отношениями. Это означает, что квазиправовым фундаментом для функционирования ВС стало доминирующее над правом и реализуемое в самых разных ипостасях право сильного. Своей долей в этом праве владеют и офицеры (особенно те, кто имеет доступ к различного рода материальным ценностям и/или к возможностям развития карьеры), и так называемые «деды», и «землячества», и даже гражданские лица – родственники, наемный персонал, партнеры

³⁹ <http://www.mil.ru/articles/article11714.shtml>

в противозаконных сделках. Масштабы воровства в ВС таковы, что они на порядки превосходят статьи расхода ВС на содержание и обучение военнослужащих, обеспечение боеготовности. Именно в ВС реализуется старый российский принцип еще времен Петра I «жить по уставам тяжело суставам». Надо заметить, что все «суставы ВС» настолько глубоко поражены этой доходящей до противозаконности незаконностью, что служба в ВС в последние годы превратилась в своего рода школу произвола и криминала. Ее учителя и выпускники затем успешно применяют уроки в своей деятельности и в ВС, и за их пределами, пополняя огромную армию тех, кто прошел аналогичную курсы прямо в местах предварительного задержания и отбывания наказания. В России через две эти «школы» уже прошли многие миллионы мужчин и одновременно членов их семей. Не случайны те факты, которые обнаружил опрос Н. В. Шеляпиным студентов трех вузов культурной столицы России: «физическим наказаниям подвергались аж 73 % (1826 человек из 2502), а из них 26 % (474 телесно воспитуемых) — были детьми работников силовых структур!»⁴⁰. А вот психологический результат применения этого традиционного национального «учения» — «82 % студентов на данный момент считают, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия — вполне справедливы; 61 % — что эти методы помогали им исправить свое поведение — и полностью одобряют подобный способ воспитания»⁴¹. Конечно, жизнь ВС — это отражение жизни страны. Но бесправность одних и безнаказанность других в ВС стали мощным усилителем всех негативных сторон гражданской жизни в России.

Многие генералы, в том числе С. Иванов, утверждают, что криминал в ВС — главным образом прямое следствие общего состояния общества. Это говорит о том, что военному командованию неизвестны азы социальной психологии, и особенно криминологии. И призывники, и курсанты военных училищ (а это больше трехсот тысяч ежегодно) попадают в ВС в 17–18 лет, т.е. в период формирования социальных установок. Они социализируются в условиях непрерывных тесных и преимущественно насильственных социальных контактов на основе тотально навязанной им жесткой авторитарности «дедов» и командиров, диктуемых «правил и норм» поведения. Из-за этого исчезают те возможности социального выбора, которые молодежи в той или иной степени давало общество за пределами ВС. Вместо этого призыв-

ники и курсанты проходят, как и в криминальной среде, двойную школу принудительной социализации — сначала они лишь объект насилия, а затем субъект. А поскольку создаются крайне благоприятные условия для социального заражения, то неизбежны становятся распространение, усвоение и закрепление любых отклонений от социальной нормы. Достаточно много писалось и говорилось о тяжелых социальных последствиях прохождения полумиллиона военнослужащих через войну в Афганистане и еще большего их количества через Чечню. Речь шла о последствиях не только самой войны, но и неуставных отношений и криминала внутри подразделений. Не случайно в 1999–2001 году с командованием судились больше четырехсот тысяч военнослужащих⁴². Сегодня в ВС формируется криминальная субкультура как главный базис социализации военнослужащих. Есть прямое свидетельство того, насколько глубоко она закрепляется в социальном менталитете — поведение бывших военнослужащих в Дни пограничника и ВДВ.

Контингент, который уже много лет приходит в ВС России, крайне слабо защищен от такой социализации с креном в беззаконие и криминал. По данным народного депутата СССР полковника В. Лопатина, «еще в 1989 году среди призывников было 45 % людей с подорванной психикой, 27 % плохо владели русским языком, 15 % процентов призывников были ранее судимы»⁴³. Министр обороны С. Иванов, сообщив в интервью «Московскому комсомольцу» 01.03.2005 «Дело в том, что в армии собираются все болячки общества. Бедные, униженные, оскорбленные — все они приходят в армию, потому что больше — некуда. У нас почти весь призыв приходит из депрессивных регионов, а из регионов-доноров не призывается почти никто»⁴⁴, лишь подтвердил то, что общеизвестно. Вооруженные силы уже много лет пополняются не одаренными и социально стабильными членами общества, т.е. зрелыми и самостоятельными, социально устойчивыми и профессионально состоявшимися взрослыми людьми, а преимущественно нестабильными молодыми людьми с дефектами образования и поведения, нередко даже с криминальным прошлым. Это означает, что крайне снижена их способность противостоять правовой и социальной деформации, которую несут ВС. Поэтому главная скрытая, или, скорее, скрываемая, потеря сегодняшних ВС — это неизбежная социальная деформация не только прямых участников криминала, но большинства попавших

⁴⁰ terraincognita.spb.ru/n11/index2.htm

⁴¹ Там же.

⁴² Судные дни Министерства обороны. www.grani.ru/War/p.30049.html

⁴³ Лопатин В. Армия и политика // Знамя. № 7. 1989. С. 153.

⁴⁴ <http://fb.ru/info/33746.html>

в ВС людей – от призывника до генерала. А случайно попавшие в ВС более стабильные в социальном отношении молодые люди неизбежно превращаются в главный объект травли, физического и психического насилия, что глубоко травмирует их физически и/или социально. Как правило, вынужденным и не слишком удачным сегодня является выбор ВС как места для профессионализации и социализации для большинства из четырех сотен тысяч офицеров и ста семидесяти тысяч прапорщиков. Они неизбежно теряют бесценные для профессионального развития годы на нищенскую жизнь и профессиональную деградацию в лишенных современного вооружения и оснащения ВС. Для тех из них, у кого нет надежды когда-либо примкнуть к высшему командному составу, главные радости – мелкий криминал и большой алкоголизм. Поэтому верхом цинизма патриотов и генералов, а скорее всего, достойным завершением их специфической социализации в современных ВС является утверждение, что только в армии формируются настоящие мужчины.

Не соответствует действительности, что проблемы ВС – это лишь отражение болезней общества. Скорее болезни общества во многом формируют выпускники школы криминальных наук, в которую все более превращаются ВС. Попавшие в ВС носители «болячек общества» благодаря службе в армии становятся еще более «бедными, униженными, оскорбленными» и/или даже просто людьми с криминальными установками. Из ВС они выходят уже с прочно усвоенным принципом «жить по уставам тяжело суставам». И парадоксально, что именно эти никоим образом не участвующие в создании ВВП «болячки общества» (слова не мои, а министра обороны Сергея Иванова) диктуют государству и обществу, как будет потрачена большая (до трети) часть доходов бюджета страны.

Сегодня никакая военная полиция не сможет ничего изменить, поскольку она станет продуктом все той же незаконной и противозаконной среды. Очевидно, что изолированная от общества и закрытая от гражданского контроля система гигантских, отсталых и нищих ВС бедной страны, в которой власть глубоко поражена институциональной коррупцией, а для массового менталитета характерна высокая криминальная готовность и ксенофобии, в принципе не может обеспечить нормальное социальное и профессиональное развитие и призывников, и кадровых военных. Она способна гарантировать только все большее падение ВС в бездну непрофессионализма и криминала.

Почвой для любых позитивных изменений в ВС может быть только их настоящая модернизация строго в соответствии с реальными военными угрозами России и ее технолого-экономическими возможностями. Нарастающие

прямые и скрытые, внешние и внутренние политические, социальные и экономические потери, которые несет развитие ВС и ОПК по сегодняшнему сценарию, уже становятся необратимыми.

Скрытые (а скорее, скрываемые от большинства россиян) внешние политические и социальные утраты – это постоянное падение международного авторитета России. Россия в глазах мировой общественности уже не просто «Нижняя Вольта с атомным оружием», но по рейтингу нелюбви она занимает четвертое место⁴⁵. Характерно, что лучше всего к России относятся в Китае, Нигерии и Иране.

Внутренние экономические и социальные потери за пределами ВС и ОПК:

- Бесплезное отвлечение более чем трети бюджета от решения социальных проблем страны прежде всего отражается на молодежи, пенсионерах, инвалидах, образовании, здравоохранении, социальной политике.

- Многие сотни жертв многочисленных взрывов оружия в арсеналах и на полигонах и десятки тысяч жертв проданного криминалу оружия из арсеналов ВС.

- Постоянный рост дефицита рабочей силы – прежде всего высоко- и низкоквалифицированной – как результат сохранения и развития существующей системы ВС.

- Девальвация все большей части высшего и среднего специального образования, поскольку и постольку оно становится средством для «уклонения от призыва».

- Постоянное отвлечение миллионов молодых людей – порядка 700 тысяч призывников, 400 тысяч офицеров, 170 тысяч прапорщиков и около миллиона лиц гражданского персонала ВС от производительной деятельности, главным образом для бесполезного времяпрепровождения и криминальной среде;

- После службы в ВС все большее число солдат и офицеров оказываются люмпенизированными, т.е. социально деклассированными и/или физически изуродованными.

- Во многом в результате этого в России дефицит рабочей силы компенсируют мигранты.

- Криминализация (как прямая, так и латентная) большинства прошедших через ВС молодых людей неизбежно ведет к росту криминальности в России в целом.

⁴⁵ Washington Profile. 10 февраля 2006. – Опрос проведен в 33 странах.

Его главные факторы:

– Многие молодые люди, которые после службы в ВС не только лишены позитивного профессионализма, но во многом и не готовы и неспособны его приобретать, легко вовлекаются в криминал.

– Прогрессивный рост криминала во всех силовых структурах, так как в них служат преимущественно прошедшие школу криминала в ВС молодые люди.

– Увеличение числа мигрантов ведет к росту ксенофобий – часто на основе распространения ксенофобной идеологии элитой и представителями РПЦ. Вместе с приобретенным в ВС незаконным менталитетом это становится своего рода спусковым крючком преступлений на почве ксенофобии и, соответственно, для криминализации маргинальной части молодежи. То, что колоссальная часть молодых людей предварительно подверглась принудительной криминализации в результате службы в ВС, а после службы – люмпенизации, делает процесс роста преступлений на почве ксенофобий неуправляемым.

– И, наконец, еще одна жертва стратегической недееспособности военного руководства – сами российские ВС. Они уже давно превратились в пародию на современные ВС индустриально развитых стран и одновременно стали источником еще более серьезной угрозы национальной безопасности России.

Таким образом, мы попали в некое заколдованное царство: развитие ВС по программе генеральской реформы неизбежно ведет к росту прямых и косвенных, явных и скрытых политических, экономических и социальных потерь для России. Это, с одной стороны, постоянное падение уровня дееспособности ВС и ОПК и, соответственно, военно-политического авторитета страны, с другой – люмпенизация и даже криминализация все большего числа молодых людей и вынужденный отказ государства от реализации серьезных экономических и социальных программ. Вот реальные угрозы национальной безопасности – в отличие от мифических внешних и внутренних угроз безопасности России в Военной доктрине РФ.

ВС защищены от серьезных исследований и ревизии их деятельности своей закрытостью и круговой порукой, незаконностью и криминальностью, позицией власти и неполноценностью гражданского общества. В этой ситуации деятельность не только таких организаций, как «Солдатские матери», но и главного военного прокурора А. Савенкова нельзя назвать иначе чем гражданским подвигом. Но если А. Савенков еще надеется изменить ВС

– с помощью военной полиции или священнослужителей, то руководитель Союза комитетов солдатских матерей России Валентина Мельникова так определила сегодняшнюю сущность ВС: «Это система, которая порождена рабским положением солдат и недостойным положением офицеров в войсках»⁴⁶. На своем сервере «Солдатские матери» приводят десятки вопиющих историй рабского труда в ВС РФ⁴⁷.

Резюме всего вышеизложенного таково: в своем сегодняшнем виде ВС крайне опасны для России, так как:

– служба в ВС превращает опасных главным образом для самих себя психопатических личностей в социопатов, опасных для общества

– военная доктрина глобального противостояния создает паранойальное мышление, которое опасно для государства, т.е. глобальную социопатию.

Значит, ВС формируют иерархию социопатического мышления и поведения.

Сейчас нам предлагают такую реформу ВС, которая гарантирует прогрессивное нарастание всех проблем ВС, поскольку источники этих проблем развиваются. И само российское общество уже дало ответ на вопрос, чьи ВС оно вынуждено содержать. Большая часть взрослого населения не хочет ни сама служить в этой армии, ни отправлять в нее своих детей – это уже ряд лет показывают опросы. Вооруженные силы РФ – это отнюдь не тот государственный институт, которому они доверяют. Посему, неизбежно встают вопросы: чья же это армия и кому и зачем нужна такая реформа ВС? Ответ на первый вопрос вполне традиционен для России – это армия для защиты власти и реализации ее разнообразных амбиций и фантазий. Второй вопрос требует отдельного рассмотрения.

2. Реформа ВС – личный социальный проект генералов ВС И ОПК

По новым данным разведки

мы воевали сами с собой

Борис Гребенщиков

Но если реформа вооруженных сил, которая прямо угрожает национальной безопасности страны, а для самих ВС означает дальнейшее разрушение их дееспособности и, соответственно, прогрессивный рост их отставания от армий индустриально развитых стран, все-таки происходит, то это означает, что она кому-то нужна.

⁴⁶ <http://www.svobodanews.ru/article.aspx?exactdate=20060127185524573>

⁴⁷ <http://www.ucsmr.ru/ucsmr/report/slavelabour/slavelabour2.htm>

Кому необходима проводимая реформа ВС, известно. Прежде всего, она нужна генералитету ВС, ибо его существование в сегодняшнем виде и тем более развитие генеральского благополучия возможно только при сохранении подобного рода ВС. Различие между уровнем жизни генералитета и всех остальных в ВС превратилось в пропасть, а безнаказанность генералов стала абсолютной. Обнаруживается парадоксальный результат. Чем больше российские ВС отстают от ВС стран НАТО, тем благополучнее становится жизнь их командного состава с одновременным ростом его абсолютного и относительного количества. Трудно даже представить, как и зачем такой генералитет, в глаза не видевший современного вооружения и, соответственно, ничего не знающий о новых военных стратегиях, но зато достигший успеха в преступности, сокрытии и покрывании криминала подчиненных, станет создавать современные ВС. Мы опять приходим к застою в ВС – но уже на базе так называемой реформы.

Противостоять такой реформе ВС может лишь их серьезная и последовательно проводимая модернизация, т.е. систематическое, продуманное и обоснованное формирование современных ВС. Если из-за дефицита средств мы не в состоянии провести подготовку к модернизации по образцу США, то, по крайней мере, можно сегодня использовать их опыт модернизации с соответствующей коррекцией. Следует учесть и уникальную генеральскую модификацию применения опыта США в Псковской дивизии ВДВ. Были потрачены гигантские средства на программу и инфраструктуру, контрактников набрали вполне в традиции российских ВС «с бору по сосенке» и платили им на уровне ниже сезонных сельскохозяйственных рабочих (многих «срочников» насильственно заставляли подписывать контракт). Соответственно, туда пришли случайные люди, которые или были уволены из-за полной непригодности, или – как сезонные рабочие, покинули место зимовки. Это лишь еще раз доказало, что любое дело, за которое берется современный российский генералитет, он исполняет в свойственной ему манере – доведение любой хорошей идеи до абсурда. Ассимилировать опыт модернизации ВС США могут только совсем молодые образованные офицеры, еще не успевшие окончательно усвоить нормы деятельности российских ВС.

Россия должна начать процесс ликвидации сегодняшнего монстра, которым стали масштабные, бесполезные и даже опасные для национальной безопасности страны вооруженные силы с бесчисленными частями – складами военного утильсырья, охраняемыми солдатами-маргиналами под управлением озлобленных нищих и бездомных офицеров и прапорщиков. Взамен не-

обходимо как можно скорее начать формировать оснащенные современным вооружением и укомплектованные профессионалами хорошо управляемые и контролируемые Федеральным Собранием войска. И, конечно, эти ВС могут иметь лишь тот масштаб, который сегодня позволяет национальный бюджет и требуют реальные стратегические задачи национальной безопасности. Модернизация российских ВС невозможна на основе дискуссии между равно непрофессиональными по современным нормам политиками-демагогами и генералитетом ВС. Она требует проведения серьезной и профессиональной исследовательской работы. Парадоксом ситуации с ВС и ОПК является то, что эта работа ведется за пределами ВС. Так, несколько лет назад всем заинтересованным лицам была разослана современная идеология модернизации ВС, разработанная Советом по внешней оборонной политике⁴⁸. Реакция на нее, если она и существует, – еще одна глубокая тайна наших политиков и генералов. Быть может, президент РФ Путин ждал, пока министр обороны немного подучится в правительстве, чтобы быть способным понять эту программу? Но даже если военная и политическая элита России наконец обратит внимание на первую за всю историю России серьезную и профессиональную идеологию военного строительства, то обнаружится, что реализовать ее некому. В России отсутствуют серьезные специализированные центры, в которых профессионально ставятся и решаются конкретные вопросы военной реформы. Они и не нужны, пока сохраняется советская военно-политическая стратегия России.

Именно эта стратегия прочно объединяет руководство ВС, ОПК и прикнувших к ним патриотов-державников из высшей политической власти, несмотря на их отдельные разногласия – в основном относительно контроля над финансированием. В целом это объединение можно назвать «тройственным союзом», триадой – притом, что у каждой стороны этого союза доминируют разные интересы, но над ними стоит общая идеология – военно-политический глобализм. Задают эту стратегию следующие цели:

1. Как можно дольше холить, лелеять и развивать ничем не оправданный сегодняшний гигантский размер ВС и количество офицеров высшего и среднего звена – а это возможно только путем сохранения и даже развития призыва.
2. Максимально развивать ОПК как фактор для реализации двух задач:

⁴⁸ Военное строительство и модернизация вооруженных сил России. Доклад Совета по внешней и оборонной политике http://www.svip.ru/live/materials.asp?m_id=9719

– мифический – при сегодняшнем экономико-технологическом статусе и ОПК, и России в целом – фактор современного перевооружения ВС;

– уже абсолютно сказочный фактор модернизации российской промышленности и экономического развития России.

3. И, наконец, самая утопическая идея – сохранять и развивать Россию как великую державу – один из полюсов многополярного мира.

Для воплощения этих целей остро необходимо:

– под прикрытием национальной безопасности сохранять максимальную секретность деятельности ВС и ОПК, что обеспечивает полную бесконтрольность их генералитета;

– продолжать и развивать глобальное противостояние всему миру.

В такой программе реформы задача обеспечения национальной безопасности не стоит, она лишь декларируется. В качестве приводимых обоснований лучше просто исполнить известную песенку «почему – не ваше дело. Отчего – не ваш вопрос». Никакого анализа решения проблем ВС, даже такого упрощенного, который я провел, и уж тем более на уровне программы СВОП, нет ни у руководства ВС, ни у их коллег – генералов от Госдумы. Зато есть концепция военно-политического глобализма. Так, отставной генерал Алексей Сигуткин, первый зампреда комитета Госдумы по обороне, в подборке «Известий» «От чего и как нужно защищать Отечество» выразил свою позицию «Сегодня мы говорим, что у нас нет противника. Он может обозначиться, например, кому-то понравятся наши просторы, запасы, ценности. Как таковой нет конкретной страны, являющейся противником. Вот и готовимся защищать от любого агрессора. При этом исходим из уровня вооружения, оснащенности, тактики. Готовимся защищаться от наиболее сильных. Если нападут сразу со всех сторон и нападающих будет много, то, к сожалению, у нас нет другого фактора сдерживания, кроме ядерного арсенала»⁴⁹. И не только депутаты, но и элитарные демократы не прореагировали на сей крайне опасный сценарий глобальной ядерной паранойи, который публично предлагает весьма высокопоставленный политик.

Ответ на вопрос: «Кому нужно сохранять гигантский размер ВС и, соответственно, обеспечивать призыв» краток: руководству вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Среди заинтересованных в этом:

– Первое место держит генералитет ВС, желающий дослужить до пенсии с максимальными комфортом и выгодой.

– Второе место по праву занимает менеджмент ОПК, доходы и статусы которого прямо зависят от масштабов военного заказа.

– На третьем месте находятся политики и чиновники – государственники и патриоты, начиная с Сергея Иванова и кончая последним провинциальным патриотом. Предположив, что депутаты и чиновники не будут лоббировать прямо интересы ВС и ОПК, трудно представить, что останется в политических программах и выступлениях не только С. Иванова и Ю. Балуевского, но и всех остальных патриотически настроенных депутатов и чиновников. Убрав ценности великодержавности: доказывание вечности и бесконечности исключительных достижений страны, обоснование ВС и ВПК как главных национальных ценностей; утверждение перманентной внешней угрозы России и необходимости, говоря словами отставного генерала Сигуткина, «защищаться от наиболее сильных» (снова дружить со слабыми, но агрессивными), что современные «профессиональные патриоты» смогут предложить российскому народу, кроме своего очевидного непрофессионализма? Только консервация и культивация того, что один из самых серьезных исследователей российской реальности Лев Гудков называет «перелицованные варианты советской концепции вооруженных сил, оставшейся от «холодной войны»⁵⁰, позволяет военным сохранять свое политическое реноме перед самими собой и наивным до сих пор (несмотря на века обмана властью) русским народом. Военно-политический глобализм Иванова, Балуевского, Московского, Сигуткина и других действующих в сфере военной политики генералов, всех остальных «квасных патриотов» – это компенсация их глобальной экономико-технологической и военно-технической некомпетентности. Помимо очевидного непрофессионализма их всех объединяет душный запах советской геополитической доктрины. Именно по нему и по равнодушию к судьбе конкретных рядовых людей сегодня находят друг друга все российские патриоты.

– На четвертом месте пребывает большая часть самого русского народа. Все мифы великого прошлого и будущего позволяют ему усугублять свою национальную гордость практически независимо от политических и экономических данностей – как своих, так и страны в целом.

О вчерашних союзниках и противниках России можно сказать словами поэта: «Иных ужнет, а тедалече». Военно-политическая ситуация в мире принципиально изменилась. В политической стратегии индустриально развитых

⁴⁹ <http://www.izvestia.ru/debate/article3075932> 17.02.

⁵⁰ Армия в постсоветской России index.org.ru/journal/19/gudkov19.html

стран место идеи своей военно-политической гегемонии занял принцип совместного противостояния любым угрозам миру, т.е. сдерживания. Основная угроза — это терроризм. Но по-прежнему ни генералы, ни все прочие патриоты не хотят отказываться от старого понимания многополярности, идеи борьбы за гегемонию. Их не оставляет и мечта о паритете со странами НАТО, которая выглядит уже прямой насмешкой над здравым смыслом. В результате в России — гигантском бедном государстве, бюджет которого меньше бюджета многих штатов США и десятков международных компаний, снова реставрируют советские принципы организации ВС и ВПК. Российская военная доктрина оказывается главным тормозом поступательного движения уже российской экономики. Но зато она позволяет генералитету ВС и ОПК — закрытому акционерному обществу «The generals unlimited» — успешно реализовать свои личные глобальные амбиции. Реформы ВС и ОПК, предлагаемые и успешно проводимые их топ-менеджментом, — вызов гражданам России, т.е. всему гражданскому обществу во главе с политической элитой. Отсутствие до сих пор серьезного ответа на этот вызов означает, что в России нет не только гражданского общества (о чем любит говорить элита), но и политической элиты (в отсутствие гражданского общества некому об этом авторитетно заявить).

Вот мнение одного из самых серьезных исследователей постсоветской России Г. Гудкова «Интересы раздутого генеральского корпуса, нуждающегося в соответствующих частях и должностях, боящегося любых изменений, а потому всеми силами держащегося за консервативную, по существу все еще советскую, военную доктрину, провоцирующую войны и кризисное состояние в стране, чтобы сохранить финансирование и кадровую структуру армии, являются сегодня одной из главных причин внутреннего политического паралича, отсутствия значительных изменений, неудачи модернизации России уже в посткоммунистическое время⁵¹. Руководство ВС вместе с переводчиком-разведчиком С. Ивановым не может привести никаких стратегических обоснований своих планов — ни геополитических, ни экономических, ни технологических. Но строго в соответствии с национальной российской традицией никто и не требует от военных этих обоснований. Так, перед позорной русско-японской войной Николай Второй не хотел слушать даже своих родственников (например, великого князя Александра Михайловича), не говоря уже о С.Ю. Витте; перед Великой

Отечественной войной Сталин не желал слушать свой собственный генштаб. А сегодня главнокомандующему В. Путину и в ВС и ОПК, и в Федеральном собрании даже слушать некого, даже если бы у него было такое намерение.

ОТНОШЕНИЕ К ДЕДОВЩИНЕ — ТЕСТ НА ДЕЕСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Военные эксперты советуют:

Для того чтобы избавиться от дедовщины, надо увеличить срок службы в два раза — и тогда всех дедов обязательно забудут прадеды.

Прежде всего, чтобы сравнить отношение к дедовщине в ВС РФ и в США (как в армии, так и за ее пределами), рассмотрим некоторые данные из Washington ProFile — 16 февраля 2006 года — #12 (639). В США более ста лет назад были введены в военное законодательство изменения, запрещающие дедовщину. Еще в 1901 году о дедовщине в армии как о крайне острой проблеме, которую необходимо срочно решать, писал Марк Твен. Сегодня «в 42-х из 50-ти штатах США действуют правовые нормы, ставящие хэйзинг (прописку) вне закона. В штате Луизиана за участие в хэйзинге полагается штраф (от \$10 до \$100) и заключение (10–30 дней). В Техасе штраф может достигать \$10 тыс., а время отсидки — двух лет».

Позиция нашего истеблишмента по отношению к дедовщине говорит о том, что мы остаемся тоталитарным государством — прежде всего, в своем менталитете. Генералы и политики-патриоты упорно отрицают ее как системное явление. Политические верхи и культурная элита, за немногими исключениями, упорно молчат — как они молчали и в СССР. Они по-прежнему твердят — в унисон с Сергеем Ивановым — о падении культуры, об истинной культуре, духовности и т.п. Всерьез об этой проблеме говорит лишь молодежь — в прессе в меру ее доступности — и особенно в Интернете. Приведем своего рода приговор российским ВС неизвестного автора «Проблема в том, что, пока в обществе будут воспринимать армию как неизбежное зло, НИЧЕГО не изменится. Солдат — это не заключенный, не бандит, пораженный в правах... это такой же гражданин, как и любой другой, и у него есть права, которые государство обязано защищать. Но, если оно (государство) не способно выполнить свои обязательства перед гражданином, то и гражданин имеет право послать его вместе с гребаной армией по адресу из трех букв. Российская военная машина — это гигантский преступный организм, который нарушает все мыслимые статьи и законы Конституции и УК РФ. Так что мы,

⁵¹ Армия в постсоветской России index.org.ru/journal/19/gudkov19.html

как законопослушные граждане, не должны приспособливаться к ней, а наоборот — бороться против неё любыми возможными средствами»⁵².

Официальная политическая власть наконец впервые «слегка озаботилась» проблемой чудовищного криминала и беспредела в ВС. О ситуации с дедовщиной громко заявляли не только правозащитники уже в течение полутора десятков лет, но более трех лет о ней твердил Главный военный прокурор (пока его не сменили на более послушного министру обороны). До сих пор представители власти, за немногими исключениями, просто отмахивались от этой проблемы. Если все сегодняшние страсти членов Федерального Собрания окажутся лишь очередным шумовым эффектом (а, судя по всему, так и будет), это подтолкнет к определенным выводам. Во-первых, что наши депутаты и сенаторы недееспособны как государственники и патриоты — роль, в которой они себя позиционируют. Во-вторых, это разрешит утверждать, что они если не союзники, то лоббисты в создании и укреплении закрытого акционерного общества «The generals unlimited». И, наконец, в-третьих, так как главная задача политической власти страны — строить правовое пространство в соответствии с Конституцией, преступное попустительство военному беспределу снимает с повестки дня сам вопрос о существовании политической элиты. Советский принцип соответствия лучшей в мире социалистической демократической конституции и служащего власти «агрессивно-послушного большинства» не устарел до сих пор.

В РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ВСЕ ОЧЕНЬ ДАЖЕ ГЛАМУРНЕНЬКО

GLAMOUR – волшебство, чары, романтический ореол, обаяние, очарование, зачаровать, очаровать, пленить, покорить

Большой современный англо-русский словарь

Многих россиян очаровывает то, что С. Иванов — сегодня самый гламурный современный российский генерал и единственный, который говорит без грубых грамматических ошибок. Но посмотрим на содержание того, что он сообщил парламенту о проблемах ВС: «Некоторые впервые в жизни видят унитаза, зубную щетку и трехразовое питание»⁵³, «а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, все хорошо». Весь ивановский док-

⁵² : <http://a-eisod.livejournal.com/33654.html?nc=20>

⁵³ Выступление министра обороны России в парламенте 15 февраля 2006 года. <http://babr.ru/news/print.php?IDE=27912>

лад — обычная статистическая эквилибристика (работаем, улучшили и т.д. и т.п.), советская демагогия и одновременно обвинения и угрозы в адрес врагов ВС. А в программе у Познера пресс-секретарь и заместитель министра обороны Николай Панков пошел дальше самого министра: сравнивая американскую и российские армии, он заявил, что «на голову выше наш часто зачуханный взводный и ротный офицер»⁵⁴.

С точки зрения руководства Вооруженных сил России, «в ВС все очень даже гламурненько». Но неизбежно встает вопрос — для кого же сегодня российские ВС — волшебная страна. Прежде всего, конечно, для С. Иванова. Переводчик-разведчик, ставший министром обороны на седьмой части суши — такие чудеса невозможны даже в Африке. ВС России — это сказочное государство и для нескольких тысяч генералов и адмиралов (с их семьями), которые непонятно как, при их зарплатке на уровне начинающего менеджера, построили шикарные дачи в Подмоскowie. И это только те, о ком пишет пресса. Уверен, что от недостатка хороших дач и прекрасных квартир не страдают и другие генералы. Трудно представить бедствующим нищим главу государственного унитарного предприятия «Единая телерадиовещательная система Вооруженных сил России» капитана первого ранга Александра Лебедева, который на радиостанции «Свобода» с упоением рассказывал о своих поездках в Англию, в Китай и прочие страны и о проблемах ВС Великобритании, Швеции, США⁵⁵. Почему-то вспомнилась старая русская (видимо, патристическая) пословица: «Пустили Дуньку в Европу». Затем каперанг Лебедев так оценил своих оппонентов: «Понимаете, молотить все, что в голову пришло, научились все, а конструктивно разговаривать — нет», и сообщил о том, что у него была зарплата «625 рублей», в то время как «в среднем по стране было 140 у инженерного состава». А о судьбе проблемных призывников педагог-агитатор Лебедев поговорил отдельно: «Мы их выучим, они пройдут школу мужества, они вернуться в общество нормальными людьми. А так они будут пить под забором».

Удивительно, но даже теперь уже бывшие Генеральный прокурор РФ В. Устинов, Главный военный прокурор А. Савенков и Председатель Верховного суда В. Яковлев (в момент исполнения своих обязанностей) упорно не хотели до конца соглашаться с тем, что в ВС все гламурненько. С этим спорят и матери погибших солдат, и нищие офицеры, и многие тысячи жертв

⁵⁴ http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=86240

⁵⁵ <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2006/02/27/20060227200010890.html>

российских ВС как внутри их, так и за их пределами. Даже сам российский главнокомандующий частенько (иногда вынужденно) выражает свое недовольство положением дел в ВС.

Судя по опросам граждан России, большинству россиян, кроме руководства Минобороны и всячески поддерживающих его большинства депутатов Федерального Собрания, почему-то кажется, что главная задача нормальных ВС – не научить деревенских мальчишек пользоваться зубной щеткой и унитазом и не откормить их, а обеспечить национальную безопасность. Как ни благородна задача фирмы «The generals unlimited» харчевать и даже социализировать солдат, но ВС все-таки не мясокомбинат и не курсы хороших манер. Вот только сегодня реальное решение проблемы национальной безопасности откормленным руководством Минобороны передвинуто на то время, когда за это будут отвечать уже другие генералы, а нынешние будут отдыхать в своих шикарных квартирах и на элитных дачах, пописывая мемуары.

Как резюме плачевного состояния ВС приведу оценку социолога Л. Гудкова: «Российская армия как военная машина в настоящее время представляет собой распадающееся, деморализованное и дезориентированное целое, остатки прежде мощной, привилегированной и замкнутой корпорации, сплоченной сознанием своей исключительности, необходимости и авторитетности в обществе, подкрепленной социальными и материальными благами, интегрированной ясным образом «врага» и образцовостью своей организации. Обремененная пережитками идеологии «великой державы», имперскими традициями, сегодняшняя армия не в состоянии преодолеть институциональную инерцию времен «холодной войны». Огромное количество устаревшего вооружения, предназначенного для военных действий по схемам, основанным главным образом на опыте Второй мировой войны, стратегическое ракетно-ядерное оружие, бывшее главным аргументом в противостоянии западного и коммунистического мира, но теперь совершенно не нужное, военно-морские флоты, ставшие абсолютно недееспособными в нынешних условиях, дальняя авиация и т.п., оказывают чрезвычайно угнетающее воздействие на современное развитие России»⁵⁶.

Невзирая на генеральский гламур и благодаря ему Россия очутилась в порочном круге. По сей день всерьез не ставится вопрос о действительных возможностях технического переоснащения ВС и переобучения их состава вооруженных сил в соответствии с современными требованиями. Страте-

гическое отставание России в сфере современного вооружения, военных стратегий и уже даже тактик предопределяет дефицит современного военно-политического мышления и у политиков, и у генералитета, т.е. некий всеобщий плинтус некомпетентности. Сергей Иванов – лишь единичное звено из цепочки этого круга. Именно порочный круг всеобщей некомпетентности и безответственности (прямое продолжение советской «коллективной ответственности») делает невозможной реформу ВС. И эта беда – только одна из острых государственных проблем России в сфере реформирования деятельности силовых и правоприменительных структур. В стратегических преобразованиях нуждаются и никак не могут реально провести их на уровне требований демократического государства не только вооруженные силы, но и ФСБ, и все правоприменительные структуры – в том числе и прокуратура, и МВД.

Предположим, после многочисленных экспериментов Ельцина по смене руководства ВС РФ назначение министром обороны Сергея Иванова – кадрового чекиста, а не военного – стало своего рода актом отчаяния Владимира Путина: он решил навести порядок с помощью подлинного, как ему казалось, «блюстителя закона». Но так как именно характер этого порядка принципиально отличает тоталитарное государство от демократического, ярче всего это отличие проявляется в деятельности силовых структур. Для демократического государства порядок – это средство реализации интересов всего общества, а для тоталитарного – прежде всего и в основном инструмент защиты тоталитарной власти. А потому существует принципиальное и неразрешимое противоречие между менталитетом чекиста и требованиями современной модернизации ВС. Для чекиста навести порядок – означает защитить существующие в структуре «понятия» и «устои», а отнюдь не провести ее модернизацию в соответствии с нормами тех стран, которые были врагами СССР почти 70 лет. Чекистский патриотизм и реформы, как ясно сегодня, вещи несовместные. Настоящий чекист – что показывают высказывания не только Сергея Иванова в бытность его министром обороны, думского «единороса» Геннадия Гудкова и массы их явных и скрытых коллег во властной элите – всегда готов: как к войне с мировым злом, которое для него отождествляют индустриально развитые страны, так и к сотрудничеству с врагами демократического мира, даже если это агрессоры, настроенные на новую мировую войну. Исключения – например, Виталий Шлыков и его коллеги по СВОП – только подтверждают правила. Из всех бывших чекистов, видимо, В. Рубанову и еще нескольким здравомыслящим профессионалам очевидно, что се-

⁵⁶ Армия в постсоветской России. index.org.ru/journal/19/gudkov19.html

годня России следует ждать не нападения НАТО (это явный бред большого воображения великодержавников), а помощи от НАТО в модернизации ВС РФ. Исторический опыт показывает, что все технологически отсталые государства (СССР всегда отставал от индустриально развитых стран, а к началу перестройки это отставание стало фатальным) для реконструкции своих гражданских и военных структур неизбежно вынуждены прибегать к помощи мировых технологических лидеров. Так, с последними сегодня тесно сотрудничают все успешные крупные российские промышленные предприятия. Для начала было бы неплохо отправить группу молодых образованных офицеров на учебу в военные академии США и Великобритании. А идеологов реформы стоит делегировать на учебу в RAND Corporation – фирму, которая, как известно, играла одну из главных ролей в формировании стратегии развития США как технологического геополитического лидера, в том числе и в области модернизации ВС.

Ответ на вопрос, почему бы президенту не поставить министром обороны квалифицированного военного или гражданского специалиста, очевиден – где сегодня в России его можно найти? Все серьезные военные и гражданские эксперты-профессионалы, которые способны понять современные проблемы ВС и предложить что-то помимо тупого глобального милитаризма, – это отставные генералы и полковники старше семидесяти лет, да и тех единицы – например, Виталий Шлыков. Не случайно пренебрежительное отношение западных военных профессионалов к командованию ВС РФ: «Профессор военного колледжа Стивен Бланк недавно заявил, что российские войска «технологически отстали, у них посредственные командиры», а 80-летний генерал Гареев – «это лучший, кто у них есть»⁵⁷. Те, кто вздыхает о былом военном величии дореволюционной России и Советского Союза, никогда не читали мемуары Витте или Мерецкова и тем более не считали человеческую цену всех побед и поражений России и СССР. А что касается изучения современной военной стратегии, то у них явно другие задачи.

Некоторые надежды руководства страны на Сергея Иванова говорят о его чрезмерной вере в способности бывшего сотрудника КГБ. Уже третий раз происходит то, что можно назвать их крушением. Во-первых, министр обороны С. Иванов не стал рассматривать (а, скорее всего, просто не смог понять) разумные рекомендации Совета по внешней и оборонной политике, который состоит отнюдь не из либералов-западников, а скорее из «умеренных

⁵⁷ Антон Бражца. Что случилось с иракской армией. <http://www.gazeta.ru/2003/04/15/po4emusdalas.shtml>

патриотов»⁵⁸. Во-вторых, он предложил, отменив отсрочки, пропускать через социальную мясорубку ВС уже большинство готовой к позитивной профессионализации молодежи. И, наконец, в-третьих, позиция, которую Сергей Иванов занял, когда вся страна вдруг заговорила о чудовищности масштабов и методов «дедовщины» в ВС, доказал окончательно, что ему безразлична судьба тех, кто сегодня служит. Выступив в Государственной Думе 15 февраля 2006 года, он сделал целый ряд «открытий». Так, все основания дедовщины обнаружил за пределами ВС: высокая преступность в стране в целом (и молодежи в особенности) и «моральная патология нашего общества», которая выражается в «в кризисе целевых нравственных установок значительной части населения, в том числе и военнослужащих, в правовом нигилизме, утвердившемся на почве все еще значительного разрыва между идеями правового государства и реальным отношением наших сограждан к правопорядку, в девальвации традиционных ценностей и идеалов национальной культуры в массовом общественном сознании»⁵⁹. Работая с 1976 по 1998 год в стенах КГБ и СВР, С. Иванов даже не заметил, что постсоветское общество оценило советские национальные традиции как геноцид собственного народа, и до сих пор продолжает рыдать по ним. А далее министр обороны вопреки чудовищной реальности ВС сделал потрясающий вывод: «Результатом такой работы (нравится это кому или нет) является то, что Вооруженные Силы на сегодняшний день – один из самых законопослушных институтов в нашем обществе». Первое за почти пять лет развернутое публичное выступление Сергея Иванова, целиком выстроенное на деревянном языке штампов и угроз политработников суловских времен, ставило и другой щекотливый вопрос: как он смог получить диплом ЛГУ (да еще и на знаменитом филологическом факультете), большинство выпускников которого всегда отличала прекрасная русская речь и наличие логики. Вот, например, один из его шедевров в лучших традициях советского канцелярита: «Наказание должны нести непосредственные виновники. И они его несут и понесут!» Но вспомним, что Сергей Иванов время учебы в ЛГУ провел в основном на спортплощадке и в «выездной комиссии» комитета комсомола – т.е. там, где главным профессиональным орудием был отнюдь не русский язык. Выступление Сергея Иванова – независимо от того, понимает он это или нет, – пронизано духом безнадежности. Исходящий от него поток топорных патриотических декла-

⁵⁸ Военное строительство и модернизация вооруженных сил России. http://www.svp.ru/live/materials.asp?m_id=9719

⁵⁹ <http://babr.ru/news/print.php?IDE=27912>

Введение в проблемы российской прокуратуры

Прокуратура должна быть реформирована, а российским прокурорам необходимо сесть за парты

«История свободы – это история процессуальных гарантий»¹

Сегодня главной проблемой России является переход от деклараций в Конституции и других законодательных актах правового государства к созданию реальной системы их исполнения путем формирования законодательства и развития соответствующей ему правоприменительной практики, т.е. создания системы правосудия, построенной на правах человека и гражданина. После исчерпывания эйфорических надежд первых лет российской демократии стало очевидно, что без решения этой проблемы, т.е. без современного эффективного правосудия невозможно ни создать правовое государство, ни развивать нормальную рыночную экономику. Осознание это привело к реализации правовой реформы. В то же время в России во многом сохранился советский принципиально декларационный подход к правам человека, постольку российская правовая реформа имеет две стороны – прямую и обратную. Прямая сторона – это пересмотр некоторых законодательных норм для их приближения к нормам демократических государств, реструктурирование правоприменительных органов. Обратная сторона – это правовая реальность, т.е. характер исполнения норм закона, которое упирается в две конкретные проблемы.

Первая проблема: российская правовая реформа является вялотекущим процессом, поэтому сохраняется неудовлетворительное исполнение норм законов, и главное – процедур и санкций за их нарушение. Создание правоприменительного законодательного базиса для этого еще только начинается, а потому нельзя говорить о реальном движении к нормальной правоприменительной практике. Так, почти все уже прописанные в УПК РФ процессуальные нормы не обеспечены санкциями за их неисполнение или нарушение, а потому остаются лишь правовыми декларациями. Среди них базисные процессуальные нормы, которые обеспечивают гарантируемые Конституцией РФ права обвиняемого и подозреваемого (статьи 42, 46, 47), в том числе права на защиту (статьи 16, 49–53). Декларациями остаются и такие основополагающие статьи УПК РФ, как статья 7 (Законность при производстве по уголовному делу), статья 14 (Презумпция невиновности). Последнюю основополагающую норму гарантированных Кон-

¹ Williams G. One Man's Freedom. N.Y., 1962. P. 145.

раций вместо конкретного ответа на серьезные вопросы доказывает, что он или дошел до последней степени отчаяния от глобального непонимания реальных проблем ВС и своих обязанностей, или же, что еще хуже, даже не понимает глубины своей некомпетентности. Для него, как и для престарелого советского Политбюро, политическая демагогия стала главным и единственным средством защиты от собственной недостаточной профессиональной пригодности. Следует констатировать, что при сегодняшнем единодушии профессиональных военных из действующего генералитета и личного друга президента филолога-разведчика С. Иванова, Россия может навсегда забыть о современных ВС и, соответственно, об обеспечении национальной безопасности.

Из всего этого неизбежно вытекают три вопроса. Во-первых, зачем президенту Владимиру Путину было необходимо продолжать «пытать» Сергея Иванова, оставляя его на должности, которая ему явно не по силам? Почему президент так и не прочитал концепцию модернизации ВС и сохранил старинную советскую военную доктрину? И, наконец, почему было не поискать министра обороны среди тех более или менее молодых профессионалов, не отягощенных советской военной паранойей, которые, подучившись, способны были бы понять и усвоить принципы современной военной стратегии. Но все это имело бы смысл только в том случае, если президент Владимир Путин действительно хотел строить демократическую Россию, иметь современные дееспособные и законопослушные ВС, а не приносить в жертву наследию советской военной истерии и интересам закрытого акционерного общества «The generals unlimited» главный человеческий капитал страны – молодежь. Очень хотелось надеяться на лучшее. Но не пришлось.

ституцией прав человека «со вкусом» нарушает прокуратура, реализуя свою страсть к публичности. С особенной страстью этому противозаконному и даже антиконституционному спорту предается заместитель Генпрокурора В. Колесников, который до суда и даже до следствия обвиняет граждан и назначает им меры наказания (сроки заключения и конфискации). Незаконно обвиненные прокуратурой подсудимые, как правило, не обращаются в суд для своей законной реабилитации и после того, как суд подтвердит их невиновность. А если они даже и обращаются в суд для защиты своей чести и достоинства, то прокуроры в суд не ходят. В конечном итоге характерная для всего российского законодательства острая процессуальная недостаточность прямо задает и поощряет грубейшие нарушения законодательства в правоприменительной практике.

Вторая, тесно связанная с первой, проблема российской правовой реальности – острая необходимость повышения технологической дееспособности правоприменительных структур путем конкретизации функций и повышения уровня ответственности. Для этого целенаправленному реструктурированию подвергаются сегодня многие правоприменительные органы – кроме прокуратуры – несмотря на ее глобальную роль в правосудии и очевидную правовую и технологическую недостаточность. Тем самым прямо нарушаются международные обязательства России (При вступлении в Совет Европы 28 февраля 1996 года Российская Федерация обязалась провести реформу прокуратуры), о чем напоминают представители Комитета по соблюдению обязательств государств – членов Совета Европы². И в законодательстве о прокуратуре, и в ее практической деятельности систематически нарушаются как принятые Россией международные нормы, Конституция и другие законы РФ, так и гарантиру-

² Рудольф Биндиг, Германия, Эрнст Мюлеманн, Швейцария. Информационный доклад Комитета по соблюдению обязательств государств – членов Совета Европы (Реформа прокуратуры) (2000.10.19) http://nadzor.pk.ru/analit/show_a.php?id=154

При вступлении в Совет Европы Россия обязалась провести реформу прокуратуры, которая на момент вступления России в Совет Европы в основном сохранялась без изменений и имела структуру коммунистических прокуратур. Как представляется, в этом вопросе не было достигнуто никакого прогресса: роль и функции прокуратуры закреплены в законе, принятом в ноябре 1995 года, в который с того времени, похоже, не было внесено никаких изменений. На практике это означает, что в суде не всегда может быть гарантировано равенство обвинения и защиты. Вне суда это означает, что прокуратура обладает полномочиями, которые в большинстве государств – членов Совета Европы переданы другим органам, например административным судам, институтам омбудсмана или судьям: проверка всех административных актов на предмет их законности, надзор за соблюдением прав человека и гражданских прав, функции надзора в местах лишения свободы и выдача ордеров на арест.

емые ими права человека. В результате сегодня деятельность прокуратуры все более оказывается оборотной стороной правовой реформы.

Для доказательства этого весьма сильного негативного утверждения проанализируем законодательное обеспечение деятельности прокуратуры, конкретные проблемы и результаты ее деятельности.

Часть первая: ПРОКУРАТУРА contra КОНСТИТУЦИЯ

Десятилетие принятия в 1993 году новой Конституции РФ совпало с десятилетием функционирования принципиально антиконституционного Закона о прокуратуре, что задается сохранением в данном Законе целого ряда статей, прямо противоречащих статьям Конституции РФ и принятым РФ нормам международного права. Прежде всего, нарушена статья 15 Конституции РФ (*1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации... 4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора*).

Рассмотрим самые вопиющие нарушения Конституции РФ в законодательстве о деятельности прокуратуры:

1. Конституционным Судом РФ почти четыре года назад признан не соответствующим Конституции РФ по пяти статьям³ пункт 2 статьи 5 Закона о прокуратуре (Недопустимость вмешательства в осуществление прокурорского надзора. 2. Прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, пре-

³ Пункт 2 настоящей статьи признан не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 24 (часть 2), 29 (часть 4), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, он во всех случаях приводит к отказу органами прокуратуры в предоставлении гражданину для ознакомления материалов, непосредственно затрагивающих его права и свободы, без предусмотренных законом надлежащих оснований, связанных с содержанием указанных материалов, и препятствует тем самым судебной проверке обоснованности такого отказа – постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П.

дусмотренных федеральным законодательством). Но в Законе о прокуратуре это нарушающее Конституцию РФ положение до сих пор сохранилось без изменений в нарушение статьи 79 ФКЗ «О Конституционном суде РФ». (Юридическая сила решения. Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения). Законодательная непрофессиональность прокуратуры (согласно статье 7 Закона о прокуратуре она имеет право на участие в правотворческой деятельности) и Государственной Думы привела к тому, что это антиконституционное положение в Законе о прокуратуре так и не пересмотрено. А циничность отношения прокуратуры к Конституции и Конституционному Суду проявилась в том, что в Законе о прокуратуре одновременно сохранено антиконституционное положение и приведено решение Конституционного суда. Это неисполнение Закона делает прокуратуру преступной организацией.

2. Постановлениями Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П и от 18 июля 2003 года № 13-П признан не соответствующими 11 (!) статьям Конституции ряд положений статей Закона о прокуратуре (пункт 2 статьи 1, пункт 1 статьи 21 и пункт 3 статьи 22) в связи с наличием в них нормы, допускающей разрешение судом общей юрисдикции дел об оспаривании конституций и уставов субъектов Российской Федерации. В законе статья осталась.

3. Конституционным судом признаны не соответствующими шести статьям Конституции РФ в части расширенного толкования возможностей протеста прокурора в случае вступившего в силу оправдательного приговора ⁴ пункты 1 и 2 статьи 36 Закона о прокуратуре (Опротестование судебных решений. 1. Прокурор или его заместитель в пределах своей компетенции приносит в вышестоящий суд кассационный или частный протест либо протест в порядке надзора, а в арбитражный суд – апелляционную или кассационную жалобу либо протест в порядке надзора на незаконное или необоснованное решение, приговор, определение или постановление суда. Помощник прокурора, прокурор управления, прокурор отдела могут принести протест только по делу, в рассмотрении которого они участвовали (п. 1

⁴ Пункты 1 и 2 статьи 36 признаны не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 46, 49, 50 (часть 1), 55 (часть 3) и 123 (часть 3) в части, допускающей пересмотр и отмену в порядке надзора по протесту прокурора вступившего в законную силу оправдательного приговора ввиду односторонности или неполноты расследования или судебного следствия, а также несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела в случаях, когда в предшествующем разбирательстве не были допущены нарушения, которые отвечали бы критериям, предусмотренным пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод – Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 № 13-П д.

в ред. Федерального закона от 10.02.99 № 31-ФЗ). 2. Прокурор или его заместитель независимо от участия в судебном разбирательстве вправе в пределах своей компетенции истребовать из суда любое дело или категорию дел, по которым решение, приговор, определение или постановление вступили в законную силу. Усмотрев, что решение, приговор, определение или постановление суда являются незаконными или необоснованными, прокурор приносит протест в порядке надзора или обращается с представлением к вышестоящему прокурору). Можно сказать, что Конституционный суд выступил уже против классического прокурорского «Вас оправдали. А все-таки!» в защиту одного из главных принципов современного правосудия «За одно преступление два раза не судят». В законе о прокуратуре антиконституционная статья осталась. Это, уже третье, неисполнение Федерального конституционного закона (рецидив) делает руководителей прокуратуры злостными рецидивистами, а прокуратуру как организацию – фактически преступным сообществом.

4. Грубо нарушает пункт 1 статьи 19 Конституции РФ (Все равны перед законом и судом) статья 42 Закона о прокуратуре (Порядок привлечения прокуроров и следователей к уголовной и административной ответственности. 1. Любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором или следователем органов прокуратуры, возбуждение против них уголовного дела (за исключением случаев, когда прокурор или следователь застигнут при совершении преступления (sic!)), производство расследования являются исключительной компетенцией органов прокуратуры), которая замыкает подследственность, подсудность и подконтрольность прокуроров и следователей органов прокуратуры в рамки деятельности прокуратуры, что на практике делает их и неподсудными, и неподконтрольными. Завершает этот замкнутый круг пикантный пункт 2.2 из Приказа Генпрокуратуры (В тех случаях, когда прокурор либо следователь органов прокуратуры застигнут на месте преступления или непосредственно после его совершения и уголовное дело в отношении его возбуждено другим органом, немедленно истребовать уголовное дело и принимать его к производству⁵). Этот же принцип неподсудности и неподконтрольности прокуроров и следователей органов прокуратуры

⁵ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 июня 1998 г. № 44 «О порядке проверки сообщений о правонарушениях, совершенных прокурорами или следователями органов прокуратуры, возбуждения и расследования в отношении их уголовных дел» <http://old.kubagro.ru/caths/ugolproc/pricaz7.asp>

продолжен соответствующими статьями УПК РФ – статья 448.10 «Возбуждение уголовного дела» и статья 125 «Судебный порядок рассмотрения жалоб», согласно которым суд свое постановление по жалобе на сотрудника прокуратуры передает в прокуратуру, и только она может дать делу дальнейший ход. В результате ставшее нормой правоприменительной практики неисполнение прокуратурой постановлений суда является нарушением статьи 6 ФКЗ «О судебной системе РФ» «Обязательность судебных постановлений» и уголовным преступлением согласно статье 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». При этом антиконституционный пункт 2 статьи 5 Закона о прокуратуре наглухо перекрывает даже для представителей власти и сотрудников правоприменительных органов доступ к информации о нарушениях и преступлениях большинства сотрудников прокуратуры. В результате сегодняшней правовой статус российской прокуратуры практически воспроизводит правовой статус советской номенклатуры. Прокуратура фактически является тоталитарной правовой номенклатурой как в законодательном, так и в правоприменительном отношении.

5. Пункты 1 и 2 статьи 22 Закона о прокуратуре (Полномочия прокурора. 1. Прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе: по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения органов, указанных в пункте 1 статьи 21 настоящего Федерального закона, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов. 2. Прокурор или его заместитель по основаниям, установленным законом, возбуждает уголовное дело или производство об административном правонарушении, требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, предостерегает о недопустимости нарушения закона (в ред. Федерального закона от 10.02.99 № 31-ФЗ), дающие прокуратуре право бесконтрольного использования представителей других государственных структур, грубо нарушают заданный статьей 10 Кон-

ституции РФ принцип разделения властей и самостоятельность каждой ветви власти⁶, а на практике прямо приводят к систематическому превышению сотрудниками прокуратуры должностных полномочий, т.е. к нарушению статьи 286 УК РФ⁷.

6. В течение 9 лет согласно УПК РСФСР действовала правоприменительная норма, прямо и грубо нарушающая два положения Статьи 22.2 Конституции РФ (Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов).

7. И, наконец, два года в Законе о прокуратуре имелась пикантная статья 52.4 «О Фонде развития прокуратуры Российской Федерации»⁸. Согласно

⁶ Статья 10 Конституции РФ. Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

⁷ Статья 286 УК РФ. Превышение должностных полномочий. 1. Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет. 2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

8 Статья 52.4. Финансирование материально-технического и иного обеспечения органов прокуратуры, мер по социальной защите работников осуществляется из средств внебюджетного фонда развития прокуратуры Российской Федерации. В указанный фонд перечисляется 10 процентов денежных средств, поступающих по инициативе прокуратуры в их доход.

В соответствии со статьей 52 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Правительство Российской Федерации постановляет:

Утвердить прилагаемое Положение о фонде развития прокуратуры Российской Федерации.

Председатель Правительства Российской Федерации В.Путин

УТВЕРЖДЕНО постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2000 г № 72

ПОЛОЖЕНИЕ О ФОНДЕ РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Фонд развития прокуратуры Российской Федерации (далее именуется – фонд) предназначен для дополнительного финансирования материально-технического и иного обеспечения органов прокуратуры, а также мероприятий по социальной защите работников органов прокуратуры, в том числе уволившихся в связи с выходом на пенсию (далее именуется – работники органов прокуратуры).

этой статье все подразделения прокуратуры (кроме военной) имели право по своей инициативе брать на свои нужды десятину со средств предприятий и организаций, «поступающих по инициативе прокуратуры в их доход», и расходовать их по своему усмотрению, что является грубым нарушением статьи 35 Конституции РФ (1. Право частной собственности охраняется законом...

Фонд формируется за счет отчислений предприятий и организаций в размере 10 процентов денежных средств, поступающих по инициативе прокуратуры в их доход.

2. Средства фонда учитываются на отдельных текущих счетах, открываемых в установленном порядке Генеральной прокуратурой Российской Федерации, прокуратурами субъектов Российской Федерации и приравненными к ним прокуратурами в учреждениях Центрального банка Российской Федерации и других кредитных организациях по месту открытия счета по учету средств федерального бюджета территориальных органов федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации.

3. Средства фонда направляются на:

а) укрепление материально-технической базы органов прокуратуры;
б) строительство и ремонт служебных зданий и сооружений органов прокуратуры;
в) строительство и приобретение жилых помещений для работников органов прокуратуры, а также выдачу беспроцентных ссуд на строительство и приобретение жилья работникам органов прокуратуры;

г) финансирование мероприятий, связанных с социальной защитой работников органов прокуратуры;

д) улучшение медицинского обеспечения работников органов прокуратуры;

е) расходы медицинских и лечебно-оздоровительных учреждений органов прокуратуры.

4. Предприятия и организации перечисляют средства, предусмотренные пунктом 1 настоящего Положения, на отдельные текущие счета прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним прокуратур, а средства, поступившие по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, – на ее отдельный текущий счет.

5. Прокуратуры субъектов Российской Федерации и приравненные к ним прокуратуры часть поступивших на их счет средств в размерах, устанавливаемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации, перечисляют на ее отдельный текущий счет. Остальные средства расходуются непосредственно указанными прокуратурами на цели, предусмотренные пунктом 3 настоящего Положения.

6. Предприятия и организации перечисляют средства, поступившие в их доход по инициативе специализированных прокуратур, обслуживающих режимные, особо режимные объекты и закрытые административно-территориальные образования, на отдельный текущий счет Генеральной прокуратуры Российской Федерации, часть из которых направляется специализированным прокуратурам и расходуются ими на цели, предусмотренные пунктом 3 настоящего Положения.

7. Контроль за своевременностью перечисления предприятиями и организациями средств, поступивших по инициативе прокуратуры в их доход, осуществляют соответствующие прокуроры.

8. Контроль за формированием и целевым использованием средств фонда осуществляется Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

9. Генеральная прокуратура Российской Федерации представляет в Министерство финансов Российской Федерации в установленном порядке квартальные и годовые отчеты о поступлении средств в фонд и об их использовании.

10. Инструкция о порядке использования средств фонда утверждается Генеральным прокурором Российской Федерации.

11. Настоящее Положение не распространяется на органы военной прокуратуры.

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения). При этом даже не были законодательно определены механизмы реализации этой фактически средневековой дани.

Таким образом, мы видим в Законодательстве о прокуратуре (в том числе в шести статьях Закона о прокуратуре) нарушение восемнадцати (!), а до недавнего времени – двадцати статей Конституции РФ, в том числе основополагающей статьи 15, согласно которой законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. И, соответственно, одновременно нарушено множество статей принятых Россией международных правовых актов в части гарантии прав человека и гражданина.

Отношение к законодательству о деятельности прокуратуры является фактически пробным камнем для оценки реального подхода (а не деклараций) депутатов Государственной Думы РФ к праву. Не случайно все три созыва Госдумы, не только не устранили нарушения Конституции РФ в этом законодательстве, но постоянно принимали новые антиконституционные законодательные акты. Так, депутаты третьего созыва Государственной Думы в последний год своей работы приняли по инициативе прокуратуры и по предложению доктора юридических наук члена фракций «Яблоко» и СПС Е. Мизулиной поправку к статье 281 УПК РФ⁹, грубо нарушающую Конституцию РФ и ратифицированную Россией Европейскую конвенцию о защите прав человека

⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 10 июля.

Принят Государственной Думой 21 июня 2003 года

Одобрен Советом Федерации 26 июня 2003 года

71-В статье 281:

часть первую изложить в следующей редакции:

«1. Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи»;

дополнить новыми частями второй и третьей следующего содержания:

«2 При неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний в случаях:

1) смерти потерпевшего или свидетеля;

2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;

и основных свобод. При реальной и во многом противозаконной закрытости предварительного следствия даже от его участников и чрезвычайности всех его обстоятельств эта поправка позволяет фабриковать дела благодаря использованию ранее данных показаний свидетеля или потерпевшего, который болен, или мертв, или является отказавшимся от дачи показаний иностранным гражданином, или не может явиться из-за чрезвычайных обстоятельств. Тем самым произошел прямой возврат к советскому инквизиционному праву. А если от подсудимого как-то получено, например выбито, признание, то его лишают реальной возможности отказаться от него с использованием не менее чудовищной поправки к Статье 316 «Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора» в Главе 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением»¹⁰, которая фактически уничтожает правовой смысл судебного следствия. Эта российская пародия на сделку по образцам англо-американской системы права (где обвиняемый практически защищен от злоупотреблений в ходе предварительного следствия, а сделка не означает отказ от рассмотрения дела в суде по существу) делает судебную практику насмешкой над основополагающей нормой правосудия, изложенной в статье 118 Конституции РФ (1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом). Все эти изменения в УПК РФ означают фактически уничтожение провозглашенного в статье 123 Конституции РФ принципа состязательности правосудия и возвращение к инквизиционно-розыскной системе с одновременным усилением роли прокуратуры в предварительном и судебном следствии. При этом характерно, что ни один из депутатов Государственной Думы РФ не проголосовал против этой чудовищной расправы над правосудием. Напрашивается следующий вывод: вопреки всем декларациям депутатов Государственной Думы РФ (в том числе либералов) о правовом государстве сохраняющаяся антиконституционность практически всего российского законодательства (в том числе законодательства о прокуратуре РФ) дает основание считать, что парламентарии при принятии законодательных актов не проверяют их на соответствие

3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;

4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.»

¹⁰ Статью 316 изложить в следующей редакции:

5. Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Конституции РФ. Более того, можно считать, что для нынешних законодателей понятие правосудия так же декларативно, как и для их советских предшественников – депутатов Верховных Советов СССР и союзных республик. Как иллюстрацию этого можно привести патетическое высказывание о том, что «рухнуло правосудие», бывшего лидера СПС Б. Немцова, который за более чем десятилетие своей деятельности на высших постах исполнительной и представительной власти в России ухитрился не заметить в стране отсутствие нормального правосудия.

На этом фоне особенно эффектно звучит заявление заместителя директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ В. Г. Бессарабова «При этом основной отличительной особенностью прокуратуры является то, что она выполняет возложенные на нее функции и задачи в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации»¹¹. Поскольку не хочется обвинять высокопоставленного сотрудника прокуратуры в незнании законодательства, то следует предположить, что это привычная советская демагогия или/и своеобразная грубая насмешка бывшего депутата Государственной Думы РФ над своими коллегами. Надо отметить, что многие выступления высокопоставленных сотрудников прокуратуры выглядят (сознательно или бессознательно) одновременно циничными и наивными – видимо, благодаря уверенности в том, что никто не будет опровергать и даже читать их беззащитную демагогию. Так, прямой издевкой над Конституцией звучит название статьи генпрокурора В. Устинова «Прокуратура – главный правозащитник страны» http://nadzor.pk.ru/analit/show_a.php?id=158.

Часть вторая: СИЗИФОВ ТРУД ПРОКУРАТУРЫ

Сегодня согласно Закону о прокуратуре в ее компетенцию входят следующие основные задачи¹².

¹¹ Бессарабов В. Г. Динамика становления и развития российской прокуратуры // Закон и политика, 1, 2001 http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=3_2001&o=177949

¹² Статья 1. Прокуратура Российской Федерации.

2. ...прокуратура Российской Федерации осуществляет:

надзор за исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;...

В результате число компетенций прокуратуры согласно ее собственным расчетам достигает 58¹³.

Чтобы избежать ярлыка голословного критика российской прокуратуры, посмотрим, как же она реализует свои компетенции на практике, и одновременно сравним ее функции с функциями аналогичных структур в правовых демократических государствах.

Первая и традиционная для всех государств функция прокуратуры – обвинение.

Вплоть до принятия нового УПК прокуратура во многом уклонялась от выполнения традиционно главной для нее как представителя государства функции – поддерживать в суде обвинение по всем делам публичного и частно-публичного характера. Из-за этого суд был вынужден брать на себя несвойственные ему обвинительные функции, в судопроизводстве нарушались заданные в ст. 123 Конституции РФ¹⁴ состязательность и равноправие сторон, и оно приобретало крен в сторону обвинения. Но и сегодня прокурорские теоретики воспринимают предписанную УПК РФ прокуратуре и логически вытекающую из ее роли представителя государства в суде обязанность поддерживать обвинение по всем делам публичного и частно-публичного характера как сомнительную¹⁵, фактически развивая по меньшей мере странную для государственного органа установку ставить себя над Конституцией РФ. В то же время многие юристы, в том числе судьи Верховного суда, вполне

надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;... надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за исполнением законов судебными приставами;... надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу; уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

¹³ Качалов В. И., Качалова О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации. М., 2002. С. 20-24.

¹⁴ Статья 123.3. Конституции РФ. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

¹⁵ Кобзарев Ф.М. Прокуратура России: правовое положение и перспективы развития. М., 2002. С. 42.

обосновано предлагают оставить прокуратуре обвинение как единственную функцию.

В сущности, уже нагрузка по квалифицированной подготовке и предъявлению обвинения по делам публичного и частно-публичного характера для 51 тысячи прокурорских работников (из них только немногим более 20 тысяч наделены правом поддержания обвинения в суде) более чем достаточна, учитывая крайне высокий уровень уголовной преступности в России. В 2002 году в России зарегистрировано около 2,5 млн преступлений, среди которых тяжкие и особо тяжкие преступления составляют около 50%¹⁶. По заявлению самой прокуратуры «В 2001 году прокуратура участвовала в 623 637 судебных процессах»¹⁷. Это означает, что на каждого обвинителя приходится в среднем 30 судебных процессов в год, некоторые из которых длятся месяцами.

В то же время, поскольку идущая в России правовая реформа принципиально меняет и законы, и процедуры их реализации, сотрудники прокуратуры оказались перед острой проблемой: для квалифицированной подготовки обвинения они должны срочно учиться тем принципиально новым нормам и процедурам в судебном процессе, которым их не учили вчера. Для них это сложно по самым разным основаниям – как принципиально объективным (кардинальные противоречия старых советских норм и процедур и новых российских), так и – учитывая последствия для правового пространства – трагикомически субъективным. Так, прокурор петербургской прокуратуры А. В. Бундин, возражая на процессе М. М. Мирилашвили против применения статьи 86 УПК РФ «Собирание доказательств», сообщил о своем отвращении к ней http://www.mirilashvili.ru/ru/docs/letter_080503. В этом судебном процессе прокуроры многократно проявляли свое пренебрежение к процессуальным нормам, кульминацией чего стало обвинительное заключение, построенное на неподтвержденных исследованными судом доказательствами предположениях и тем самым грубо нарушающее ст. 302.4 УПК РФ. В итоге предъявленные семи так называемым «подельникам» М. М. Мирилашвили обвинения рассыпались в суде из-за их недоказанности, а приговор самому Мирилашвили стал основанием для кассации, в которой описание нарушений закона в деле составило около 100 страниц. Прокурор Бундин не

¹⁶ Краткий анализ состояния преступности в Российской Федерации в 2002 году <http://index.org.ru/turma/st/crim2002.htm?p=>

¹⁷ Устьякин И. Интервью с начальником управления Генеральной прокуратуры России по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Олегом Анкудиновым. <http://www.mediatext.ru/docs/4822?print>

одинок в своем пренебрежении к закону. Целый ряд обвинений прокуратуры поражает своей абсурдностью и даже пренебрежением к закону, прежде всего к процессуальным нормам законодательства. Особенно выделяются абсурдной противозаконностью процессы, которые прокуратура ведет вместе с ФСБ. Таково, например, обвинение И. Сутягина в государственной измене путем разглашения государственной тайны, к которой он не имел доступа <http://www.hro.org/actions/sutyagin/index.htm>. Только благодаря профессионализму выдающегося адвоката Ю. М. Шмидта рухнуло такое же бессмысленно-внезаконное дело по обвинению в государственной измене капитана первого ранга А. Никитина <http://www.bellona.no/ru/international/russia/enviroirights/nikitin/index.html>. Это дело имело целый ряд правовых последствий: решение Верховного суда РФ «Признать незаконными и недействующими с момента их принятия пункты 235, 259, 260, 287, 305, 443, 444, 445, 489 и 650 Перечня сведений, подлежащих засекречиванию в Вооруженных силах Российской Федерации, утвержденных и введенных в действие приказом министра обороны Российской Федерации от 10 августа 1996 г. № 055¹⁸»; серия выигранных А. Никитиным дел о защите чести и достоинства от ангажированных журналистов <http://www.gdf.ru/books/books/delo11/index.html>. По аналогичным основаниям (отсутствие доступа к государственной тайне как базиса обвинения) Ю. М. Шмидт сумел защитить двух пермских журналистов http://www.gdf.ru/content/2003/02/03072003_2.shtml, <http://www.gdf.ru/content/2003/02/06112003>. Последнее дело такого рода – это дело физика Валентина Данилова, которого Красноярский суд присяжных сначала оправдал <http://www.hro.org/actions/danilov/index.php>. Но под нажимом прокуратуры дело было вновь пересмотрено, и ученого осудили.

В то же время торжественные публичные выходы российской прокуратуры на международную правовую арену, как правило, демонстрируют ее недостаточную дееспособность в подготовке обвинения в соответствии с международными правовыми нормами – дела Станкевича, Гусинского, Березовского, Закаева. Низкий уровень профессионализма прокуратуры особенно ярко проявился в деле Ахмеда Закаева. Министр юстиции Дании – правового государства, отклонившего требование России об экстрадиции Закаева, был явно озадачен подходом российской прокуратуры к правосудию <http://www.zakaev.ru/turnover/papers/16188.html>, когда следствию предшествовали обви-

нение и требование об экстрадиции¹⁹. А очередной отказ уже английского судьи Тимоти Уоркмана в экстрадиции Закаева в Россию стал четвертым за год приговором низкой компетентности российской прокуратуры в международном праве и одновременно объективной оценкой законности действий российского правосудия «Отчасти помимо своей воли мне пришлось прийти к неизбежному выводу о том, что если власти не гнушаются применять попытки по отношению к свидетелям, то существует значительный риск того, что попытки будут применяться и в отношении самого г-на Закаева <http://www.zakaev.ru/turnover/papers/50673html>»

Таким образом, сегодня проблема № 1 прокуратуры – необходимость срочно организовать обучение и переобучение ее сотрудников для профессиональной работы в системе предъявления государственного обвинения.

Вторая функция прокуратуры – участие в предварительном следствии.

В этой роли, которая за немногими исключениями не присуща прокуратуре правовых государств²⁰, реализуется не столько профессиональная дееспособность прокуратуры, сколько ее властные амбиции. Для порядка десяти тысяч следователей прокуратуры невозможно полноценное участие в

¹⁹ Обоснование решения министра юстиции Дании об отказе в экстрадиции Ахмеда Закаева <http://www.zakaev.ru/turnover/papers/16188.html>

Большинство свидетельских показаний, предоставленных российскими властями в доказательство вины Ахмеда Закаева, были записаны 30 октября 2002 г. или позже. Следовательно, эти показания были записаны после решения о задержании и аресте Ахмеда Закаева 20 сентября 2001 г. и после требования об экстрадиции Ахмеда Закаева из Дании. В связи с этим непонятно, на каких основаниях было принято решение об аресте и задержании Ахмеда Закаева. В связи с этим следует заметить, что решение об аресте и задержании Ахмеда Закаева было издано российскими властями в связи с обвинениями в криминальной деятельности по постановлению от 20 сентября 2001 г.

Далее надо учесть, что, согласно информации, полученной Минюстом Дании, адвокат Ахмеда Закаева не присутствовал на свидетельских допросах, которые были проведены вне суда.

Большинство показаний свидетелей, записанных в октябре и ноябре 2002 г., относятся к событиям, которые якобы произошли в 1995 и 1996 г. В целом, показания страдают неточностью. Это относится как к описаниям преступлений и времени их совершения, так и к роли Ахмеда Закаева. Также неясно, являлись ли свидетели очевидцами преступлений или же получили информацию от других лиц.

Ознакомившись с уголовным делом и учитывая все вышеупомянутое, Министерство Юстиции Дании находит, что доказательства участия Ахмеда Закаева в криминальных действиях, предоставленные российскими властями для запроса об экстрадиции Закаева, не являются достаточными.

²⁰ Додонов В. Н., Крутских В. Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / Под ред. С.И. Герасимова. – М.: Норма, 2001. — 192 с.; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. — 528 с.

¹⁸ Ответный ход. Дело № 11. М.: Галерея, 2003. С. 213.

следствии по входящим в их компетенцию сотням тысяч дел. В то же время, согласно информации генпрокурора В. Устинова, «в минувшем году прокуратура расследовала более трех миллионов уголовных дел» (Григорий Пунанов. Генпрокурор подвел итоги за 280 лет. // Известия. — 11 января 2002), на каждого следователя приходится по 300 уголовных дел, т. е. по одному делу в день. Но, конечно, генпрокурор погорячился — в январе — декабре 2001 г. зарегистрировано всего 2968,3 тыс. преступлений <http://www.hro.org/editions/hrdef/200201/0203.htm>, из которых до суда доходит не более половины, а потому в компетенции следователей прокуратуры (по составам преступлений) никак не может оказаться более миллиона уголовных дел — если, конечно, они не копили дела несколько лет. При этом даже в находящихся в компетенции прокуратуры делах доказательства получают и исследуют главным образом сотрудники МВД и различных экспертных структур. А потому прокуратура фактически руководит следствием — притом, что все участвующие в нем структуры должны беспрекословно служить ей в соответствии с антиконституционной статьей 22 «Полномочия прокурора» Закона о прокуратуре. В то же время и сами прокурорские работники говорят о недостаточности профессионализма даже прокуроров-криминалистов²¹.

Сегодня во все процедуры предварительного следствия, которое ведет прокуратура, в соответствии с Законом о прокуратуре и в нарушение пяти (!) статей Конституции РФ заложено антиконституционное (согласно решению Конституционного суда) нарушение права человека на информацию. В результате попадания дела в прокуратуру как истец, так и ответчик оказываются в положение людей, от которых закрыта большая часть информации о следствии. При этом сотрудники прокуратуры готовы оспаривать даже заложенные в Конституции и в УПК РФ права на равноправие сторон в следствии. Так, начальник отдела по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью А. Кондин в своих комментариях к УПК РФ на сервере Прокуратуры Омской области <http://prokuratura.omskreg.ru/law.html> сформулировал принципиально новую юридическую идею в понимании равенства сторон — о необходимости для «обвинителя заранее узнать аргументы противной стороны»²².

²¹ Сафин Р. Работа прокуроров-криминалистов. (Криминалистика) (22) (2000-03-06) http://nadzor.vvsu.ru/analit/show_a.asp?id=22

²² «В новом УПК мы видим ряд новых принципов, например, провозглашение принципа состязательности сторон. (Этот новый для крупного государственного чиновника принцип был провозглашен в ст. 123 Конституции РФ еще в 1993 году). В соответствии со ст. 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. С одной стороны

Есть целый ряд иллюстраций неэффективности ведения прокуратурой следствия по особо важным делам. Вот только самые вопиющие и широко известные дела. Это так называемое «Дело Трех Китов», знаменитое дело Нахимовского училища, когда «курсанты подвергались систематическим избиениям и сексуальным домогательствам со стороны ребят со старших курсов» http://www.lenta.ru/russia/2003/11/04/nakhimov/_Printed.htm), а прокуратура отказывала родителям в возбуждении дела в связи с отсутствием судебной перспективы, и дело было возбуждено лишь по постановлению Петроградского районного суда Санкт-Петербурга, подтвержденного городским судом. В конечном итоге приговор эффективности работы прокуратуры в предварительном следствии подписал зам. Прокурора Москвы Юрий Синельщиков, т. е. весьма высокопоставленный сотрудник прокуратуры, в интервью газете «Известия» <http://www.izvestia.ru/politic/article36702>: «кое-где прокуроры в условиях, когда принят новый УПК, принимают решения на догадках, не читая материалов дела. У них просто нет физической возможности изучить все материалы».

Таким образом, очевидно, что для следственной работы прокуратуры характерно несоответствие между гигантским объемом ее компетенций и реальными возможностями их качественного исполнения. От сохранения функций прокуратуры по ведению следствия по особо важным делам страдают не только сами следователи прокуратуры, но, прежде всего и главным образом, все российское правосудие. Пока эти дела не расследуются эффективно, нельзя вообще говорить об успешной борьбе с преступностью.

Сегодня остро необходимо реструктурирование предварительного следствия, поэтому и встает вопрос, кому и зачем нужно участие прокуратуры в нем. Если обратиться к истории, то окажется, что функцией следствия прокуратуру наделила советская власть в процессе легализации своих репрессивных функций, сохранив тем не менее закрытость следственных органов госбезопасности (а по факту и всей деятельности этих органов, в том числе и в ГУЛАГе) и от прокурорского надзора, и от судебного контроля. А так как

этот принцип характерен для законодательства ряда демократических государств, а с другой стороны правоохранительные органы, на наш взгляд, оказываются в несколько менее выгодном положении чем те же обвиняемые и их представители. Это является следствием того, что требование УПК РСФСР об обязательном ознакомлении обвиняемого и его защитников со всеми материалами дела сохранено и в новом кодексе. Таким образом, в суде адвокаты будут обладать полной информацией по делу, а обвинитель лишен возможности заранее узнать аргументы противной стороны (Грамматические ошибки (4!) и мысли — прокурора). <http://prokuratura.omskreg.ru/law.html>

согласно ст. 37 УПК РФ прокуратура является органом обвинения, то сохранение за ней функции участия в предварительном следствии (при этом в особо важных делах) неизбежно ведет к нарушению провозглашенных статьей 123 Конституции РФ принципов состязательности и равноправия сторон с переносом тяжести в сторону обвинения, т. е. фактически к сохранению одного из главных оснований инквизиционной правовой системы — обвинительного уклона правосудия.

Необходимость создания отдельного аппарата следствия точно сформулировал знаменитый «важняк» прокуратуры, выкинутый из системы, видимо, за неуправляемость, Николай Волков: «Я предлагал (и многие, не только я) давно уже вывести следственные аппараты из всех правоохранительных органов, из всех структур, из прокуратуры МВД, ФСБ, и так далее. Чтобы... как у нас говорят, чтобы следственный аппарат не был дубиной в руках вот этих вот структур» <http://www.svoboda.org/programs/FTF/2000/FTF.112600.asp>

Поэтому участие прокуратуры в предварительном следствии ставит следующие проблемы:

Проблема № 2 — остро необходимо создать единый следственный аппарат, независимый от всех правоприменительных структур как условие профессионализма ведения предварительного следствия.

Проблема № 3 — необходимо защитить конституционные права гражданина — как истца, так и ответчика — на информацию о предварительном следствии: нарушаемые квазизаконно прокуратурой, они затем незаконно нарушаются и милицией, и ФСБ.

Третья функция прокуратуры — надзор за предварительным следствием.

Прежде всего, поскольку прокуратура — главная сторона обвинения, это продолжает и развивает обвинительный крен предварительного следствия уже по всему диапазону уголовных дел. Не случайно в правовых государствах прокуратура, как правило, не исполняет одновременно обе функции — участие в следствии и надзор за ним. Подробный анализ данной проблемы имеется в монографии Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2003. — 720 с., которую можно назвать энциклопедией высокопрофессионального анализа проблем, стоящих перед российским правосудием.

Эту функцию прокуратуры можно назвать юридическим нонсенсом, поскольку в условиях тоталитарного права прокуратуры единолично «казнить и миловать» своих сотрудников она предполагает некую особую со-

знательность сотрудников прокуратуры в осуждении своих коллег. Законом прокуратуре, в сущности, вменяется в обязанность роль знаменитой унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекла» — притом, что никто другой не имеет права ее «сечь». Очевидно, что прокуратура, как и любая тоталитарная структура, к этой роли явно не готова — что и доказывает практическая безнаказанность любых, даже самых серьезных нарушений закона ее сотрудниками. Имея надежную законодательную базу для своей защиты в статье 42 Закона о прокуратуре и в ряде других законов и подзаконных актов, прокуратура живет, можно сказать, по принципу «Своих не выдавать!»

Иллюстрации эффективности надзора прокуратуры за следствием и, соответственно, самого следствия многочисленны. Прежде всего, у прокуратуры есть два разных правосудия. Для одних нет наказания за реальные преступления. Это, прежде всего, сотрудники прокуратуры. Так, до сих пор неизвестны результаты дела заместителя прокурора Иркутского района Иркутска Ивана Ильина, 26 июня 2003 года при многочисленных свидетелях жестоко избившего повредившего мячом его окно двенадцатилетнего мальчика (Зампрокурора избил ребенка <http://www communists.ru/index.php?pageId=6&view=217>). Было закрыто дело петербургской прокуратуры о неуплате налогов при ее ремонте и закупках по мифическим ценам канцелярской мебели — своего рода тринадцатый подвиг бывшего прокурора Санкт-Петербурга В. Еременко и его заместителя И. Сыдорука. «По некоторым данным, исходя из самых скромных подсчетов, при строительстве, ремонте и оборудовании здания городской прокуратуры было похищено и истрачено нецелесообразно около 4 миллионов 637 тысяч долларов из федерального бюджета. Часть средств не вернулась государству в виде налогов, часть была выплачена по завышенным расценкам». Хотя этих денег хватило бы, например, для создания ряда приютов для беспризорных детей в Санкт-Петербурге, но гораздо важнее то, какое космическое великолепие (например, столы «Метрополь» и «Космос», кресла «Жозефина», Отто и другие, как и еще многое столь же прекрасное) смогут увидеть в небольшом здании в центре Санкт-Петербурга с вывеской «Санкт-Петербургская прокуратура» прокуроры, адвокаты и зрители сериала о деятельности прокуратуры «Тайны следствия». Более того, видимо, даже такие олигархи, как М. Ходорковский и П. Лебедев, в отличие от прокуратуры культурной столицы, не могут себе позволить закупать для своих офисов металлические коробки для мыла по \$181, коврики для обуви по \$3616 и мангалы по \$2580. Прокурор Владимир Еременко ушел из прокуратуры,

был подобран Минюстом и назначен начальником Управления Минюста по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Руководство московской прокуратуры, прямо уличенное в том, что закрывало дела и отпускало бандитов и тем самым многократно нарушило статью 300 УК РФ (незаконное освобождение от уголовной ответственности), отделалось легким испугом – при этом Прокурор Москвы был переведен в советники Генерального прокурора, а его бывший заместитель стал Прокурором Москвы. Нарушения этой уголовной статьи всегда остаются безнаказанными для сотрудников прокуратуры, о чем говорит целый ряд публикаций. Вот широко известные примеры. Прокурор Буденновска неоднократно прекращал расследование явных преступлений, совершенных сотрудниками МВД, Заместитель прокурора Санкт-Петербурга Б. Салмаков (теперь бывший) сделал возможным бегство крайне опасной банды преступников²³. В деле Мирилашвили суд раз за разом открывал упорно закрываемые прокуратурой дела о серьезных уголовных преступлениях (похищение пожилого больного диабетом человека с одновременным угон машины и рядом других отягчающих обстоятельств, избивание подследственных). Безнаказанным остается и нарушение прокуратурой статьи 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий)²⁴, Бывший Прокурор Санкт-Петербурга И. И. Сыдорук в деле М. М. Мирилашвили требовал уволить не давших угодные прокуратуре показания офицеров милиции и только после

²³ «4 декабря 2001 года 11 обвиняемых по громкому делу “банды Борисова” с подачи горпрокуратуры были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде, сделав реальной возможностью того, что обвиняемые, получив неожиданный шанс, скроются и дело развалится... Подсудимым вменялись в вину организация преступного сообщества, бандитизм, вымогательства, похищения людей, заказные убийства... (Новая газета 24.12.2001)».

²⁴ Статья 286. Превышение должностных полномочий

1. Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, —

наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, —

наказывается штрафом в размере от пятисот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

жалоб офицеров судья уговорил его забрать свои представления. Показательно, что И. Сыдорук после всех нарушений Закона был снят с должности прокурора Санкт-Петербурга и... назначен сначала советником Генерального прокурора, а затем прокурором Московской области и даже заместителем генерального прокурора по Южному Федеральному округу.

Прокуратура сама нарушает и позволяет другим чиновникам нарушать основополагающий для правового государства принцип презумпции невиновности, как будто бы гарантируемой статьей 49.1 Конституции РФ и статьей 14 УПК РФ. Так, отважный бывший прокурор Санкт-Петербурга И. Сыдорук не боится нарушать этот принцип, поскольку он может себе позволить раз за разом не ходить на суды по искам о защите чести и достоинства тех, кого он публично обвинил в преступлениях, которых не было (согласно решениям суда) – дело бывшего спикера законодательного собрания Санкт-Петербурга Юрия Кравцова. И никто не доставит Сыдорука в суд с помощью спецназа, и никто из вышестоящих начальников его не накажет. Рекордсменом в этой сфере борьбы с принципом презумпции невиновности является, конечно, басистый голос прокуратуры – В. Колесников, который еще шесть лет назад, будучи зам. Министра внутренних дел, торжественно сообщил журналу «Итоги»: «Убито более двадцати четырех тысяч граждан, и к концу года, к сожалению, уьем еще более шести тысяч с половиной» (Итоги, 1998, № 48). А в деле ЮКОСа Колесников даже оценил до суда вину сотрудников ЮКОСа в цифрах.

Но если грубо нарушающие закон сотрудники прокуратуры не только не наказываются даже за описанные в средствах массовой информации грубые уголовные преступления, но, как правило, остаются в прокурорской системе, а нередко даже идут на повышение, то возникает подозрение, что все они в принципе нужны системе. Презумпция невиновности не позволяет до суда обвинять сотрудников прокуратуры в преступных намерениях или даже в халатности. Но тем не менее очевидно, что руководство прокуратуры не может и не хочет терять своего права стоять над «Законом», т. е. сохранять и развивать роль неподконтрольной правовой номенклатуры. Число публикаций о нарушениях закона сотрудниками прокуратуры крайне велико – сотни только в «Новой газете». Но практически все нарушители закона остаются безнаказанными или отделяются легким испугом. Конечно, в этих публикациях есть и ошибки, и неточности, но надо отметить, что обращения сотрудников прокуратуры в суд крайне редки.

Большинство неподсудных правонарушителей – это как, правило, какая-то номенклатура. Это освобожденные от ответственности 150 гене-

ралов и адмиралов (10% от всего высшего командного состава ВС РФ) по списку Баранца²⁵. Прокуратура успешно защищает честь их мундира (но не Вооруженных сил РФ) самыми разными способами – амнистия, изменение обстановки, отсутствие общественной опасности <http://www.gprf.info/dela/glav/index.html>. Есть и другие неподсудные правонарушители (губернаторы, менеджеры крупных компаний, силовики и чиновники), о чем свидетельствует целый ряд публикаций: 20.10.2003 • У «ЕДИНОЙ РОССИИ» ЖЕЛЕЗОБЕТОННАЯ КРЫША — ГЕНПРОКУРАТУРА РФ, Партия закрытых уголовных дел — <http://www.compromat.ru/main/edrussia/ugdela.htm> — <http://www.compromat.ru/main/edrussia/spisok.htm>, дело Бабича. Общая формула, видимо, такова: прокуратура старательно защищает всех, кто уже защищен своим положением гражданских или военных чиновников, но зато она грозно обрушивается на тех, кто лишен статуса. А потому, при традиции ареста и многомесячного или даже многолетнего содержания под стражей за незначительные правонарушения типа мелкой кражи и последующего сурового наказания, практически все высокопоставленные нарушители закона и в процессе расследования их дел, и затем остаются на свободе. Объяснение этого правового парадокса ПОЧЕМУ В РОССИИ КРАЖА ГУСЯ ЧРЕВАТА ТЮРЬМОЙ, А ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО — СВОБОДОЙ дано в газете «Стрингер» адвокатом Михаилом Ворониным «Кому не полагалась норковая шапка <http://www.stringer-news.ru/Publication.mhtml?PubID=2535&Part=39>» В постсоветской России, как и в СССР, высокое властное положение, как правило, надежно защищает даже уличенного преступника. Не случайно из многочисленных олигархов под суд попали именно те, кто ни в СССР, ни в России никогда не был в номенклатуре, а дела всех гражданских и военных чиновников с высоким статусом (например, громкие дела вице-губернаторов Санкт-Петербурга) завершились сущим пустяком. Для разрешения такого рода дел в УК РФ есть несколько очень симпатичных статей: Статья 15. «Категории преступлений. 2. Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает двух лет лишения свободы. 3. Преступлениями средней тяжести признаются умыш-

ленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, превышает два года лишения свободы», Статья 78. «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки: а) два года после совершения преступления небольшой тяжести...», Статья 77. «Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными». В то же время все нарушения чиновников прекрасно можно уложить в следующие статьи: Статья 293. «Халатность», согласно которой предел наказания — исправительные работы до одного года, а даже при тяжких последствиях (например, смерть человека) «недобросовестного или небрежного отношения» чиновника к службе срок лишения свободы не превышает пяти лет (но можно ограничиться и двумя). Есть еще целый ряд серьезных преступлений против конституционных прав и свобод человека (неприкосновенность частной жизни, невыплата зарплаты, нарушение правил охраны труда, фальсификация избирательных документов и т. д. и т. п.), которые согласно статьям 136–149 УК РФ независимо от их последствий тоже прекрасно можно уложить в два года лишения свободы (а на худой конец, в пять). Поэтому прокуратуре достаточно затянуть следствие на два года, затем предложить наказать чиновника по данным статьям не более чем на два года и потом освободить от уголовной ответственности. Или, на худой конец, апеллировать к изменению обстановки, что вполне резонно, поскольку обстановка всегда меняется.

Рассмотрим практические и правовые результаты сохранения за прокуратурой контроля за следствием. С позиций практики правосудия очевидно, что отсутствие объективного контроля прокуратуры за предварительным следствием в особо важных делах, которые она ведет, создает безграничные возможности для нее уже не только в употреблении своей власти, но, прежде всего и во многом, в злоупотреблении ею, что демонстрирует любое громкое дело. Одновременно на уровне предварительного следствия создаются условия для сохранения и развития инквизиционной правовой системы на основе могущественного и нередко противозаконного альянса сторон обви-

²⁵ Баранец В. Неподсудные генералы //Комсомольская правда, 2003, июль 7, 8,9,10, 12

<http://www.kp.ru/daily/23066/4810/print/> <http://www.kp.ru/daily/23067/4846/print/>
<http://www.kp.ru/daily/23068/4867/print/> <http://www.kp.ru/daily/23070/4917/print/>
<http://www.kp.ru/daily/23071/4970/print/>

нения – МВД, ФСБ, прокуратуры. Противостоять такой коалиции в условиях формальной бесконтрольности прокуратуры и фактической бесконтрольности МВД и ФСБ почти невозможно. Это демонстрируют многочисленные дела ученых – дела Сулягина, Никитина, Пасько, Данилова и другие, менее известные. Отдельные случаи противостояния этому альянсу российских судов можно назвать своего рода подвигами во имя Закона. Но это относится только к окончательным приговорам, практически все нарушения в ходе предварительного следствия остаются безнаказанными. Тамара Моршакова – один из наиболее профессиональных юристов России – прямо сообщила Президенту РФ: «...Многие правонарушения сотрудников милиции и других правоохранительных органов, даже если они выявляются подразделениями их собственной безопасности, остаются безнаказанными по причине фактического бойкота со стороны сотрудников прокуратуры. ...Законом вообще не предусмотрены какие-либо механизмы, исключающие произвол прокуратуры при решении вопроса об уголовном преследовании. Это касается в том числе нарушений, допускаемых самой правоохранительной системой».

В конечном итоге, раз официально признаны многочисленные (а фактически бесчисленные) нарушения законности в предварительном следствии в России, то очевидно, что прокуратура с надзором за следствием не просто не справляется, но явно не может его профессионально вести. В то же время сохранение за прокуратурой функции надзора за следствием в принципе антиконституционно в связи с ее ролью главной стороны обвинения и с сохранением противоречий в Законодательстве о ней закрепленным в Конституции РФ правам человека и равноправием сторон права. В мировой практике наиболее эффективным институтом контроля за следствием является институт следственных судей. Но, несмотря на мнение большинства юристов и правозащитников, на пути его создания в России твердо стоит прокуратура. Ее позицию можно понять, если просчитать очевидные последствия создания этого института для прокуратуры. Первый шаг на пути обеспечения законности предварительного следствия – отмена системы внесудебных санкций об аресте как противоречащей Конституции РФ – уже вдвое уменьшил число арестов в Москве. Если же все-таки будет сделан следующий шаг по этому пути, создание института следственных судей, это неизбежно принципиально изменит всю правовую систему в направлении реальной состязательности и равенства сторон права и одновременно разовьет возможности защиты прав человека. Во-первых, суд начнет по существу рассматривать все санкции на арест, поскольку ему предстоит и в дальнейшем разбирать нарушения

в предварительном следствии. Во-вторых, независимый от участников следствия институт следственных судей будет рассматривать законность уже всего следствия. В результате судом будут по существу рассматриваться уже все нарушения законности в предварительном следствии. Если же одновременно будет создан самостоятельный институт следствия, то конечным результатом окажется совпадение интересов суда и предварительного следствия в законности следствия и в тесно связанных с ним обоснованности и доказанности обвинений – главного доказательства качества их работы. В свою очередь повышение эффективности и законности предварительного следствия повысит требования и ко всем другим компонентам правосудия – обвинение, защита, судебное следствие. Всему этому должен предшествовать ряд шагов в приведении законодательства в соответствие с Конституцией РФ: устранение прямых нарушений Конституции, создание непротиворечивой системы процессуальных норм и санкций за их нарушения и, наконец, законодательное обеспечение возможности гражданского контроля за соблюдением прав человека правоприменительными органами.

Эта радужная для законолюбивых граждан картина конституционного, законопослушного и эффективного правосудия отнюдь не привлекательна для многих сегодняшних сотрудников правоприменительных органов, поскольку для них это означает ограничение возможностей произвола и коррупции и одновременно резкое повышение требований к качеству их работы. Это равно относится ко всем правоприменительным структурам, но прежде всего и главным образом к прокуратуре. Если недостатки в деятельности таких правоприменительных органов, как суд, МВД, Министерство юстиции, органы исполнения наказания, сегодня широко обсуждаются, то прокуратура по-прежнему функционирует во многом вне закона и практически полностью вне контроля и гласности, а все призывы ее реструктурировать остаются «гласом вопиющего в пустыне». Очевидно, что процесс приведения Законодательства РФ в соответствие с правовыми нормами Конституции РФ (в том числе с принятыми Россией международными правовыми актами) потребует кардинальных изменений в деятельности прокуратуры: придется привести законодательство о прокуратуре в соответствие с этими нормами, а ее полномочия – в соответствие с ее реальными профессиональными возможностями. Это означает, что прокуратура потеряет свою роль незаконной и даже противозаконной правовой номенклатуры. Итогом неизбежного введения принятых в правовых государствах механизмов контроля над деятельностью прокуратуры станет разрушение мифа о российской прокуратуре как

высокоэффективной правовой структуре. Таким образом, право на надзор за предварительным следствием есть *ultima ratio* сегодняшней прокуратуры. В конечном итоге именно отказ от этого права может стать началом для формирования прокуратуры как высокопрофессиональной правоприменительной структуры, т. е. института правового демократического государства.

Все это означает, что сегодня главная проблема российского правосудия: *проблема № 4 — как создать институт надзора за законностью предварительного следствия, который заинтересует всех участников правосудия (в том числе и прокуратуры) в качестве их работы.*

Четвертая функция прокуратуры — общий надзор.

Проблема роли прокуратуры в общем надзоре профессионально проанализована в книгах: «И. Л. Петрухин. Прокурорский надзор и судебная власть. Учебное пособие. — М.: Проспект, 2001, — 88 с. <http://remington.samara.ru/~process/petruhin/pred.html> и коллективная монография Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2003.— 720 с. Разберем критические точки этих проблем.

Общий надзор — это сфера деятельности, требующая специального профессионализма. Сегодня в России функционируют специализированные структуры надзора за нормотворчеством в сфере законодательства — Министерство юстиции (с его региональными управлениями), Конституционный и уставные суды. Встает вопрос, почему этим занимается еще и прокуратура. Ответ на него дает И. Л. Петрухин: «Наша прокуратура с ее функцией общего надзора — рудимент средневековья, оживший в странах с тоталитарным режимом (в прошлом — СССР, государства Восточной Европы) для всеобъемлющего контроля за государственными институтами, обществом, поданными. Надобность в общем надзоре возникала особенно в те периоды, когда центральная власть стремилась к укреплению своих позиций в борьбе с сепаратизмом. Сторонники общего надзора указывают на то, что и в настоящее время в России сложилась именно такая ситуация. Но общий надзор возник и окреп, когда существовал единый Советский Союз и центробежных тенденций еще не наблюдалось»²⁶. Но, может быть, И. Л. Петрухин неправ в принципе? И здесь надо посмотреть на роль прокуратуры в общем надзоре с точки зрения ее законности и реализуемости.

²⁶ Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть: Учебное пособие. — М., 2001. С. 17. <http://remington.samara.ru/~process/petruhin/pred.html>

Прежде всего, уже в самом Законе о прокуратуре, как постановил Конституционный суд, есть три противоречия с более чем десятком статей Конституции РФ, одно из которых прямо относится к общему надзору. Но в нарушение Федерального конституционного закона о Конституционном суде (прямое и непосредственное исполнение его постановлений) антиконституционные статьи в Законе о прокуратуре сохранились — притом, что в функции прокуратуры входит и надзор за исполнением Конституции. Это злостное неисполнение федерального конституционного Закона делает прокуратуру уже не только антиконституционной структурой (ответственность за это она разделяет с депутатами Государственной Думы РФ), а фактически организованным преступным сообществом, сознательно и систематически нарушающим один из главных законов правового государства. Антиконституционными является и ряд других норм законодательства о деятельности прокуратуры. Таким образом, встает сакраментальный вопрос: государственный орган, который не желает соблюдать закон, имеет ли юридическое право и может ли профессионально осуществлять надзор за исполнением законов другими структурами и гражданами? Но этот вопрос остается риторическим до тех пор, пока проблема законности деятельности прокуратуры не станет предметом рассмотрения Государственной Думы РФ.

При этом сама прокуратура вполне удовлетворена своей деятельностью в этой сфере. Как говорит Генеральный прокурор В. Устинов, «прокурорский корпус относительно неплохо поработал над тем, чтобы незаконное нормотворчество не разъедало систему власти и единство правового пространства. За истекший год опротестованы положения 3 тысяч незаконных актов представительных и исполнительных органов субъектов Федерации и свыше 50 тысяч — органов местного самоуправления»²⁷. За предыдущие годы отчетные результаты деятельности прокуратуры в этой сфере еще значительнее: «Приводятся ошеломляющие цифры объема общенадзорной работы: за полтора года выявлено и в основном устранено 400 тысяч нарушений различных законов, за два года по протестам прокуроров отменено более 120 тысяч противоречащих законодательству актов органов представительной и исполнительной власти... прокуроры нередко поручают общенадзорные проверки ревизорам и другим специалистам. Проводится нечто вроде общенадзорного расследования, но чужими руками. Причем явка ревизора или специалиста по вызову

²⁷ Выступление Генпрокурора России Владимира Устинова на расширенной коллегии Генпрокуратуры. «Прокуратуры, к которой все привыкли, уже не будет». <http://www.strana.ru/print/111374.html>

прокурора и проведение ими соответствующих работ рассматриваются как их обязанность, неисполнение которой влечет ответственность»²⁸ (по статье 17.7 КоАП РФ²⁹). Очевидно, что прокуратура отчитывается (статистикой, которую невозможно проверить) за такой гигантский объем работы по общему надзору, который – даже если забыть, что у нее уже есть весьма серьезные проблемы с реализацией трех выше указанных функций – она в принципе не способна выполнить сама. А потому все эти впечатляющие гигантские достижения прокуратуры в общем надзоре – результат не ее самостоятельной надзорной деятельности (для этого у нее нет ни физических возможностей, ни специального профессионализма), а прямое следствие того, что в статье 22 Закона о прокуратуре прямо заложена феодальная зависимость от нее всех контролирующих органов, о чем генеральный прокурор В. Устинов говорит: «Нам необходимо сосредоточить усилия на надзоре за исполнением законов контролирующими органами. Обеспечение законности и полноты мер, принимаемых ими для устранения нарушений и ответственности нарушителей, позволит меньшими силами добиться большего эффекта надзорной деятельности»³⁰. Смысл этого витиеватого высказывания в том, что прокуратура ставит себя в положение уже не надзорной, а наднадзорной инстанции, стремясь тем самым подменить собой целую систему правоприменительных и представительных органов, которые должны во взаимодействии добиваться формирования полноценного правового пространства. Особенно чревато сохранение роли прокуратуры в общем надзоре тем, что это «препятствует созданию административной юстиции», предназначенной для рассмотрения в судебном порядке жалоб граждан на решения и действия органов исполни-

²⁸ Мельников А. О состоянии и совершенствовании надзора за исполнением законов и законностью правовых актов // Законность. 1998. № 3. С. 7—15. (Цит. по: И. Л. Петрухин. Прокурорский надзор и судебная власть. Учебное пособие. – М.: Проспект, 2001. С. 19).

²⁹ Статья 17.7. КоАП РФ. Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении

Умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц — от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда.

³⁰ Выступление Генпрокурора России Владимира Устинова на расширенной коллегии Генпрокуратуры. «Прокуратуры, к которой все привыкли, уже не будет». <http://www.strana.ru/print/111374.html>

тельной власти³¹. Не случайно, как указывает И. Л. Петрухин, «в цивилизованных правовых государствах в качестве средства контроля за чиновничьим аппаратом используется судебная жалоба гражданина, права которого оказались нарушенными. В результате рассмотрения таких жалоб суд не только защищает права граждан, но и выявляет нарушения законности в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства»³².

Сегодня в общем надзоре прокуратура – явно лишнее и слабо профессиональное (что доказывает антиконституционность законодательства о ней) звено, которое лишь затрудняет этот надзор и делает его закрытым и произвольным. В конечном итоге очевидно: для прокуратуры сегодня общий надзор – это еще один способ реализации своей власти и демонстрации «своих» достижений.

Таким образом, *проблема № 5 – как освободить прокуратуру от функции, прямое исполнение которой ее сотрудниками фактически невозможно, и тем самым одновременно освободить контролирующие органы от роли бесправных вассалов властных амбиций прокуратуры.*

Пятая функция прокуратуры – надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Это еще один из тех аспектов в деятельности прокуратуры, против которого возражают юристы Совета Европы. «Институт, главная функция которого заключается в том, чтобы выдвигать обвинение (например, в уголовном правонарушении) и который, следовательно, априори защищает интересы государства, не может одновременно противостоять государству». И далее прямо говорится о том, чьи функции – защита прав человека³³. При этом целый ряд грубых нарушений гарантированных Конституцией РФ прав человека заложены уже в Законе о прокуратуре, что, как уже говорилось ранее, отмечено Конституционным судом РФ. В который раз встает вопрос, как правоприме-

³¹ Михайловская И. Проблемы посткоммунистической прокуратуры. Конституционное право; Восточно-Европейское обозрение. 1999. № 1/2. С. 73—74.

³² Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть. С. 17-18. <http://remington.samara.ru/~process/petruhin/pred.html>

³³ Рудольф Биндиг, Германия, Эрнст Мюлеманн, Швейцария. Информационный доклад Комитета по соблюдению обязательств государств-членов Совета Европы (Реформа прокуратуры) (2000-10-19) http://nadzor.pk.ru/analit/show_a.php?id=154

В принципе, функция надзора за органами управления должна, несомненно, принадлежать административным судам, а функция защиты прав человека, столь же несомненно, должна принадлежать независимому от прокуратуры институту, например, Уполномоченному по правам человека, омбудсману или другому аналогичному институту.

нительный орган может успешно защищать то, что он нарушает уже в главном законодательном акте, регулирующем его деятельность? Одновременно возникают два других вопроса: если законные права человека нарушены, кто и что мешает Прокуратуре прямо обращаться в суд и возбуждать дело и в чем же состоит специальный надзор Прокуратуры за соблюдением прав и свобод человека? Сами представители прокуратуры говорят об этом так: «Прокурор, разбираясь с жалобой, в отличие от суда, не может принять решение по существу, он вправе лишь отреагировать на допущенное нарушение закона посредством принесения протеста, представления»³⁴. Но тогда рождается еще ряд вопросов: почему этот протест не может принести, например, омбудсман; и что мешает гражданину России обратиться в суд со своей жалобой на представителя власти — притом, что помощь в этом может ему оказать его депутат или представитель общественной организации? Есть большие сомнения в том, что, например, представления или протесты прокурора (без возбуждения дела) могут изменить правовую, а точнее антиправовую ситуацию в Чечне или в армии. А довод прокуратуры о том, что «она ежегодно обеспечивает эффективное и бесплатное обслуживание миллионов граждан в сфере защиты их прав», упирается в две банальные проблемы: как это ей удастся после всех ее непомерных трудовых подвигов в других сферах правоприменительной деятельности; и если эта «защита прав миллионов граждан» так эффективна, то почему все — от президента до правозащитников (кроме представителей прокуратуры) — говорят, что в этой сфере дела очень плохи.

Попробую оценить реальную эффективность этого направления работы прокуратуры с позиций защиты прав человека, изложенных в Конституции РФ и в принятых Россией международных правовых актах. Наиболее острыми проблемами в области прав человека, несомненно, являются те, что связаны с жизнью граждан сегодня (экология, предпринимательство, трудовые права, права инвалидов и пенсионеров) и будущим страны (защита прав детей и молодежи). Хотя все нарушения в этих сферах имеют высокую общественную опасность, но достижения прокуратуры во всех этих направлениях трудно признать выдающимися. В том же выступлении на коллегии сам Генеральный прокурор В. В. Устинов³⁵ говорит о недостаточности ее дея-

³⁴ Качалов В. И., Качалова О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации М., 2002. С. 79.

³⁵ Выступление Генпрокурора России Владимира Устинова на расширенной коллегии Генпрокуратуры. «Прокуратуры, к которой все привыкли, уже не будет». <http://www.strana.ru/print/111374.html>

тельности по борьбе с нарушениями фундаментальных прав человека: «при распространенности нарушений законодательства о земле, хищническом природопользовании всеми прокурорами России за год было возбуждено 34 уголовных дела, подготовлено исков на 2 млн руб., из которых присужден ко взысканию один. Прошел год. Изменилась ли картина? Отнюдь — за нарушения Земельного закона возбуждено 53 уголовных дела. А исков предъявлено на 3 млн руб.». Но одновременно там же Устинов говорит и о том, что «была расформирована Московская межрегиональная природоохранная прокуратура» на основании того, что «прокуроры ходили по московским рынкам и проверяли наличие у продавцов санитарных книжек, а с пожарниками — не жгут ли на Лосином острове граждане костры... При обнаружении этих "грубых" правонарушений возбуждали административные производства». Такая деятельность сотрудников прокуратуры рассматривается В.В. Устиновым как «профанация надзора». Парадоксально, что создание реальных угроз и массового распространения инфекционных болезней, и пожаров в заказнике на территории Москвы не рассматриваются Генеральным прокурором как грубые правонарушения. Не случайно виновники многочисленных отравлений детей и даже эпидемий — дизентерии, гепатита и т. п., пожаров с человеческими жертвами в детских учреждениях отделяются, как правило, легким испугом — благодаря, мягко говоря, некоторой халатности прокуратуры. Серьезного внимания прокуратуры в ее конкретной деятельности не удостоены: детские проституция и порнография, проблема несовершеннолетних беспризорных, противозаконная деятельность многочисленных детских фондов, торговля детьми и женщинами. Не справляется прокуратура и с борьбой с нарушениями прав человека при задержании, содержании в органах предварительного задержания и исполнения наказания. Так, в изоляторах временного содержания, тюрьмах и лагерях, по официальным данным, на 1 октября 2003 г. из 839 799 человек 76 877 человек больны туберкулезом I и 2 группы и 35 384 ВИЧ-инфицированы (Статистические сведения об уголовно-исполнительной системе России по состоянию на 1 октября 2003 г. <http://index.org.ru/turma/st/st031031.htm?p=>). Это означает, что в местах заключения и временного содержания в результате отсутствия надлежащих лечения и предохранения созданся конвейер заражения этими инфекционными болезнями (и можно предположить, что и другими — например, гепатитом) как заключенных, так и прямо контактирующих с ними 330 778 человек персонала и сотен тысяч родственников. Сегодня эти болезни все быстрее распространяются по стране, и фактически готовится национальная катастрофа.

рофа. Обвинительный уклон правосудия для незащищенных рядовых граждан (в том числе и несовершеннолетних), который прямо реализует прокуратура, означает, что даже за незначительные преступления их годами держат в следственных изоляторах в антисанитарных условиях. Выйдя на свободу, больные и озлобленные, бесправные и бесполезные жертвы национального правосудия готовы стать палачами того общества, которое так жестоко наказало их главным образом за незначительные преступления – притом что на свободе остаются бесчисленные коррупционеры и грубо нарушающие Закон чиновники. В блестящем эссе «Завтра мы встретимся» об этом написал один из самых выдающихся современных российских (а точнее российско-испанских) писателей Рубен Гальего <http://index.org.ru/journal/18/18-gallego.html>.

Крайне незначительны и результаты борьбы прокуратуры с чиновничьим рэккетом, который прямо нарушает права человека. Это признает и сам В.В. Устинов: «На всю страну – 700 "дисциплинарок", полтысячи наказанных в административном порядке и 450 уголовных дел. Это притом что административный произвол, давление на бизнес, особенно средний и малый, со стороны чиновников, да и некоторых правоохранителей, стал рядовым явлением»³⁶. Хотя общеизвестно, что в армии ежегодно гибнет более тысячи человек и подвергаются насилию многие тысячи, солдаты продаются офицерами в рабство и направляются на незаконные строительные работы, в Чечне многие годы местные жители подвергаются насилиям и грабежам, но В. В. Устинов в том же выступлении говорит: «...по сравнению со многими территориальными прокуратурами три с половиной тысячи военных прокуроров значительно эффективнее обеспечивают надзор за исполнением законов в полуторамиллионной армии и законностью правовых актов командования и органов военного управления».

Как сообщает Генеральный прокурор в своем докладе Государственной Думе, малоэффективна борьба с нецелевым расходованием бюджетных средств – т. е. с тем, что прямо приводит и к отключениям электричества, отопления, водоснабжения и к многочисленным авариям в сфере городского хозяйства. За пределами систематической деятельности прокуратуры остаются грубые нарушения трудового законодательства, в том числе невыплата и незаконное использование зарплаты бюджетников государственными структурами; ведущие к техногенным катастрофам многочисленные нару-

³⁶ Выступление Генпрокурора России Владимира Устинова на расширенной коллегии Генпрокуратуры. «Прокуратуры, к которой все привыкли, уже не будет». <http://www.strana.ru/print/111374.html>

шения экологии, техники безопасности и противопожарной безопасности; нецелевое использование государственных средств на восстановление Чечни и на помощь пострадавшим от природных катастроф. Этот список можно продолжать еще долго.

Вывод очевиден. Прокуратура, взяв на себя деятельность по защите прав человека и в принципе не справляясь с ней – о чем прямо говорят высказывания Генпрокурора, фактически стоит препятствием на пути развития эффективной системы правозащитной деятельности. Несмотря на все более угрожающую для будущего и настоящего России ситуацию в области прав человека, законодатели, наивно полагаясь на прокуратуру, не торопятся создавать базис реальной правозащитной деятельности. В конце концов так называемая «правозащитная» деятельность прокуратуры стала прямым противником развития правового государства. Она тормозит принятие необходимого законодательства и создание эффективных правозащитных государственных структур (прежде всего, административных судов и судов по трудовым спорам) и общественных организаций и мешает формированию личной активности граждан в защите своих прав. До сих пор практически невозможен эффективный общественный контроль за соблюдением прав человека в армии, органах правопорядка и отбывания наказания, в детских учреждениях, в разнообразных интернатах.

Таким образом, *проблема № 6 – необходимо срочно создать профессиональную систему правозащитной деятельности по эталонам демократических государств и обеспечить ее законодательством.*

Шестая функция прокуратуры – координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Как указано в статье 8. 1. Закона о прокуратуре «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов налоговой полиции, органов таможенной службы и других правоохранительных органов». Реальные функции прокуратуры в этой сфере деятельности не только непонятны, но фактически не определены законодательством, поэтому необходимость в этих новых по сравнению с СССР полномочиях прокуратуры более чем сомнительна.

Борьба с преступностью – это глубоко системная и строго профессиональная деятельность многих представительных, исполнительных, контрольных и правоприменительных органов. Непонятно, что в ней и как координирует

прокуратура и чем же эта координация принципиально отличается от ее деятельности по обвинению, ведению предварительного следствия и надзору за ним. Заявления прокуратуры о своей особой роли не сказываются на том, что одновременно с ростом преступности борьба с ней становится все менее эффективной. Наиболее громкие дела в этой сфере, в том числе международные, прокуратура успешно «завалила». Более того, известно, что прокуратура фактически препятствовала расследованию деятельности целого ряда организованных преступных групп – в том числе в органах МВД. Очевидно, что прокуратура опять пытается – но уже в новой сфере – реализовать столь приятную для нее наднадзорную функцию, хотя отчитываться в этой сфере ей уже совсем нечем, кроме деклараций о намерениях и проваленных дел. Эта лишь очередная, уже совершенно бессмысленная претензия прокуратуры на роль наднадзорной инстанции, крайне опасна для правосудия. Так как эта чисто идеологическая координация деятельности (поскольку она не имеет полноценной процессуальной основы в законодательных и нормативных актах), подменяет систематическую работу по реальной борьбе с преступностью. Более того, сама идея координации борьбы со всей преступностью – это идеологический изыск в стиле советского глобализма, который не имеет аналога в правоприменительной практике правовых государств. Очевидно, что эффективной может быть лишь координация борьбы с конкретными видами преступности – с организованной преступностью, международной преступностью, распространением наркотиков, терроризмом и т.п.

Таким образом, *проблема № 7 – необходимость срочно избавиться прокуратуру от ее последней (как по времени приобретения, так и по эффективности) роли наднадзорной инстанции – от в принципе бессмысленных полномочий идеологического координатора в борьбе с организованной преступностью, ибо это фактически тормозит формирование эффективной системы профессиональной деятельности в этой сфере.*

Часть третья: ПРОКУРАТУРА: ВЛАСТЬ contra ЗАКОН

Исходя из вышеизложенного, важно рассмотреть общие нерешенные – и многие годы нерешаемые – проблемы в деятельности прокуратуры.

А. Проблема правовых оснований деятельности прокуратуры

– Законодательство о прокуратуре грубо нарушает (в том числе в шести статьях Закона о прокуратуре) восемнадцать (!) статей Конституции РФ и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». Оказывается, что деятельность наделенного максимальными полномочиями

правоприменительного органа России фактически противозаконна, даже антиконституционна. Если нарушения Конституции РФ, источником которых являются главным образом законодательные нормы, возникшие до ее принятия, можно отнести к консервативности сформированных в СССР позиций руководства прокуратуры, то противозаконное неисполнение постановлений ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» является уже прямым вызовом прокуратуры Закону. Но заместитель директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ В. Г. Бессарабов одновременно наивно и цинично утверждает: «При этом основной отличительной особенностью прокуратуры является то, что она выполняет возложенные на нее функции и задачи в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации»³⁷.

– Большая часть функций прокуратуры (надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью) в части процессуальных норм законодательно не задана. Во всех ее остальных функциях, если процессуальные нормы и приняты в той или иной степени, то санкции за их нарушения или законодательно не установлены, или неопределенны, или нереализуемы благодаря пресловутой статье 42 Закона о прокуратуре. Таким образом, деятельность прокуратуры в принципе не является правоприменительной деятельностью в соответствии с нормами правовых государств. В процессе нынешней правовой реформы происходит лишь конкретизация и частичное приведение в соответствие с Конституцией РФ функций всех правоприменительных органов, кроме прокуратуры. Она продолжает действовать в антиконституционном и противозаконном пространстве, главным образом, глобальных властных функций и надзорных компетенций.

– Особая проблема – то, что деятельность прокуратуры (за исключением назначения Генерального прокурора и его заместителей) в принципе неподконтрольна, неподотчетна и неподсудна никому вне нее. Этот юридический казус требует срочного разрешения, поскольку нарушается заложенный в статье 19 Конституции РФ принцип «Все равны перед законом и судом». Фактически орган правопорядка поставлен над законом, т.е. создана правовая (точнее внеправовая) норма, которая является противозаконной в правовом государстве. Отношение многих юристов к такой вопиюще про-

³⁷ Динамика становления и развития российской прокуратуры // Право и политика. № 3. 2001.

тивноправной ситуации, которую создает орган правопорядка, резюмировано в современном справочнике «Социально-экономические проблемы России-2001»: «Орган, который не избирается, никому не подчинен и не подотчетен, опасен для общества... В странах с развитыми правовыми системами существуют два варианта построения прокуратуры. В США, Великобритании и Германии прокуратура входит в систему исполнительной власти и подотчетна ее главе (соответственно президенту, премьер-министру, канцлеру). Во Франции и Италии прокуратура является частью судебной системы. Но нигде прокуратура не существует вне системы государственной власти и никому не подотчетна»³⁸. Такого рода статус государственного института, который возможен только в тоталитарном государстве, означает, что Россия до сих пор не является правовым государством. Более того, встает вопрос, почему даже демократы-законодатели, многие из которых презентуют себя как юристы, предпочитают не обращать внимания на этот правовой и законодательный нонсенс — притом, что об этом уже десять лет говорят самые известные юристы, включая судей Конституционного и Верховного суда. Ответ на этот вопрос так же очевиден, как и печален — большинство наших юристов — и учителей юристов — это советские юристы, которые приобрели свои представления о правовых нормах на основе советского инквизиционного права. Более того, очевидно, что и законодатели не готовы изучать язык демократического права, который не переводим ни на язык вчерашнего советского инквизиционного права, ни на язык сегодняшней демагогии. Прямым доказательством этого является принятие большинством Госдумы РФ грубо нарушающих Конституцию РФ и принятые Россией международные правовые акты и прямо попирающих права человека поправок к УПК РФ.

Учитывая, что в последние годы большую часть законов представляют правительство и президент РФ, сегодня гораздо важнее позиция главного гаранта Конституции. А потому очень хочется узнать, учтет ли при проведении правовой реформы президент России юрист Владимир Путин авторитетное мнение юриста Тамары Морщаковой — члена Комиссии **по правам человека при президенте, советника и бывшего заместителя председателя Конституционного суда РФ**: «... Следует... возложить на Министерство юстиции РФ контрольную функцию за привлечение к ответственности работников правоохранительных органов (МВД, прокуратуры, сотрудников спецслужб, вооруженных сил и иных силовых структур), создав в нем контроль-

³⁸ Справочник «Социально-экономические проблемы России». СПб.: Норма, 1999. — 320 с.

но-следственное управление по вопросам соблюдения законности и прав человека в правоохранительных структурах... внести в законодательство дополнения, предусматривающие введение должности следственного судьи и возложение на него судебного контроля за дознанием и предварительным следствием (в том числе в вооруженных силах)... Поддержать принятие закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания», приступить к разработке аналогичных законов о гражданском контроле в вооруженных силах, в отношении соблюдения прав несовершеннолетних в детских учреждениях... Учредить должность муниципального дежурного адвоката в отделениях милиции и изоляторах временного содержания... Обеспечить независимое медицинское обследование лиц, поступающих в отделения милиции и изоляторы временного содержания и выбывающих оттуда... Ввести обязательный личный номерной жетон для каждого сотрудника милиции, следствия и т.п.». И, соответственно, будет ли эпохальная встреча президента-юриста с правозащитниками иметь хоть какие-то правовые последствия — ну хотя бы введение личного номерного жетона работников правоприменительных органов и обязанности его предъявлять.

Крайняя недостаточность и даже противозаконность — прежде всего, антиконституционность законодательных оснований деятельности прокуратуры ставит следующую проблему — конкретные нарушения Закона в практической деятельности прокуратуры.

Б. Проблема законности деятельности прокуратуры

Закрытость деятельности прокуратуры, ее неподконтрольность и неподсудность при крайне широких полномочиях приводят к следующему:

— Прокуратура грубо и безнаказанно нарушает права человека. Одним из наиболее распространенных нарушений являются публичные внепроцессуальные обвинения со стороны прокуратуры в адрес лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых еще не вынесено судебное решение — нарушение презумпции невиновности, гарантируемой ст. 49.1 Конституции РФ. Тем самым прокуратура демонстрирует свое право на не имеющее аналогов в правовых государствах систематическое открытое выступление против принципов жизнедеятельности правового государства.

— Прокуратура в своей деятельности грубо и безнаказанно нарушает законодательство РФ и покрывает его нарушения другими правоприменительными органами.

– Прокуратура грубо и безнаказанно (вплоть до серьезных уголовных преступлений) нарушает независимость правоприменительных и контрольных органов и одновременно присваивает результаты их деятельности. Сотрудники прокуратуры по отношению к другим правоприменительным органам играют роль не равноправных коллег в профессиональной правоприменительной деятельности, но скорее некоего эксплуататорского класса и одновременно высшей власти.

В. Проблема функциональности деятельности прокуратуры

Прежде всего, для успешного исполнения такого гигантского объема компетенций кадровый состав прокуратуры крайне недостаточен – притом, что за последние 10 лет он увеличился на 30 процентов. Одновременно прокуратура не только не готова сокращать свои компетенции, но претендует на их увеличение. Это означает, что для прокуратуры не стоит проблема функциональной обоснованности и обеспеченности ее деятельности. Доказывает данное утверждение следующая аргументация:

– Единственной функционально самостоятельной, логически и исторически обоснованной правоприменительной функцией прокуратуры является подготовка и предъявление обвинения в делах публичного и частно-публичного обвинения. Во всех своих остальных функциях (в отличие от других правоприменительных органов, все компетенции которых являются их прямыми обязанностями) прокуратура или дополняет, или дублирует, или контролирует, или координирует деятельность других органов правопорядка и контрольных организаций. Более того, те компетенции прокуратуры, которые не являются конкретными и самостоятельными функциями (например, координация борьбы с преступностью, общий надзор, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина), оказываются идеологическими декларациями прокуратуры, а не реальными правоприменительными функциями.

– Все надзорные и координационные функции прокуратуры нереализуемы или в принципе (как надзор за самой собой в ходе следствия), или/и из-за недостаточности у нее кадрового состава и профессионализма (надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, координация борьбы с преступностью).

– Правовой функциональный статус прокуратуры уникален для правоприменительной структуры правового государства: большинство ее функций не обеспечено системой процессуальных норм и санкций за их нарушение; нарушения практически всех ее функций находятся за пределами реальной доступности правосудию, т.е. судебной системе.

Для всей деятельности прокуратуры характерна острая избыточность функций на фоне профессиональной недостаточности и некомпетентности.

Г. Проблема эффективности деятельности прокуратуры

Вышеизложенное приводит к трем крайне грустным выводам.

– Деятельность прокуратуры в принципе не может быть эффективной из-за острой избыточности ее полномочий.

– В качестве доказательств эффективности своей деятельности и в обоснование необходимости сохранения и развития ее полномочий прокуратура приводит некую отчетность, источники и достоверность которой известны только ей самой.

– Реальная эффективность деятельности прокуратуры не известна никому за ее пределами, ибо прокуратура ни перед кем не несет конкретной ответственности ни за одну из сфер своей деятельности.

Подобную систему оценок эффективности можно сравнить с ситуацией, при которой правительство само (без участия других структур власти) планировало бюджет, само (как ему хочется) распределяло средства бюджета, произвольно (как ему угодно) отчитывалось в их трате и т.д. и т.п. А так как прокуратура успешно избегает любого открытого обсуждения своей деятельности, создается впечатление, что часто выступающие в средствах массовой информации прокуроры находятся в патологическом состоянии непрерывного монолога с самими собой, которое напоминает шизоидное раздвоение личности.

Принципы деятельности прокуратуры в правовом пространстве заставляют вспомнить о правилах деятельности советской власти. Последняя была так же монолитна, вездесуща и неподотчетна ни перед кем; основания ее отчетности были так же непостижимы; торжественности паранойяльных обвинений и самовосхвалений ее руководителей – от директора бани до Генсека мог позавидовать сам Нерон.

Теперь встает кардинальный вопрос: можно ли оставлять такой объем компетенций и полномочий у столь антиконституционной и мало эффективной правоприменительной структуры?

Д. Глубокий правовой застой как главное дело российской прокуратуры

В деятельности прокуратуры сформировался (и законодательно закреплен) порочный круг. Неумение и, соответственно, нежелание руководства прокуратуры решать эти проблемы создает тенденцию компенсировать функциональную неполноценность прокуратуры путем постоянного расширения фронта и масштабов ее деятельности, под лозунгом «Прокуратура

самая независимая и самая правовая из правоприменительных структур». Стратегия деятельности прокуратуры все более напоминает экспансивную — и крайне неэффективную — политику советской административно-командной системы. Очевидно, что прокуратура взяла из советской административно-командной системы такой базисный принцип, как «планов громадье, размаха шага сажень». Советская власть, создавая все больше управляющих и контролирующих структур, твердой рукой вела — и привела — советское народное хозяйство к застою, который, если учитывать его экономические, социальные и экологические последствия, скорее следует называть катастрофой. Если реально взглянуть на российскую правовую систему, выяснится, что система глобальных незаконных компетенций прокуратуры так же и таким же способом (глобализм и произвол) ведет российскую правовую систему к застою и катастрофе. Все рапорты прокуратуры о ее достижениях, учитывая их сомнительность и даже прямую недостоверность (например, сакраментальное утверждение генпрокурора В. Устинова, что «в минувшем году прокуратура расследовала более трех миллионов уголовных дел». (Григорий Пунанов. Генпрокурор подвел итоги за 280 лет // Известия. — 11 января 2002), являются лишь декорацией, своего рода «потемкинской правовой деревней», за которой скрывается совсем другая реальность, которую можно назвать только правовой катастрофой.

В чем существо этой катастрофы? Закрытость деятельности, неподконтрольность и неподсудность прокуратуры прямо и закономерно вытекает из гигантских масштабов ее полномочий и неопределенности большинства функций. Избыточность полномочий прокуратуры при непрозрачности ее деятельности становится основанием власти прокуратуры, во многом оторванной от профессионализма. Власть замещает профессионализм, а средство — полномочия — становится целью.

Прямым следствием глобальной роли прокуратуры в российском правовом пространстве является крайне низкая эффективность всей правоприменительной деятельности, т.е. тот же глубокий застой. Благодаря наследию советской инквизиционной правовой системы правосудие в России во многом превращается в преступление. Как выяснилось при анализе конкретных функций прокуратуры, ее глобализм и неподконтрольность предопределяют низкую эффективность предварительного и судебного следствия, гигантский объем нарушений закона в них. Противозаконность прокурорских полномочий одновременно препятствует формированию необходимых оснований

развития правового государства — административной юстиции, системы следственных судей, механизмов гражданского общества.

Прокуратура стала тоталитарной «тайной канцелярией» и играет роль, которую Петр Первый предписал ее предшественнику — системе фискалов — «только проповедывать и доносить и при суде обличать»³⁹. Не случайно высокопоставленные прокуроры любят называть прокуратуру «государевым оком». Так, рассматривая прокуратуру как главный правоприменительный орган, Генеральный прокурор в качестве доказательства приводит не ее достижения, а то, что «президент сказал: прокуратура является важнейшим государственным инструментом»⁴⁰. И действительно, в нашей стране прокуратура всегда была главным сервильным органом государственной власти (вспомним участие прокуроров в знаменитых тройках), а не прямым органом установления законности. Этот незаконный и противозаконный прокурорский менталитет фактически даже не ее вина, а исторически обусловленная беда. Несмотря на все свои гигантские амбиции на роль главного правового «государственного инструмента», даже особой ветви государственной власти⁴¹, она так и не стала полноценным правоприменительным органом.

Вопреки общероссийской установке на демократизацию всех государственных институтов российская прокуратура сохраняет и развивает стиль деятельности, который можно назвать тотальным властным глобализмом. Претензии прокуратуры особенно отчетливо просматриваются в тех ее функциях, которые, как правило, отсутствуют у прокуратур правовых демократических государств — общий надзор, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, координация борьбы с организованной преступностью. Амбиции прокуратуры на руководящую роль во всех видах правоприменительной деятельности все более растут, а эффективность ее деятельности все более падает. Это означает, что все российское правовое пространство при почти опереточной вездесущности прокуратуры (*Фигаро здесь, Фигаро*

³⁹ Российское законодательство X-XX веков / Под ред. А.Г. Манькова. М. 1986. Т.4. С. 174.

⁴⁰ Выступление Генпрокурора России Владимира Устинова на расширенной коллегии Генпрокуратуры. «Прокуратуры, к которой все привыкли, уже не будет». <http://www.strana.ru/print/111374.html>

⁴¹ Бессарабов В. Г. Динамика становления и развития российской прокуратуры // Закон и политика, 1, 2001. http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=3_2001&o=177949. Качалов В. И., Качалова О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации М., 2002. — 132 с. Кобзарев Ф. М. Прокуратура России: правовое положение и перспективы развития. М., 2002. — 80 с. Мельников Н.В. Место прокуратуры в системе органов государственной власти России (2002). http://nadzor.vvsu.ru/analit/show_a.asp?id=464

там!) или занято, или контролируется в принципе неудовлетворительной деятельностью прокуратуры, направленной главным образом не на достижение реальных результатов в исполнении правовых норм, а на подтверждение и реализацию ее незаконных полномочий. Сегодня вся российская правоприменительная практика – жертва нереализуемых и даже во многом антиконституционных, т.е. противозаконных амбиций прокуратуры. Жертвой амбиций прокуратуры является и сама прокуратура как правоприменительная структура, которая понимает честь мундира не как профессионализм, а как собственную непроверяемую, фактически большевистскую правоту. Поэтому прокуратура остро нуждается не в укреплении путем развития ее компетенций, а в лечении: сначала хирургическим путем с целью отрезания от нее тех полномочий, которые она не может успешно выполнять или даже не должна иметь в правовом государстве; а затем терапевтическим путем для длительной правовой и функциональной реабилитации.

Вырастает вопрос, почему сегодня прокуратура претендует на сохранение и даже на расширение своего и без того широкого фронта деятельности и, более того, на фиксации своих обязанностей в Конституции – называя это увеличением и закреплением своих прав. Поэтому необходимо понять, что же реально стоит за парадным фасадом деклараций руководителей и идеологов прокуратуры.

Е. Цели и задачи прокуратуры, или прокурорский менталитет

Если рассматривать прокуратуру как строго правоприменительный орган, очевидно отсутствие правовых оснований для такого расширения полномочий и обязанностей, поскольку его прямым результатом является хроническая дисфункция деятельности прокуратуры. О том, что работа прокуратуры не слишком удовлетворительна, кокетливо любит говорить и сам Генеральный прокурор В. В. Устинов. Но прокуратура скорее готова расширить свои компетенции, чем сузить, она претендует на увеличение кадрового состава, на повышение оплаты труда своих сотрудников, и т.д. и т.п. Образовался порочный круг: по мере роста своей численности прокуратура претендует и на расширение своих компетенций – прежде всего в области надзора, контроля и координации. В то же время большая часть ее антиконституционной деятельности происходит за пределами правового поля – хотя благодаря своей тяжелой советской правовой наследственности идеологи прокуратуры, возможно, этого не понимают.

Исходя из этого, логично сделать некоторые предположения. Прежде всего, возможно, для такого глобализма деятельности российской прокуратуры

существует другой – не строго правовой, а главным образом внеправовой базис – возможно, даже неосознаваемый ею. И, соответственно, для нее главную роль играет не строго правоприменительная, а какая-то другая деятельность под маской права. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать контент-анализ публикаций высокопоставленных сотрудников прокуратуры – идеологов ее претензий на развитие.

Вот суть этих претензий, как они изложены заместителем директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации В. Г. Бессарабовым⁴² (цитаты из работы Бессарабова даны мелким шрифтом):

– Предлагается дать прокуратуре статус четвертой власти. Эта амбиция не имеет прецедента в практике правовых государств, где прокуратура является частью или исполнительной, или судебной власти.

⁴² Динамика становления и развития российской прокуратуры // Право и политика. № 3. 2001. «Прокуратуре в Конституции должна быть посвящена самостоятельная глава. В ней в общей форме целесообразно определить назначение прокуратуры, ее место в механизме государственной власти, закрепить функции, объекты прокурорского надзора. Определить, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным конституционным законом “О прокуратуре Российской Федерации”, процессуальным законодательством и другими процессуальными актами.

В Конституции необходимо предусмотреть право законодательной инициативы Генерального прокурора РФ, а также аналогичные полномочия Генерального прокурора применительно к законодательным органам субъектов Российской Федерации.

Закрепить в Конституции РФ право обращения Генерального прокурора в Конституционный Суд.

Кроме того, необходимо предусмотреть в Законе “О Конституционном Суде Российской Федерации” процессуальный механизм исправления ошибочных решений и место Генерального прокурора РФ в этом механизме: право представлений в Конституционный Суд решений с целью их пересмотра либо целесообразного истолкования, порядок его участия в этой деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также определить процессуальный статус Генерального прокурора РФ как представителя государственного органа по надзору за исполнением законов.

Установленный ст. 129 Конституции порядок назначения на должность прокуроров субъектов Российской Федерации по согласованию с администрациями субъектов требуется изменить, так как это ставит прокуроров в прямую зависимость от органов представительной и исполнительной власти субъектов федерации, что противоречит одному из основополагающих принципов прокурорского надзора – независимости прокуроров от каких-либо органов власти и негативно сказывается на их деятельности. Необходимо также внести изменения в Закон “О прокуратуре Российской Федерации” и законодательно закрепить право органов прокуратуры в борьбе с преступностью координировать деятельность не только правоохранительных, но и специализированных органов, а также служб государственного контроля.» (Бессарабов В. Г. – кандидат юридических наук, государственный советник юстиции 3 класса. Руководил рабочей группой по подготовке Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Депутат ГД ФС РФ первого созыва, член Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе).

– Предлагается в специально посвященной Прокуратуре главе Конституции РФ «определить назначение прокуратуры, ее место в механизме государственной власти, закрепить функции, объекты прокурорского надзора. Определить, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным конституционным законом «О прокуратуре Российской Федерации», процессуальным законодательством и другими процессуальными актами».

Это уже не просто претензия на повышение статуса законодательных норм деятельности прокуратуры до конституционных, но беспрецедентное в мировой практике стремление поместить в Конституцию ссылки на конкретные законодательные акты.

– Предлагается – в нарушение всех норм демократического права – конституционно закрепив право законодательной инициативы у Генерального прокурора, одновременно фактически сделать его членом Конституционного суда РФ и тем самым разрушить один из главных принципов деятельности основ правового государства – независимость Конституционного суда от всех органов государственной власти. Это означает, что государственный институт, претендующий на роль главного блюстителя законности, не только грубо нарушает Конституцию РФ в законодательных основаниях своей деятельности, но в лице своего высокопоставленного чиновника и идеолога уже прямо посягает на одну из главных основ конституционного порядка в России. При этом не исполнен ряд решений Конституционного суда РФ (о внесении изменений в Закон о прокуратуре), которые являются актами непосредственного действия. Очевидно, что непризнание юридической силы решений КС РФ означает или глубокое юридическое невежество, или антиконституционность. Но, исходя из презумции невиновности, можно предположить, что идеологи прокуратуры (как и депутаты Госдумы РФ) просто не знают и не понимают азов конституционного порядка.

– Предлагается устранить процедуру согласования назначения прокуроров субъектов РФ с органами представительной и исполнительной власти. Тем самым уничтожается уже последний, хотя и весьма условный, механизм контроля над деятельностью прокуратур субъектов федерации, т.е. выстраивается жесткая вертикаль закрытой неподсудной и неподконтрольной прокурорской власти – что прокуратурой трактуется как независимость.

– Предлагается (!) «законодательно закрепить право органов прокуратуры в борьбе с преступностью координировать деятельность не только правоохранительных, но и специализированных органов, а также служб го-

сударственного контроля». Это принципиально антиконституционное предложение (Ст.10 Конституции. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны) не нуждается в комментариях.

Чтобы понять смысл этих претензий российской прокуратуры, необходимо посмотреть на деятельность ее «родной матери» – советской прокуратуры, о которой Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев в 1988 году сказал: «Прокуратура стала частью запретительного механизма, придатком командно-бюрократической системы управления»⁴³. Можно добавить и то, что тоталитарным отцом советской прокуратуры была партийная власть. Вспомним главный советский правовой (а фактически антиправой) принцип «запрещено все, что не разрешено». Это означает, что базисом советской правовой системы был не Закон с его конкретными и социально оправданными нормами, а власть с ее произволом. Так как все руководители российской прокуратуры профессионально учились и формировались в СССР, то именно это определяет сегодня менталитет российской прокуратуры. Его основой являются властные амбиции, осложненные комплексом неполноценности. Очевидно, что речь идет о реванше униженной своим подчинением партноменклатуре вчерашней правовой номенклатуры. Сотрудники прокуратуры, игравшие в СССР роль своего рода третьего сословия – после партии и КГБ, сегодня пытаются выйти хотя бы на вторые роли в государстве – и одновременно претендуют на первые роли или хотя бы на равноправие с властью. Именно этим и только этим можно объяснить претензии прокуратуры и на роль прежде всего и главным образом надзорного органа, и на расширение своих надзорных полномочий. Эти тенденции, которые задаются генетической памятью руководства прокуратуры – бывших советских прокуроров, во многом усиливаются недостаточно высоким уровнем специального профессионализма большинства представителей и прокуратуры, и всех ветвей российской власти. Используя правовое невежество и косность правового сознания представителей законодательной и исполнительной власти, идеологи прокуратуры стремятся дать ей возможность пройти по пути полной независимости от Закона, закрепленной Конституцией, т.е. по пути КПСС. Завершить следует цитатой из главного кремлевского политтехнолога Глеба Павловского: «Конечная цель – доказать необходимость нынешних правоохранительных органов в политическом процессе. Скромная задача по охране права их не очень устраивает, тем более что данную функцию они выполнить не могут – коррупция растет, преступность растет... А так

⁴³ Сухарев А. Я. XIX Всесоюзная партийная конференция и проблемы перестройки прокурорского надзора // Соц. законность. 1988. №11. С. 3.

прокуратура сразу же превращается в значимый орган» • Глеб Павловский: Устинов не тянет на Робеспьера (из интервью «Новой газете» 17 ноября 2003 г.). Можно утверждать, что сегодня прокуратура реализовала свою основную, настоящую, а не декларируемую мечту — она стала главным действительным наследником тоталитарной власти партийной номенклатуры.

Менее всего целью этой статьи является обвинение прокуратуры в злонамеренности, т.е. в сознательном стремлении помешать формированию правового государства. В антиконституционности и противозаконности законодательства о прокуратуре и прокурорской правоприменительной практики сотрудники прокуратуры повинны не более, чем воспитанные криминальной средой подростки, которые понимают порядок как нечто установленное исключительно силой. Тем не менее никому не приходит в голову распространять на всю страну предлагаемые криминальными подростками внеправовые нормы установления порядка или делать самих подростков неподсудными и неподконтрольными.

Часть четвертая: ЧТО ДЕЛАТЬ И КТО ВИНОВАТ

А. ЧТО ДЕЛАТЬ

В нарушение российской традиции сначала рассмотрим проблему «Что делать?» и только затем вопрос «Кто виноват?».

В России создалась парадоксальная правовая ситуация. С одной стороны, страна формально считает себя правовым государством, закрепила это в Конституции и даже проводит правовую реформу. С другой стороны, вопреки закрепленной в статье 118.1 Конституции РФ норме правового государства «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом»⁴⁴, главным действующим лицом в российской правовой системе является сегодня не судебная система с ее состязательностью и равноправием сторон, презумпцией невиновности, диспозиционностью, публичностью, а тоталитарная бесконтрольная и антиконституционная система прокуратуры, которая, нависая над всем российским правосудием, задает ему:

- обвинительный уклон правосудия;
- примат полномочий правоприменительных органов над их функциями;

- дублирование функций различными правоприменительными органами как базис их безответственности;
- декларативность и нереализуемость большинства функций правоприменительных органов;
- почти полную бесконтрольность деятельности правоприменительных органов.

Более того, к десятилетнему юбилею Конституции РФ законодатели по предложению прокуратуры сделали своим гражданам подарок в виде гигантского шага назад от правового государства путем принятия принципиально антиконституционных поправок к УПК РФ.

Сейчас прокуратура, реализуя роль четвертой надзаконной и наднадзорной власти и одновременно пытаясь закрепить это в Конституции, тем самым противопоставляет себя всем остальным правоприменительным органам, создавая атмосферу перманентного конфликта в сфере правоприменительной деятельности вместо необходимого для ее успешности сотрудничества. Именно прокуратура сегодня стала главным препятствием созданию эффективной правовой системы как основы необходимого общественного порядка с акцентом на права человека. Даже после принятия в основе прогрессивного нового законодательства и несмотря на все — робкие и неумелые — попытки федеральной законодательной и исполнительной власти реформировать правовую систему поле правоприменительной деятельности находится в состоянии глубокой стагнации и крайне слабо восприимчиво к реформированию. Очевидно, что успешная реализация правовой реформы, т.е. построение правового государства в России, невозможны без кардинального реструктурирования прокуратуры. Это означает, что уже сегодня необходимо свести функции прокуратуры к принципиально необходимым и реализуемым ее собственными ресурсами. Прежде всего нужно исключить из ее полномочий надзорные функции, так как на практике они реализуются как наднадзорные. Последняя проблема в деятельности российской прокуратуры во многом объединяет ее с прокуратурами европейских правовых систем континентального типа — наследниками инквизиционной правовой системы, которые до сих пор вынуждены избавляться от ее рудиментов. Но российская ситуация принципиально отличается от ситуации в Западной Европе в двух аспектах. Во-первых, деятельность западноевропейской прокуратуры является специальной высокопрофессиональной, в принципе открытой для контроля и системами законодательной и исполнительной власти, и институтами гражданского общества. Во-вторых, и для общества, и для представителей всех ветвей за-

⁴⁴ Еще в 1967 году это резюмировали французские правоведы Р. Пэнто и М. Гравитц (Методы социальных наук. М., Прогресс, 1972. С. 66): «В широком смысле судебное право объединяет все способы образования общих правовых норм путем вынесения компетентным органом конкретных решений по частным вопросам в связи с какой-либо конфликтной ситуацией в общественных отношениях».

падноевропейской власти характерен высокий уровень правовой компетентности, правового сознания, законопослушности. В Западной Европе проблема реструктурирования прокуратур – это конкретная правовая проблема совершенствования системы правосудия, которая строится на диалоге всех заинтересованных сторон.

В отличие от ситуации в Западной Европе главные свойства правовой ситуации в России таковы:

- неполноценность всего правового законодательства – прежде всего в части правовых процедур и способов обеспечения их законности;
- низкая эффективность и во многом противозаконность всей правоприменительной деятельности;
- и для представителей всех ветвей власти, и для общества в целом характерен низкий уровень правовой компетентности, правового сознания, законопослушности и активности в защите правовых норм.
- одна из самых драматических проблем: российская прокуратура.

Все это означает, что сегодня в России невозможен нормальный диалог между правоприменительными органами и обществом. Лидером в этом уклонении от жизненно необходимого для формирования правового общества диалога является прокуратура, опережая даже ФСБ. Высокопоставленный представитель прокуратуры, один из главных идеологов ее развития В. Г. Бессарабов упорно отрицает прямую роль прокуратуры в репрессиях: «Необходимо понимать, что органом внесудебной расправы прокуратура не была даже в самые мрачные годы «диктатуры пролетариата»⁴⁵. Он, видимо, забыл о реальной роли прокуратуры в советском репрессивном праве, которое реализовалось в целом ряде оснований этого права. Можно сослаться на следующие факты:

- участие прокуроров в деятельности так называемых «особых троек» – как прямое, так и в форме подписывания вынесенного «тройками» приговора;
- принципы деятельности так называемого Особого совещания при НКВД СССР (Гулаг 1918–1960. М., 2002. С. 94), в котором обязательно участвовали Прокурор Союза ССР или его заместитель;
- принципиально внеправовая система ведения судебных дел о подготовке и совершении террористических актов (Гулаг 1918–1960. М., 2002. С.95);

⁴⁵ Бессарабов В. Г. Динамика становления и развития российской прокуратуры // Право и политика. № 3. 2001.

– уникальный секретный документ 1935 года об обязательности участия прокурора в аресте⁴⁶;

– наконец, широкоизвестная деятельность таких генеральных прокуроров, как Н. Крыленко и А. Вышинский.

Это, конечно, только небольшая часть доказательств того, что советская прокуратура была активным и необходимым компонентом системы репрессий в СССР во все времена. Есть и личное свидетельство главного политтехнолога Кремля Глеба Павловского – в свое время судимого по политическим причинам: «В мое время, в 1970-е годы, политическими делами занималась особая группа в прокуратуре, они даже сидели в отдельном коридоре, куда получали особый допуск из КГБ» • Глеб Павловский: Устинов не тянет на Робеспьера (из интервью «Новой газете» 17 ноября 2003 г.).

Сегодняшняя правовая ситуация в России не может быть описана иначе как правовая неполноценность всего общества в целом и его правоприменительных структур в особенности, что требует проведения глобальной правовой реформы. Необходимым условием эффективной правовой реформы является реструктурирование прокуратуры. Это означает превращение ее из действующей главным образом за пределами правового поля властной структуры в профессиональный правоприменительный орган, деятельность которого задана в строго правовом поле. Требуется сведение ее полномочий к реально выполнимым на серьезном профессиональном уровне. России нужна новая,

⁴⁶ http://www.sakharov-center.ru/bases/bases_kpss.htm 17 июня 1935. Выписка из протокола № П27/157 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью председателя СНК СССР В. Молотова и секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина: п.157 – «О порядке производства арестов. (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). (строго секретно 1 л.). Приложен текст Постановления.

Приложение: – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). «О порядке производства арестов». Согласно постановлению «аресты по всем делам органы НКВД могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора». В случае необходимости ареста «на месте преступления» должностные лица из НКВД обязаны немедленно сообщить о произведенном аресте соответствующему прокурору. Разрешения на аресты членов ЦИК СССР и ЦИК'ов союзных республик даются лишь по получению согласия председателей ЦИК'ов, по принадлежности; разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и республик и приравненных к ним учреждений, а также «состоящих в них на службе инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей ученых, учебных и научно-исследовательских учреждений даются по согласованию с соответствующими Народными Комиссарами. Разрешения на аресты членов и кандидатов ВКП(б) даются по согласованию с секретарями районных, краевых, областных комитетов ВКП(б), ЦК наркомпартий, а... коммунистов, занимающих руководящие должности в наркоматах Союза и центральных учреждениях» – с согласия председателя Комиссии Партийного Контроля. Разрешения на арест высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА согласовывают с Наркомом Обороны; разрешения на аресты, производимые непосредственно НКВД даются Прокурором Союза (строго секретно, 1 л.).

строго специализированная прокуратура, сильная не своими необоснованно расширенными полномочиями, надзорными и наднадзорными функциями, властью над другими правоприменительными структурами, бесконтрольностью и неподсудностью, а реальной дееспособностью и ответственностью. Для всех других правоприменительных и контрольных органов России прокуратура должна стать равноправным партнером, а не всесильным и бесконтрольным патроном. Одновременно прокуратура в соответствии с нормами деятельности аналогичных структур в правовых государствах должна стать доступной для государственного и гражданского контроля, как сегодня в той или иной степени доступны для него все правоприменительные и силовые структуры (в том числе армия и ФСБ), кроме прокуратуры.

Но, используя слабую правовую компетентность законодателей, такому реструктурированию прокуратуры активно и успешно сопротивляется ее сегодняшнее руководство, сформировавшее свой профессионализм в советской инквизиционной правовой системе и потому вполне обоснованно воспринимающее его как личную угрозу. В то же время руководство прокуратуры, погруженное в мифы собственной значимости, не видит ни своей реальной роли в правовом пространстве, ни реального отношения к себе. Приведем два показательных примера. В своей статье «Прокуратура – главный правозащитник страны» http://nadzor.pk.ru/analit/show_a.php?id=158 генпрокурор В.Устинов самым парадоксальным образом трактует вполне определенную концепцию международного права о самостоятельности всех сторон права «Концепция самостоятельного прокурора, обладающего судебной властью, постоянна и универсальна (выделение наше). Эта концепция ясно выражена в рекомендациях Подкомиссии ООН, в разделе III о судебной самостоятельности и правах человека. В статье 129 говорится: "Самостоятельность прокуроров и адвокатов, их смелость и совесть, с которыми каждый из них исполняет свой профессиональный долг, необходимы для укрепления самостоятельности судей и для обеспечения справедливости, свободы и соблюдения равенства, а также для защиты прав человека всех людей, принадлежащих обществу в целом», демонстрируя синкретизм мышления, вряд ли приемлемый для государственного чиновника его уровня. Тот же В. Бессарабов в массе работ приводит фантастические цифры поддержки прокуратуры населением, в то время как реальные исследования ВЦИОМа показывают, что по степени доверия прокуратура уступает не только Президенту, правительству, церкви, но даже местным властям, суду, армии, органам госбезо-

пасности, СМИ, находясь на одном уровне доверия с милицией и политиками⁴⁷.

В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия такие институты, как ...

	Полное доверие (А)	Частичное доверие	Полное недоверие (В)	(А) - (В)
Президент	59	27	7	52
Церковь, религиозные организации	37	24	13	24
Армия	27	36	23	4
Органы госбезопасности	23	33	22	1
СМИ	22	46	22	0
Правительство	16	42	30	-14
Местные власти	15	33	43	-28
Областные (республ.) власти	13	36	36	-23
Суд	13	35	33	-20
Профсоюзы	13	28	32	-19
Прокуратура	11	32	33	-22
Милиция	11	34	46	-35
Совет Федерации	10	37	25	-15
Госдума	9	43	37	-28
Политические партии	5	29	43	-38

В % к числу опрошенных, март 2003 г., N=2107; затруднившиеся с ответом не приводятся; ранжировано по «полному доверию».

Доверие / недоверие к основным социально-политическим институтам

1. вполне заслуживает; 2. совсем не заслуживает

Год, месяц	1994, 6	1995, 5	1996, 7	1997, 9	1998, 9	1999, 9	2000, 9	2001, 9	2002, 9
Милиция, суд, прокуратура, с 2001 – милиция и прокуратура, с 2002 – только милиция									
1	14	8	12	13	12	11	14	12	12
2	36	39	35	39	39	42	36	41	37

Для того чтобы прокуратура стала высокопрофессиональным правоприменительным органом, необходимо:

⁴⁷ Гудков Л. и Дубин Б Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества <http://www.polit.ru/print/any?document=620240>

– привести функции прокуратуры в соответствие с нормами правовых государств и ее реальными возможностями; ряд функций, которые необоснованно взяла на себя прокуратура, нужно передать другим правоприменительным и контрольным структурам.

– привести законодательство о прокуратуре в соответствие с Конституцией РФ;

– сформировать законодательно заданные процессуальные нормы для обеспечения выполнения прокуратурой всех ее функций;

– создать механизм контроля над деятельностью прокуратуры и, соответственно, обеспечить ее ответственность за свои непрофессионализм, ошибки и коррупцию;

– законодательно запретить необоснованное вмешательство прокуратуры в деятельность правоприменительных и контрольных структур;

– создать современную систему обучения и аттестации прокурорских работников, которая не только повысит уровень их профессионализма, но, очистив прокуратуру от невежд, сформированных советской инквизиционной системой, даст возможность занять достойное место в ней молодым профессионалам с современным образованием.

Сегодня решается судьба российской прокуратуры: готова ли она сама стать реальным правоприменительным органом или же в ближайшее время система власти (при Путине или после Путина) будет вынуждена подвергнуть прокуратуру полному реструктурированию.

Б. КТО ВИНОВАТ

Более десяти лет серьезные и, казалось бы, вполне убедительные доводы о необходимости срочного реформирования прокуратуры приводятся как известными российскими юристами, так и высокопрофессиональными сотрудниками правоприменительных органов, в том числе и большинством разработчиков правовой реформы. Кроме того, Россия при вступлении в Совет Европы взяла на себя обязательства реформировать прокуратуру, о чем настоятельно говорят и юристы Совета Европы. Тем не менее прокуратура не только сохраняет, но даже укрепляет свои позиции, а вся российская правовая система неуклонно движется в направлении развития инквизиционного права, а во многом и тесно связанного с ним вопиющего беззакония в деятельности правоприменительных органов. Возникает вопрос: какая сила всю постсоветскую историю российского права, защищая прокуратуру от реформирования, позволяет ей и дальше реализовывать и развивать свои безразмерные претензии, безнаказанно нарушая Конституцию? Ответ так же

прост, как и очевиден – причина в популярности советского прокурорского правового мировоззрения как в общественном сознании, так и прежде всего и главным образом у представителей исполнительной и законодательной власти.

Как вчера в СССР, так и сегодня в России в правовом сознании большинства жителей фактически доминирует «прокурорский синдром» как комплекс правового мировоззрения, базисом которого является сакрализованность, закрытость, бесконтрольность и в конечном итоге безответственность органов власти как норма их деятельности. Он реализуется в следующих компонентах:

– обвинительный уклон правосудия, т.е. замещение правовых презумпций – уголовно-правовых и уголовно-процессуальных – комплексом правовых ксенофобий;

– для всех правоприменительных органов (а также властных структур) характерны избыточность полномочий и низкая эффективность исполнения своих функций, т.е. высокий уровень власти и низкий уровень профессионализма;

– принцип доминирования надзаконности, некоего почти беспредельного прибавочного порядка над законностью, т.е. общественно необходимым порядком.

Такого рода крен правосознания в России, характерный и для сотрудников правоприменительных органов, и для большей части представителей всех структур власти, и для основной массы населения, сформирован всей имперской историей России и СССР, когда интересы империи и связанного с ней порядка были выше интересов отдельного человека. Именно имперское развитие России и СССР, как блестяще показал один из самых известных современных историков России Джеффри Хоскинг, предопределило формирование и доминирование неких надчеловеческих порядка, права, правосудия в интересах империи и, соответственно, низкую социальную цену прав и жизни отдельного человека. Подобная система социальных ценностей, характерная не только для правосудия, обвинительный уклон которого связан с одной из его главных основ – наказанием, но и для всех других компонентов общественной и частной жизни, сохранилась и сегодня. Так, надчеловечность и в конечном итоге бесчеловечность, примат силы над правом, наказания над милосердием характерны и для позиции большинства верующих и даже священнослужителей. Агрессивность и нонтолерантность характеризуют частную жизнь. Интересны в этом отношении факты, при-

веденные исследователями, которые показывают, что физическое наказание детей в семьях представителей силовых структур формирует у последних уверенность в необходимости его применения в дальнейшем к своим детям и в своей профессиональной деятельности. Для России характерно и то, что вера в необходимость сверхсильного наказания за правонарушения и даже проступки сочетается со сверхвысокой криминальной готовностью большинства населения и высокой криминальностью целых групп граждан, включая представителей власти. Все это типичные свойства тоталитарного синкретического правового сознания, когда человек, являясь одновременно и жертвой и палачом, и преступником и прокурором, не видит в этом противоречия. Одновременно традиционным прикрытием этого построенного на насилии правового, а фактически внеправового массового сознания являются моральные, в том числе правовые декларации. Прямыми следствиями такого патологического развития правового сознания общества в целом и власти в особенности явились демонстративно гуманистическое право, провозглашенное в декларациях представителей власти, и тотально инквизиционное право, реализуемое не только в правовой практике, но во многом и в законодательстве. Типичным примером последнего являются две сакральные антиконституционные статьи Закона о прокуратуре – статьи 5.2 и статья 42, которые законодательно закрепляют закрытость деятельности прокуратуры, ее неподконтрольность и неподсудность.

В современной России во всех социальных группах и на всех уровнях власти крайне затруднено даже осознание необходимости введения главных принципов состязательного права, построенного на общественно необходимом порядке. Принятие принципов этого права как единственно возможных опирается в слабость социального сознания реальных, а не декларационных компонентов этого права: публичность, гласность, равенство перед Законом всех сторон правоприменительной деятельности – как объектов, так и субъектов. Особенно трудно даются России уголовно-правовые и уголовно-процессуальные презумпции, а в результате и реализация принципов состязательности и равноправия сторон как в предварительном расследовании, так и судебном процессе. Это относится к теории в той же мере, как и к практике правовых отношений. Именно поэтому депутаты приняли грубо нарушающие Конституцию РФ поправки к УПК РФ.

Для России и россиян (в том числе представителей власти) сохранение тоталитарной и в основном незаконной роли прокуратуры – это всеобщий и универсальный способ освобождения от необходимости формирования

своих собственных нормальных правовых сознания и практики, построенных на личной ответственности для каждого и состязательном праве для государственной системы правоприменительных органов. Это надправое и внеправовое сознание реализуется в комплексе правосознания, в который входят и всеобщий страх перед прокуратурой, и уверенность в необходимости этого страха. Но следует все-таки развести отношение к прокуратуре рядовых россиян и представителей власти. Для обычного россиянина с его неизжитым рабским комплексом внеправовая система деятельности правоприменительных органов – это просто не очень хорошая национальная традиция, о чем свидетельствует и крайне низкий уровень доверия к правоприменительным органам. Иначе обстоит дело с малопрофессиональными, но зато крайне амбициозными представителями власти. Им именно «такая прокуратура» жизненно необходима как одно из главных оснований возврата к тотально авторитарной и бесконтрольной власти. За защитой и использованием «такой прокуратуры» некоторыми представителями власти стоит очередная попытка заменить в России установление общественно необходимого порядка неким прибавочным порядком, а конкретные функции, т.е. реальную ответственность, – властными полномочиями, т.е. фактически тоталитарный реванш. Глеб Павловский в ряде публикаций описал механизм такого рода действий и прогноз их последствий: «Есть простое правило – когда правящий класс пускает внутрь себя прокурора Вышинского, этот класс тем самым приступает к собственному демонтажу, причем в весьма болезненной форме. Потому что единственный способ защититься в этом кошмаре – самому приобщиться к механизму репрессивных спектаклей» • Глеб Павловский: Устинов не тянет на Робеспьера (<http://2003.novayagazeta.ru/nomer/2003/86n/n86n-s09.shtml>).

Очевидно, что сегодняшняя антиконституционность правового регулирования деятельности российской прокуратуры и ее низкая дееспособность – это лишь кульминация исторически обусловленной дефектности правового сознания большинства населения, включая представителей власти. Прокуратура с ее пороками – это зеркало российского вненормативного и наднормативного правового сознания. Претензии прокуроров на руководящую роль в российской правосудии ничем – ни профессионализмом, ни смыслом правовой реформы – не обоснованные и одновременно нарушающие принцип, заложенный в статье 19 Конституции РФ «все равны перед законом и судом» – заставляют вспомнить героев знаменитого романа Оруэлла: «Все равны, но некоторые равнее». Тоталитарный Советский Союз мертв, но сформиро-

ванные им основания правового сознания живы. Можно, продолжая известную формулу, утверждать, что каждый народ имеет то право, т.е. те законы и те правоприменительные органы, которых он заслуживает. Современная российская прокуратура реализовала свою основную реальную, а не декларируемую цель — она стала главным реальным наследником тоталитарной власти партийной номенклатуры.

Дальнейшее развитие России как правового демократического государства упирается в стагнацию правового пространства, прямо заданную ролью российской прокуратуры. Поэтому реформирование деятельности прокуратуры в соответствии с нормами Конституции РФ и принятыми Россией международными правовыми актами — остро необходимый и сверхактуальный шаг в обеспечении тех принципов правосудия, которые уже десять лет заданы Конституцией РФ и в последние годы прописаны во многом и в законодательстве РФ. Без правовой реформы, которая должна была быть проведена уже десять лет назад, сегодня невозможны ни успешная борьба с преступностью, ни эффективная правозащитная деятельность, ни развитие институциональных основ экономики.

В заключение надо сделать небольшой прогноз последствий реформирования прокуратуры, т.е. подчинения законодательства о ней и ее деятельности нормам закона. Прежде всего, сразу подсудными за нарушения закона в ходе предварительного следствия окажутся десятки тысяч следователей, в том числе и следователей прокуратуры. Сегодня так называемый «надзор» прокуратуры над предварительным следствием при неподсудности прокуратуры надежно защищает их всех от суда. Как пишут четыре саратовских юриста в учебно-практическом пособии, «Реформирование прокуратуры является реальным условием достижения судебного контроля на практике»⁴⁸. В то же время все сотрудники правоприменительных органов будут вынуждены изучать принципиально новое законодательство и осваивать его на практике. Авторитет сотрудников прокуратуры среднего и старшего возраста, профессионализм которых сформирован в советской инквизиционной правовой системе, в этой ситуации резко упадет. На первые роли неизбежно выйдут молодые юристы, готовые осваивать и применять новые нормы правоприменительной деятельности. И, наконец, потеря возможности создавать так называемый «дополнительный порядок», т.е. ликвидация бесконтрольности власти, привыкание к которой создает квазинаркотический синдром, станет

страшным ударом по всем сотрудникам прокуратуры, своего рода ломкой. Это можно сравнить с хроническим состоянием возмущения «отсутствием порядка» у вчерашней советской номенклатуры. В результате наконец начнется реальная правовая реформа, результатом которой станет рост эффективности и одновременно законности деятельности правоохранительных органов и, как следствие, и законности в стране в целом. Все это принципиально изменит правовую ситуацию в стране во всех сферах — от прав человека до условий деятельности в сфере экономики. Появится наконец шанс провести реальную правовую, административную, экономическую реформу: преодолеть институциональную коррупцию, необходимым компонентом которой являются правоохранительные органы; повысить эффективность работы чиновников и бизнеса, запустить процессы инвестирования. В то же время без реструктурирования всех правоприменительных органов любые попытки борьбы с коррупцией, создания нормальной правовой атмосферы для бизнеса, обеспечения прав человека и гражданина превращаются в очередные бесполезные «дежурные мероприятия», главным специалистом в организации которых является сегодня российская прокуратура.

В конечном итоге необходимо сказать, что на пути реальной правовой реформы стоит не только и не столько прокуратура как конкретная структура, а главным образом «прокурорский синдром» — часть национального менталитета вместе с «великодержавностью», «большевизмом», т.е. единственной правотой и рядом, скажем, не слишком законопослушных привычек — вспомним поговорку петровских времен «жить по уставам тяжело суставам». Прокуратура сегодня только один из лидеров (вместе с чиновничеством и криминалитетом) в этом всеобщем «празднике беззакония» под прикрытием правовой демагогии и деклараций о наведении порядка. В результате большинство жителей России (от последнего бомжа до самого демократичного политика) сегодня, оставаясь одновременно жертвами и палачами своей собственной криминальности, не готовы принять нормы демократического права как единственно допустимые. И именно эта круговая порука в сопротивлении реальной правовой реформе надежно защищает прокуратуру от реформирования — пока...

Август 2006 года

⁴⁸ Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. М.: Приор-издат, 2003. — 112 с.

В СЕМЬЕ САПОЖНИКА ДЕТИ БЕЗ САПОГ

При переходе любого государства от тоталитарной власти к конституционной демократии смена задач и приоритетов неизбежно приводит к двум стратегическим кадровым проблемам:

– Исчезает потребность в специфической деятельности для обслуживания и защиты тоталитарной власти;

– Появляются новые задачи, которые диктуют новые требования к профессиональной деятельности.

Сейчас для государств, опыт конституционной демократии которых ничтожен, непрофессионализм оказался критическим фактором торможения. Это относится ко всем государствам СНГ. Так, в России все острее ощущается дефицит современных профессионалов при избытке специалистов с дипломами разного уровня – от лицейского до докторского. Крайне острыми, например, оказались проблемы профессионализма в наиболее успешной сфере российского бизнеса – информационных технологиях. Это объясняется тем, что специалистов по ИТ, как правило, готовят немолодые кандидаты и доктора наук, защитившие свои диссертации в ситуации безнадежного отставания СССР в этой сфере от индустриально развитых стран. Особенно чувствителен дефицит программистов – результат того, что в российских вузах не учат навыкам современных методов программирования. Так, в 2004 году во всех софтверных компаниях России трудилось немногим более 40 тысяч программистов, а в Индии – более 750 тысяч. Соответственно, на мировом рынке ИТ-аутсорсинга доля России – 0,9%, а Индии – 21,5%. Цифры весьма впечатляющие – даже если учесть, что население Индии больше населения России примерно в 7 раз.

В целом сегодня кадровая проблема для России определяется тем, что можно назвать разрывом поколений. Шестидесятники во многом внесли дух свободы в перестройку. Но очевидно, что нормы конкретного современного профессионализма невозможно заменить абстрактной идеей фикс «социализма с человеческим лицом». Когда шестидесятники сошли с профессиональной сцены, то обнаружилось, что следующее поколение профессионалов (сегодняшние специалисты среднего и старшего возраста) целиком сформировано социально-экономической системой застойных времен с ее движением по статусной лестнице только вверх и массовым пьянством. Более того, в ситуации ирреального профессионализма и нереальных планов партократии только пьянство было единственным массовым систематическим

видом деятельности в СССР. Уже к началу перестройки отставание СССР от индустриально развитых стран оказалось катастрофическим и необратимым. Поэтому нынешнее молодое поколение формировалось и формируется в условиях острой и для большинства из его представителей неразрешимой проблемы приобретения современного, т. е. востребованного на рынке труда профессионализма.

Успешные российские фирмы пытаются уйти от проблем советского профессионализма, используя две формулы – «до определенного возраста» и «без вредных привычек». Во всех сферах деятельности непрерывно происходит омоложение сотрудников. В менеджменте, праве, экономике начинают доминировать не имеющие негативного советского опыта профессионалы. Все более омолаживается и правительство России. В нем в сфере экономики, науки, образования чиновники, имеющие опыт работы в советской административно-командной системе, уже являются скорее исключением.

Но совершенно иначе обстоит дело в руководстве силовых структур, особенно в спецслужбах. Все их руководители высшего звена – это успешные карьеристы среднего и старшего возраста. Свой профессионализм они сформировали в советских силовых структурах в ситуации их чудовищного технического отставания от индустриально развитых стран и на основе специфических советских норм права и организации. Одновременно все больше руководителей этих структур оказываются вчерашними офицерами среднего уровня советского КГБ.

Это является основанием для утверждений о стремлении сотрудников КГБ во главе с президентом вернуть тоталитарный режим. Попробую ответить на вопрос «так ли это?» и в этом ли (или только в этом) состоит проблема все более успешного внедрения чекистов во все государственные структуры?

Очевидно, что сегодня нет серьезных оснований для сверхапокалиптических ожиданий. Маловероятно, что вчерашние майоры и подполковники КГБ – сегодняшние высшие российские чиновники – захотят переселиться со своих шикарных иномарок на скромные черные «волги», вернуться в государственные квартиры, ходить в спецраспределители за жалком (сравнительно с их сегодняшним уровнем потребления) пайком и в «Березку» за случайными иностранными товарами и, наконец, жить на зарплату, равную сегодня оплате квалифицированного строительного рабочего. И тем более этого не захотят их семьи. Скажем, вряд ли жены высокопоставленных чекистов захотят отдать государству свои пакеты акций в коммерческих организациях. И дру-

гие высшие чиновники силовых структур не желают, чтобы их родственники потеряли свои места в бизнес-структурах.

Оставлю за пределами данной статьи традиционную для спецслужб деятельность в сфере разведки, контрразведки и пограничной службы. Единственная тема данного исследования – рассмотрение проблемы решения российскими спецслужбами тех новых профессиональных задач, которые они обязаны исполнять в соответствии с новой Конституцией и новым законодательством. А потому проанализируем лишь проблемы спецслужб, возникшие у них в результате перехода России от тоталитарного государства к демократическому. Смена государственного строя привела к тому, что исчезло множество старых задач, появились принципиально новые и одновременно кардинально изменились условия работы спецслужб. Но парадоксальным образом в них стратегическую роль играют те генералы, которые выросли как профессионалы благодаря деятельности в советском КГБ, в том числе в его печально знаменитом пятом управлении. Это управление занималось защитой конституционного строя, основой которого согласно статье 6 Конституции СССР – «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» – была КПСС. Поэтому надлежит вернуться назад в СССР и посмотреть – что и в каких условиях делало советское КГБ для защиты Конституционного строя в Российской Федерации. Эта деятельность КГБ опиралась, прежде всего, на такие статьи УК РСФСР, как 69 «Вредительство», 70 «Антисоветская агитация и пропаганда», 72 с ее участием в антисоветской организации и, наконец, 190¹ «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй» – все это «особо опасные государственные преступления». А их дополняли и «иные государственные преступления» статьи 88¹ «Недонесение о государственных преступлениях», 88² «Укрывательство государственных преступлений», 88 «Нарушение правил о валютных операциях». Пятое управление КГБ в реальности было политической полицией. При всех различиях политических полиций в разных тоталитарных режимах у них всех есть один общий базис – они создаются для защиты тоталитарной власти и функционируют в ее интересах. Среди задач политической полиции в принципе не может идти речь о какой бы то ни было защите демократии, поскольку в тоталитарных государствах демократия всегда является декларативным прикрытием. В то же время советское КГБ опиралось на систему «прошивки» всей жизни советского человека – обязательные прописка и работа по месту прописки, цензура и запрет использования множительной техники;

мощная система первых отделов и гигантская сеть «сексотов». КГБ успешно использовало в борьбе с политическими противниками и репрессивную психиатрию, и неполитические статьи уголовного кодекса.

Сегодня кардинально изменились условия деятельности спецслужб – прежде всего, принципиально переписано все законодательство. Из УК РФ исчезли не только вышеперечисленные государственные преступления, но и все преступления против социалистической собственности. Перестали быть преступлениями как вчерашние тяжкие уголовные преступления (спекуляция и фарцовка, частное предпринимательство за пределами крайне примитивной кооперативной деятельности), так и режимные преступления (паразитический образ жизни, нарушение правил прописки) и многое, многое другое. Вместе с нормами Конституции кардинально изменились нормы Уголовного и Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Перечислю те новые задачи, которые появились у спецслужб после перестройки. Очевидно, что **Раздел X УК РФ. «Преступления против государственной власти»** прямо относится к их деятельности. Рассмотрим его. Прежде всего, в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» уже печально знаменитая статья 282. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» сменила статью 74 УК РСФСР «Нарушение национального или расового равноправия» – чисто номинальную в СССР, если вспомнить о многочисленных ограничениях, например для евреев, начиная с 1952 года. Помимо этого, в УК РФ появились две принципиально новые главы этого раздела. Так, в главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» в новых формулировках вошел целый ряд статей из раздела УК РСФСР «Должностные преступления»: 285 – «Злоупотребление должностными полномочиями», 286 – «Превышение должностных полномочий», 288 – «Присвоение полномочий должностного лица», 289 – «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», 290 – «Получение взятки», 291 – «Дача взятки», 292 – «Служебный подлог», 293 – «Халатность». А в главу 31 «Преступления против правосудия» вошли статьи: 299 – «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», 300 – «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», 302 – «Принуждение к даче показаний», 303 – «Фальсификация доказательств», 305 – «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»; 306 – «Заведомо ложный донос», 307 – «Заведомо ложные показания, заключе-

ние эксперта или неправильный перевод»; 309 – «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу», 310 – «Разглашение данных предварительного расследования», 312 – «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», 315 – «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», 316 – «Укрывательство преступлений».

В то же время целый ряд старых задач спецслужб приобрел новый смысл. Например, терроризм во времена застоя фактически отсутствовал и в его реальной, и в ирреальной форме. Осуществление терактов делали невозможным «прошивка» всей жизни и отсутствие частного предпринимательства. Сегодня терроризм, прежде всего, прямо опирается на криминальную деятельность представителей силовых структур – продажа оружия из ВС, взятки сотрудникам правоприменительных структур и т. п. Поэтому борьба с терроризмом требует от спецслужб принципиально новых стратегии и тактики. Масштабы пропажи оружия, фабрикация документов в России таковы, что трудно говорить об успешной работе спецслужб в борьбе с основаниями терроризма.

Большинство новых для российских спецслужб статей УК в сфере государственных преступлений наши законодатели формировали, видимо, по образу и подобию законодательства о спецслужбах демократических государств. Представим себе, что «силовики» будут их успешно решать. Тогда в России начнется правовая идиллия – исчезнет коррупция, суд станет независимым и правовым, деятельность правоприменительных структур окажется строго законной. То же ФСБ надежно защитит рядового гражданина от всех злоупотреблений властью имущих. Вот так и размышляешь, сравнив УК РСФСР и УК РФ. Но вот попробуйте сходить, например, в питерский Большой дом или в московскую Лубянку и попросить защитить вас от вымогательства взяток, от насилия милиции и т. д. Вашему появлению очень удивятся. Но, правда, не отправят, как в СССР, в психушку за клевету на советскую власть. И на том спасибо. А вот граждане США обращаются в ФБР за защитой своих конституционных прав.

Очевидно, что в России число таких государственных преступлений как коррупция, беспредел власти, никем не пресекаемый разгул ксенофобной агитации, если не растет, то, во всяком случае, отнюдь не падает. При этом отмечается парадоксальная ситуация. В США и политики, и чиновники постоянно критикуют ФБР, которое, между прочим, работает совсем неплохо сравнительно с ФСБ. А в России работой спецслужб все довольны. Так,

президент РФ Владимир Путин в январе 2004 года сообщил, что «в прошлом году подразделения ФСБ России в целом успешно справились с поставленными задачами». А Совет Федерации, в функции которого входит контроль за ФСБ, просто молчит.

Почему же, несмотря на многочисленные реформы спецслужб, их деятельность в сфере, жизненно важной для успеха российской демократии, не слишком успешна? Ответ очень прост. При всех реформах спецслужб стратегическую роль в них продолжают играть вчерашние советские разведчики, контрразведчики и борцы с диссидентами. Парадокс ситуации в том, что им сегодня фактически вменено в обязанность защищать те самые права и свободы гражданина, с которыми они успешно боролись вчера. А потому стратегический статус руководства спецслужб хорошо описывает афоризм Гете – «Кто не может делать необходимое, делает ненужное». Генералитет ФСБ блестяще доказывает правоту этого афоризма. Приведу два примера.

Директор ФСБ Николай Патрушев заявил: «В различных зарубежных странах действуют приблизительно 60 антидемпинговых законов, действие которых наносит России ущерб в размере 5-6 миллиардов долларов». Однако любому молодому юристу известно, что законодательство зарубежных стран не должно формироваться с учетом экономических интересов России. Но генерал ФСБ Патрушев, как известно, и в СССР учил не право, а приборы, и работал не юристом, а инженером (пару лет) и сотрудником КГБ¹.

Другой еще более наивный генерал ФСБ – В. В. Остроухов предлагает предотвратить «распространение в Интернете экстремистских идей, вести учет нелегальной сетевой активности, а также иметь возможность получать базы данных и регистрации телефонных абонентов с указанием их интернет-адресов – как статических, так и динамических». Не говоря уже о том, что предложение Остроухова антиконституционно, оно технически и экономически нереализуемо – если только не ввести полную цензуру на содержание российского Интернета. Неужели, как в советские времена поступали с множительной техникой, будут ставить все компьютеры на учет и под контроль спецслужб? Если вспомнить, что у России нет средств компьютеризировать все государственные службы и учебные заведения, то как же в стране можно сделать то, что сегодня недостижимо даже для гораздо более богатых государств?

Достаточно парадоксально, что ФСБ, предлагая глобальный контроль над Интернетом, в то же время упорно не занимается тем, что прямо отно-

¹ http://www.russianchicago.com/common/arc/story.php?id_cr=100&id=193259

сится к его непосредственным обязанностям по пресечению государственных преступлений – распространению в традиционных СМИ и в Интернете ксенофобной агитации. Хотя, судя по выступлению того же генерала Остроухова на конференции в Париже, он прекрасно об этом знает. Иногда начинает казаться, что наши спецслужбы в сфере большинства государственных преступлений играют роль своего рода наблюдателя от ООН и одновременно теоретика, которого не интересуют практические приложения его концепций. В качестве иллюстрации можно привести высказывания и предложения главного стратега ФСБ – генерал-полковника Виктора Комогорова. В 2002 году генерал Комогоров, тогда заместитель директора ФСБ России, а сегодня руководитель службы по анализу, прогнозу и стратегическому планированию заявил «Интерфаксу» следующее: «К примеру, в течение февраля мы предоставили ЦРУ США около 100 информации, они нам – 50. При этом мы предоставили им данные, которые затем были реализованы на практике, а мы от ЦРУ получили чисто фактологическую информацию»². По его словам, информация российских спецслужб носила аналитический характер, касалась планов и замыслов террористов, содержала прогнозы развития ситуации. Хотя это заявление явно не нуждается в комментариях, но трудно удержаться и не отметить удивительную наивность генерал-полковника в части, например, прогнозов развития ситуации для США. И одновременно это прекрасное отражение принципиального непонимания того, что современная деятельность спецслужб – это не квазитеоретический анализ, а конкретные разработки «здесь и сейчас», которые должны превращать их работу в эффективную. Если главный стратег ФСБ этого не понимает, то о какой успешности практики ФСБ может идти речь? Для того чтобы оценить юмор ситуации, достаточно сравнить число терактов в России и США за последние пять лет. А через год Виктор Комогоров предложил внести такие поправки в закон о судебно-экспертной деятельности, которые позволят поручать экспертизу по делам о гостайне только компетентным лицам из соответствующих компетентных органов³.

Базисом избавления от нацизма для послевоенной Германии стал запрет на профессию для бывших сотрудников Гестапо и СС. Соответственно, после объединения Германии такой же запрет распространился на бывших сотрудников Штази.

² www.webtelek.com/news.php?url=/terror/2002/04/23/cooperation/

³ <http://nadzor.pk.ru/articles/showart.php?id=9707>

Наверное, сегодня проблема люстрации вчерашних сотрудников КГБ в государственной службе трудноразрешима. Но очевидно следующее. Есть острая необходимость создания эффективных спецслужб для решения новых стратегических задач в области защиты нового конституционного строя. Но всякого рода реформы современных российских спецслужб являются лишь декорацией, за которой скрывается принципиальная недееспособность вчерашних советских чекистов, неумение эффективно решать в новых условиях не только новые, но во многом и старые задачи – например, успешно бороться с терроризмом. Вызывающее опасения текущее собиранье большинства спецслужб под одну крышу на самом деле лишь один из способов бегства спецслужб от реальных преобразований. За 14 лет реформ в России реальная эффективная перестройка спецслужб так и не была проведена.

Не случайно в демократических государствах, как правило, не смешивается деятельность разведки, контрразведки и борьбы с другими государственными преступлениями внутри страны. Так, в США не просто разделены функции ФБР и ЦРУ – сотрудникам ЦРУ запрещено действовать на территории США. СССР уже нет, но осталась дурная советская привычка – перекидывать руководящие кадры куда угодно, не задумываясь о последствиях. Российские чекисты оказались специалистами широкого профиля и сегодня, как могут, работают во всех сферах – от медицины до балета.

А потому встает резонный вопрос. Почему президент упорно сохраняет власть советских чекистов и даже развивает и расширяет ее за пределы спецслужб? Думаю, что дело и в его личном чекизме. Он явно оправдывает известный принцип «В семье сапожника дети без сапог», поскольку как будто бы не подозревает, что есть принципиальная разница между деятельностью спецслужб в тоталитарном и демократическом государствах.

И если президент не готов сегодня отправить на пенсию своих вчерашних коллег (хотя все они уже дослужились до пенсии), то стоило хотя бы выделить из ФСБ спецслужбы с принципиально новыми задачами (не относящимися к сфере государственных тайн) и развивать их с помощью молодых талантливых профессионалов. Одновременно эти спецслужбы могли бы использовать профессиональный опыт спецслужб Запада не через делегации начальников, а через прямое обучение молодежи. Известно, что учебные заведения ФСБ готовят только разведчиков, в то время как ФБР отбирает профессионалов из разных вузов и организаций, а потом в своей академии в Куантико адаптирует их к деятельности всего 11 недель.

К принципиально новым задачам российских спецслужб относятся, например, борьба с компьютерными преступлениями, пропагандой ксенофобий с использованием высоких технологий, нарушением авторских прав и патентных гарантий, создание информационных структур и современных лабораторных комплексов. Очевидно, что неизбежно и расширение сферы государственных преступлений – например, в нее должны войти такие преступления, которые в США относятся к компетенции ФБР, – экологические преступления, детская проституция и порнография, серийные убийства и маньяки. Только на реальной почве современного профессионализма возможно формирование профессиональных спецслужб демократического государства. Тогда вместо люстрации чекистов де-юре неизбежно произойдет их люстрация де-факто.

Оглавление

ЗАКОНЫ И ВНЕЗАКОННИКИ.....	3
ОНИ ЗАЩИЩАЮТ СВОЮ РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МАРГИНАЛОВ.....	5
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	14
ПОЧЕМУ РПЦ НЕ ХОЧЕТ (НЕ МОЖЕТ, НЕ ГОТОВА) ПРИБРЕСТИ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ.....	37
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО	74
ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ	125
В СЕМЬЕ САПОЖНИКА ДЕТИ БЕЗ САПОГ	182

Линьков Р.

**НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ:
книга о профессиональных непрофессионалах**

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

Технический редактор – Фофанова Н.М.

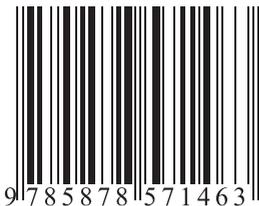
Корректор – Волохонская Н.В.

Художник – Куршева Ю.Н.

Компьютерная верстка – Павлова А.Ю.

Книга печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-87857-146-3

Сдано в набор 01.02.08. Подписано в печать 25.04.08.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 12. Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «Норма», 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.

E-mail: nog@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типографии Правда 1906»,

195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2

Тел.: (812)531-20-00, (812) 531-25-55